

Красный террор в России 1918–1923

Сергей Петрович Мельгунов

«Ecrasez l'infame!» (От автора к первому и второму изданию)

«Народы подвинутся только тогда,
когда сознают всю глубину своего падения».

Эдг. Кинэ

«Незаметно эта вещь вряд ли пройдет, если только у читателей и критики хватит мужества вчитаться (возможно и то: увидят, что тут расстреливают, и обойдут стороной)» – так писал Короленко Горнфельду по поводу рассказа Вл. Табурина «Жива душа», напечатанного в 1910 г. в «Русском Богатстве».

Мне хотелось бы, чтобы у того, кто возьмет в руки эту книгу, хватило мужества вчитаться в нее. Я знаю, что моя работа, во многих отношениях, не отделанная литературно, появилась в печати с этой стороны пржеждевременно. Но, сознавая это, я все же не имел и не имею в настоящее время сил, ни физических, ни моральных, придать ей надлежащую форму – по крайней мере соответствующую важности вопроса, которому она посвящена. Надо иметь действительно железные нервы, чтобы спокойно пережить и переработать в самом себе весь тот ужас, который выступает на последующих страницах.

Невольно вновь вспоминаешь слова В. Г. Короленко, мимолетно брошенные им по поводу его работы над «Бытовым явлением». Он писал Горнфельду в цитированном выше письме из Алупки (18 апреля): «работал над этим ужасным материалом о «смертниках», который каждый день по несколько часов отравлял мои нервы». И когда читатель перевернет последнюю страницу моей книги, я думаю, он поймет то гнетущее чувство, которое должен был испытывать автор ее в течение долгих дней, погружаясь в моря крови, насилия и неописуемых ужасов нашей современности. По сравнению с нашими днями эпоха «Бытового явления» даже не бледная копия...¹

Я думаю, что читатель получит некоторое моральное облегчение при сознании, что, может быть, не все, что пройдет перед его глазами, будет отвечать строгой исторической достоверности. Иначе, правда же, не стоило бы жить. Надо

было бы отречься от того проклятого мира, где возможна такая позорная действительность, не возбуждающая чувства негодования и возмущения; надо было бы отречься от культуры, которая может ее молчаливо терпеть без протеста. И пожалеешь, как Герцен: «Невзначай сраженный пулей, я унес бы с собой в могилу еще два-три верования»... Если вдуматься в описанное ниже, то правда же можно сойти с ума. Одни спокойно взирают, другие спокойно совершают нечто чудовищное, позорнейшее для человечества, претендующего на культурное состояние. И спасает только все еще остающаяся вера в будущее, о котором, кажется, Надсон сказал:

«Верь, настанет пора и погибнет Ваал
И вернется на землю любовь».

Историки давали и дают объяснения и даже оправдание террору эпохи французской революции; политики находят объяснение и проклятой современности. Я не хочу давать объяснение явлению, которое, может быть, и должно быть только заклеено со стороны общественной морали и в его прошлом и в его настоящем. Я хочу только восстановить картину и этого прошлого и этого настоящего.

Пусть социологи и моралисты ищут объяснение для современной человеческой жестокости в наследии прошлого и в кровавом угаре последней европейской войны, в падении человеческой морали и в искажении идеологических основ человеческой психики и мышления. Пусть психиатры отнесут все это в область болезненных явлений века; пусть припишут это влиянию массового психоза.

Я хотел бы прежде всего восстановить реальное изображение и прошлого и настоящего, которое так искажается и под резцом исторических исследований и в субъективной оценке современного практического политика.

По плану моя работа естественно распадается на три части: исторический обзор, характеристика «красного террора» большевиков и так называемого «террора белого». Лишь случайное обстоятельство побудило меня выпустить первоначально как бы вторую часть работы, посвященную «красному террору».

Прозвучал выстрел Конради, и подготовка к лозаннскому процессу² заставила меня спешно обработать часть того материала, который мне удалось собрать.

И если я выпускаю в свет свою книгу теперь, то потому только, что в данном случае ее внешняя архитектура отступает на задний план перед жизненностью и актуальностью самой темы.

То, что появляется теперь в печати, не может претендовать на характер исследования. Это только схема будущей работы; это как бы первая попытка сводки, далеко, быть может, неполной, имеющегося материала. Только эту цель и преследует моя книга. Может быть, она послужит побуждением для более широкого собирания и опубликования соответствующих материалов. Выводы сами придут.

Я косвенно ответил уже на одно возражение, которое может быть мне сделано. Я не могу взять ответственности за каждый факт, мною приводимый. Но я повсюду указывал источник, откуда он заимствован. Пусть те, кто так смело в свое время подводили теоретический фундамент под призыв к насилию и крови, а теперь говорят о «мнимом» терроре (см., напр., статьи в «Известиях» по поводу процесса Конради), прежде всего опровергнут эту фактическую сторону. Мнимый террор, который грозят восстановить московские власти за оправдание лозаннских подсудимых!

Я знаю, мне будет сделано и другое возражение.

А белый террор? На этом противопоставлении было построено выступление гражданских истцов и свидетелей обвинения на процессе Конради. Это главное оружие в руках известной группы социалистов. Это аргумент и части западноевропейской печати. К сожалению, это противопоставление приходится слышать и в рядах более близких единомышленников. Никто иной, как А. В. Пешехонов в своей брошюре «Почему я не эмигрировал?» во имя своего писательского беспристрастия счел нужным сопроводить характеристику большевицкого террора рядом именно таких оговорок. Говоря о правительстве ген. Деникина, Пешехонов писал: «Или вы не замечаете крови на этой власти? Если у

большевиков имеются чрезвычайки, то у Деникина ведь была контрразведка, а по существу – то же ли, самое? О, конечно, большевики побили рекорд и количеством жестокостей намного превзошли деникинцев. Но кое в чем и деникинцы ведь перещегооляли большевиков» (стр. 32).

И А. В. Пешехонов в пояснение рассказывал об ужасах виселиц в Ростове-на-Дону. Как убедился Пешехонов из этой книги, он и здесь ошибался – «перещегоолять» большевиков никто не мог. Но не в этом дело. Как ослабляется наш моральный протест этими ненужными в данный момент оговорками! Как бесплоден становится этот протест в аспекте исторического беспристрастия!

Я не избегаю характеристики «белого террора» – ему будет посвящена третья часть моей работы. Я допускаю, что мы можем зарегистрировать здесь факты не менее ужасные, чем те, о которых говорит последующее повествование, ибо данные истории нам говорят, что «белый» террор всегда был ужаснее «красного», другими словами, реставрация несла с собою больше человеческих жертв, чем революция. Если признавать большевиков продолжателями революционной традиции, то придется признать и изменение этой традиционной исторической схемы. Нельзя пролить более человеческой крови, чем это сделали большевики; нельзя себе представить более циничной формы, чем та, в которую облечен большевицкий террор. Это система, нашедшая своих идеологов; это система планомерного проведения в жизнь насилия, это такой открытый апофеоз убийства, как орудия власти, до которого не доходила еще никогда ни одна власть в мире. Это не эксцессы, которым можно найти в психологии гражданской войны то или иное объяснение.

«Белый» террор явление иного порядка – это прежде всего эксцессы на почве разнузданности власти и мести. Где и когда в актах правительственной политики и даже в публицистике этого лагеря вы найдете теоретическое обоснование террора, как системы власти? Где и когда звучали голоса с призывом к систематическим официальным убийствам? Где и когда это

было в правительстве ген. Деникина, адмирала Колчака или барона Врангеля?

Моральный ужас террора, его разлагающее влияние на человеческую психику в конце концов не в отдельных убийствах, и даже не в количестве их, а именно в системе. Пусть «казацкие» и иные атаманы в Сибири, или на Дону, о которых так много говорили обвинители на лозаннском процессе и о которых любят говорить все сопоставляющие красный террор с белым, запечатлели свою деятельность кровавыми эксцессами часто даже над людьми неповинными. В своих замечательных показаниях перед «судом» адм. Колчак свидетельствовал, что он был бессилён в борьбе с явлением, получившим наименование «атаманщины».

Нет, слабость власти, эксцессы, даже классовая месть и... апофеоз террора – явления разных порядков. Вот почему, говоря о «красном терроре», со спокойной совестью я мог в данный момент проходить мимо насилий эпохи «белого террора»³. Если наша демократическая печать делает адм. Колчака ответственным за сибирскую реакцию, то кто же ответственен за то, что происходило и происходит ныне в России?

Максим Горький в брошюре «О русском крестьянстве» упрощенно ответил: «Жестокость форм революции я объясняю исключительной жестокостью русского народа». Трагедия русской революции разыгрывается в среде «полудиких людей». «Когда в «зверстве» обвиняют вождей революции – группу наиболее активной интеллигенции – я рассматриваю это обвинение, как ложь и клевету, неизбежные в борьбе политических партий или – у людей честных – как добросовестное заблуждение». «Недавний раб» – заметил в другом месте Горький – стал «самым разнузданным деспотом», как только приобрел возможность быть владыкой ближнего своего». Итак, русский писатель, не только сочувствующий русскому коммунизму, но и имевший с ним более прямые связи, снимает ответственность с творцов террористической системы и переносит ее на темноту народную. Спора нет, историческая Немезида, о которой так любят многие говорить, в том и

состоит, что «над Россией тяготеет проклятие, налагаемое историей на всякую отсталую и развращенную страну» – как писали когда-то еще в «Черном Переделе». Ни в одной стране с развитым чувством гражданственности не могло быть того, что было в России.

Но Горький, сам, очевидно, того не понимая, произносит грозный обвинительный акт против демагогии, властвующей ныне в России партии. Едва ли есть надобность защищать русского крестьянина, да и русского рабочего от клеветы Горького: темен русский народ, жестока, может быть, русская толпа, но не народная психология, не народная мысль творила теории, взлелеянные большевицкой идеологией...

Пытаются доказать, что красный террор вызван эксцессами белых. Тот, кто признает хронологию канвой истории и прочтет эту книгу, увидит, как мало правдоподобия и достоверности в этом утверждении. Но в сущности это интересно только для психолога, который будет пытаться понять человеческие отношения в эпохи гражданских войн. Я избегал в своей работе ставить вопросы теоретического характера. Они безбрежны. Мне надо было прежде всего собрать факты.

Может быть, русская общественность именно в этом отношении исполняет свой долг не так, как того требует подлинная действительность жизни. Не надо забывать, что только современники, вопреки мнению историков французской революции Оларовской школы, могут изобразить для потомства в данном случае правду не ложную.

Белый террор в прошлом; а что будет впереди, нам не суждено знать. Террор красный, под который подведен фундамент идеологический, явление наших еще дней.

И на него человеческий мир продолжает с удивительным спокойствием взирать. Почему? Я недавно еще отвечал («На чужой стороне» № 3): «Общественное мнение Европы как бы сознательно отворачивается от этой правды, ибо она в своем голом и неприкрашенном виде становится в слишком непримиримое противоречие с культурными навыками современного правового строя и общепризнанной людской моралью»⁴. И как тяжело при таких условиях читать зарубежные

письма, начинавшиеся год или два назад такими словами: «Помогите, если это возможно. Напиши Нансену, напиши Ан. Франсу, напиши аполитичному Гуверу – кричи всюду, где ты можешь: S. O. S. !..»⁵

«Необходимо, чтобы европейское общественное мнение потребовало прекращение издевательств над человеком. Необходимо вмешательство европейского социализма» – взывает из России корреспондент с.-р. «Голоса России», сообщая о неописуемых ужасах, творившихся в 1921/22 г.г. в концентрационных лагерях в Холмогорах и Порталинском монастыре.

В значительной степени бесплодны были и тогда эти обращения и эти ожидания. А теперь? Не так давно мы читали, как центральный орган чешской социал-демократии «Право Лиду» писал: «Теперь русская эмиграция распространяет сведения о том, что большевики преследуют тех, кто не согласен с их режимом. Но мы считаем, что теперь необходима известная осторожность при чтении этих сообщений и в некоторых случаях встает вопрос: не пускает ли определенная часть русской эмиграции эти сведения с целью оправдать свою бездеятельность за границей».⁶ Для «Право Лиду» нужна проверка сведений о режиме большевиков, нужна проверка отношения советской власти к ее политическим противникам. А еще два года назад чешско-словацкие с.-д., основываясь на «достоверных сообщениях», интерpellировали министра иностранных дел Бенеша о «невыносимом» политическом положении в России при советском правительстве. Они запрашивали министра:

1. Не угодно ли г. министру иностранных дел дипломатическим путем учинить все возможное, чтобы смертная казнь во всех цивилизованных государствах и в особенности в России была уничтожена.

2. Не угодно ли г. министру принять зависящие от него меры, чтобы в России уменьшились приговоры над политическими преступниками социал-демократического направления, будь они рабочими, крестьянами или солдатами.

3. Не позаботится ли г. министр, насколько это возможно в международной обстановке принять меры для того, чтобы в России были прекращены преследования против социалистов и чтобы политическим преступникам социалистам была дана всеобщая амнистия⁷.

Правда, чешские социал-демократы говорили только о социалистах! Они не возвысились до понимания истины, чуждой, к сожалению, им, как и многим социалистам Западной Европы⁸ (впрочем, и русским), о которой недавно еще напомнил маститый чешский же общественный деятель Т. Г. М. в «Pzitomnost'e»: «Для человека нет высшего правила во всей жизни и в политике, чем сознание, что жизнь и личность человека должны быть священны». Что же заставило «Pravo Lidu» изменить теперь позиции даже по отношению к социалистам? Пресловутый вопрос о признании Европой советской власти? Так именно мотивировала на последнем съезде в январе 1924 г. французская социалистическая партия свое предложение советскому правительству прекратить преследования социалистов – это важно для того, чтобы партия могла бы без всяких оговорок и без укоров совести присоединиться к предложению о признании советского правительства Францией. Английская рабочая партия, говорящая о своем новом якобы понимании социализма, не выставляет и этого даже требования... А чешские социал-демократы склонны заподозрить уже и самый факт преследования – и это тогда, когда до нас доходят сообщения о самоубийствах, избиениях и убийствах в Соловках, о чем в 1924 г. поведала миру не зарубежная русская печать, а правительственное сообщение самих большевиков. Мы видим таким образом, какую большую поправку приходится внести в преждевременное утверждение «Дней»: «прошли те времена, когда большевистские расправы можно было производить втихомолку. Каждая новая волна красного террора вновь и вновь вызывает протесты европейского общественного мнения»⁹.

Не имеем ли мы права сказать, что даже социалисты, кончающие самоубийством в ужасных условиях современной

ссылки в России, должны знать теперь о бесцельности обращения с призывами к своим западноевропейским товарищам?

«Ужасы, творящиеся в концентрационных лагерях севера – писал в 1922 г. упомянутый корреспондент «Голоса России» – не поддаются описанию. Для человека, не испытывавшего и не видевшего их, – они могут казаться выдумкой озлобленного человека»...

Мы, изо дня в день с ужасом и болью ожидавшие эпилога, которым ныне закончилась трагедия в Соловках, и знаем и понимаем эту кошмарную действительность – для нас это не эксперимент, быть может, полезный, в качестве показательного опыта, для пролетариата Западной Европы... Для нас это свое живое, больное тело. И как мучительно сознавать свое полное бессилие помочь даже словом...

Я не льщу себя надеждой, что моя книга дойдет до тех представителей западноевропейского общественного мнения, которые легко подчас высказывают свои суждения о событиях в России или не зная их, или не желая их понять. Так просто, напр., обвинить зарубежную русскую печать в тенденциозном искажении действительности. Но люди, ответственные за свои слова, не имеют права перед лицом потомства так упрощенно разрешать свои сомнения – прошло то время, когда «грубое насильничество московских правителей» в силу полной отрезанности от России объясняли, по словам Каутского, «буржуазной клеветой».

Примером этих выступлений последнего времени могут служить и статьи верховного комиссара Лиги Наций по делам русских беженцев, обошедшие полгода назад всю европейскую печать. О них мне приходилось писать в «Днях» в своем как бы открытом письме Нансену «Напрасные слова» (20-го июля 1923 г.).

Нансен упрекал западноевропейское общественное мнение в нежелании понять происходящее в России и советовал не ограничиваться «пустыми слухами». «Все понять – все простить»... И этой старой пословицей д-р Нансен пытался дать объяснение тому гнету, который царит на нашей несчастной

родине. В революционное время – методы действия не могут быть столь мягки, как в мирное время. Политические гонения были и при старом режиме, который тоже представлял собою олигархию. Теперь Немезида совершает свое историческое отмщение.

Не всякий способен, однако, в периоды, когда разворачиваются картины неисчислимых страданий и горя, становиться на эту своеобразную историческую точку зрения.

Может быть, в этом повинна русская некультурность, может быть, традиционность русской интеллигентской мысли, но мы – писал я – не способны понять великих заветов гуманности, облеченных в ту форму, в которую облакает их д-р Нансен.

И далеко не только он один...

Когда совершаются убийства часто невинных людей, когда в стране свирепствует политический террор, принимающий по временам самый разнузданный характер, наше моральное чувство не может примириться с утверждением: «ничто великое не совершается без борьбы и страданий». Наша общественная совесть требует другого отношения к «кровавым конвульсиям», о которых столь эпически писал Виктор Маргерит в своем приветствии советской власти по поводу пятилетия ее существования, т. е. пятилетия насилий над человеческой жизнью, над общественной совестью, над свободой слова.

Когда «учитель» и «ученик», Анатоль Франс и Мишель Кордей, преклоняются перед властью, которая якобы несет уничтожение несправедливости и угнетения после стольких веков, когда они говорят о русской коммунистической власти, как о провозвестнице «человеку нового лика мира», мы имеем право требовать, чтобы те, которые это пишут, и те, которые говорят от имени демократии, прежде всего познали современную русскую действительность.

Только раз поднялся как будто бы голос протеста западноевропейской демократии против большевицкого террора – это в дни, когда смертная петля накидывалась на социалистов во время московского процесса партии с.-р. Казалось, европейский социализм сошел, наконец, с той «позиции нейтралитета», которую он занимал до той поры в вопросе о

большевицких насилиях. Мы слышали тогда голоса и Максима Горького, и Анатоля Франса, и Андре Барбюса, и Ромэна Роллана, и Уэльса, предостерегавшие московскую власть от «моральной блокады» России социалистами всего мира. Угроза смерти продолжала висеть над «12 смертниками»! А Горький через несколько месяцев уже писал, что советская власть – единственная сила, способная возбудить в массе русского народа творчество к новым, «более справедливым и разумным формам жизни». Другие приветствовали через полгода «новый лик мира»!...

Час истории наступит однако! И те, которые поднимают свой голос против войны, против ее «мрачных жертв», не должны заглушать свой голос совести, когда совершается самое позорное, что только может быть в человеческом мире. Кто сознательно или бессознательно закрывает глаза на ужас политического террора, тот отбрасывает культуру к эпохе пережитого уже варварства. Это величайшее преступление перед человечеством, преступление перед демократией и социализмом, о котором они говорят. Обновить мир может только обновленный человек. Не ему развиваться в атмосфере угнетения, ужаса, крови и общественного растрепывания, густым туманом окутавшей нашу страждущую страну.

Наша общественная совесть настоятельно требует ответа на вопрос о том, каким образом гуманность и филантропия могут мириться с насилием, которое совершается с Россией, с той человеческой кровью, которая льется на глазах всего культурного мира не на войне, а в застенках палачей? Каким образом филантропия и гуманность могут мириться даже со «святым насилием», если только таковое может быть в действительности?

Верховный комиссар Лиги Наций гордится выпавшей на его долю возможностью оказать помощь великому русскому народу, строящему новую жизнь. Не пора ли в таком случае остановить руку карающей Немезиды, занесенную над великой страной и великим народом?

И эта рука может быть остановлена лишь в том случае, если культурный мир безоговорочно выявит свое отношение к

тому, что происходит в России. Как-то лорд Сесиль в письме в редакцию «Times» предлагал английской печати ознакомить общественное мнение с поведением того правительства, которое «стремится быть допущенным в среду цивилизованных народов». Но «не может быть пророком Брандом низменный Фальстаф» как бы отвечает на этот призыв в своей недавней книге «Нравственный лик революции» представитель так называемого левого народничества Штейнберг. Он вспоминает «обличительную мощь» Чичеринской ноты, посланной в ответ на протест западных нейтральных держав против красного террора в сентябре 1918 г. и говорит: «Не смеют «они» – вожди этого мира поднимать свой голос протеста против «революционного террора».

Ну а те, кто не повинны в грехах правящих классов, кто смеет поднимать свой голос, почему они молчат?

«Мы не обращаемся ни к вооруженной, ни к материальной помощи государств и не просим их вмешательства во внутреннюю борьбу против организованного насилия» – писал два года назад Исполнительный Комитет Совещания Членов Учредительного Собрания в своем обращении к общественному мнению Европы. «Мы обращаемся к цивилизованному и передовому общественному мнению. Мы просим его – с тем же рвением, с той же энергией и настойчивостью, с которой оно осуждало всякую поддержку контрреволюционных выступлений против русского народа и революции отказать в своей моральной поддержке людям, превзошедшим в методах насилия все, что изобретено темными веками средневековья». «Нельзя более молчать – кончало воззвание – при страшных вестях, приходящих ежедневно из России. Мы зовем всех, в ком жив идеал построенного на человечности лучшего будущего: протестуйте против отвратительного искажения этого идеала, заступитесь за жертвы, единственной виной которых является их горячее желание помочь истерзанному народу и сократить срок его тяжких страданий»...

И все же нас продолжает отделять глухая, почти непроницаемая стена!

В 1913 г. в Голландии был создан особый комитет помощи политическим заключенным в России. Он ставил своей задачей информировать Европу о преступлениях, совершавшихся в царских тюрьмах, и поднять широкое общественное движение в защиту этих политических заключенных. «Не так давно цивилизованная Европа громко протестовала против тюрем и казней русского самодержавия. То, что теперь делается в России – указывает цитированное воззвание – превышает во много раз все ужасы старого режима».

Почему же так трудно теперь пробить брешь в лицемерном или апатичном нежелании говорить о том, что стало в России «своего рода бытовым явлением»?

Отчего мы не слышим еще в Западной Европе Толстовского «Не могу молчать»? Почему не поднимет своего голоса во имя «священнейших требований человеческой совести» столь близкий, казалось бы, Льву Толстому Ромэн Роллан, который еще так недавно заявлял (в ответ Барбюсу), что он считает необходимым защищать моральные ценности во время революции больше, чем в обычное время?

«Средства гораздо важнее для прогресса человечества, чем цели...» Почему молчит Лига прав человека и гражданина? Неужели «les principes de 1879», стали действительно только «фразой, как литургия, как слова молитв»? Неужели прав был наш великий Герцен, сказавший это в 1867 году¹⁰. Почему на антимилитаристических конференциях «Христианского Интернационала» (в Дании в июле 1923 г.) говорят об уничтожении «духа войны», о ее виновниках и не слышно негодующего голоса, клеймящего нечто худшее, чем война – варварство, позорящее самое имя человека?

«Страшно подумать, что в нескольких тысячах верст от нас гибнут миллионы людей от голода. Это должно отравить каждый наш кусок хлеба» – писал орган чешских с.-д. «Pravo Lidu» по поводу организации помощи голодающей России. Но разве не отравляет наше сознание ежечасно существование московских застенков?

Нет и не может быть успокоения нашей совести до той поры, пока не будет изжито мрачное средневековье XX века,

свидетелями которого нам суждено быть.

Жизнь сметет его, когда оно окончательно будет изжито в нашем собственном сознании; когда западноевропейская демократия, в лице прежде всего социалистов, оставляя фантомы реакции в стороне, действительно, в ужасе отвернется от кровавой «головы Медузы», когда революционеры всех толков поймут, наконец, что правительственный террор есть убийство революции и насадитель реакции, что большевизм не революция и что он должен пасть «со стыдом и позором», сопровождаемый «проклятием всего борящегося за свое освобождение пролетариата». Это – слова маститого вождя немецкой социал-демократии Каутского, одного из немногих, занимающих столь определенную, непримиримую позицию по отношению к большевицкому насилию.

И нужно заставить мир понять и осознать ужас тех морей крови, которые затопили человеческое сознание.

Берлин, 15 дек. 1923 г. – 15 марта 1924 г.

Post scriptum (о материалах)

Живя в России, я считал своим долгом публициста и историка собирать материалы о терроре. Я не имел, конечно, возможности проникать в тайники органов, отправляющих так называемое «революционное правосудие». Это сможет сделать историк в будущем и то постольку, поскольку сохранится материал об этой страшной странице современной русской действительности. Материал исчезает, и многое уже исчезло безвозвратно в дни гражданской войны, когда сами Чрезвычайные Комиссии уничтожали свое прекарное делопроизводство при спешной эвакуации или при грозящем восстании (напр., в Тамбове при Антоновском наступлении).

Здесь, за границей, я мог использовать только самую незначительную часть собранного и перевезенного, в виде выписок и газетных вырезок, материала. Но ценность этого материала в том, что здесь большевики как бы сами говорят о себе.

За рубежом я мог воспользоваться прессой, недоступной мне в России. Мною просмотрена почти вся эмигрантская литература; использованы сотни отдельных сообщений. Этой скрупулезностью (поскольку представлялось возможным при современном состоянии материала) подбора фактов, которые в своей совокупности и могут только дать реальную картину по истине невероятного кошмара современной русской действительности, в значительной степени объясняется и внешнее построение книги. Все это данные, за полную точность которых, конечно, ручаться нельзя. И все-таки надо признать, что сообщения зарубежной прессы в общем очень мало грешили против действительности. Еще вопрос, в какую сторону был крен. Приведу хотя бы такой яркий пример. Сообщение Бурцевского «Общего Дела» говорило как-то о расстреле 13.000 человек в Крыму после эвакуации Врангеля. Эта цифра в свое время казалась редакции почти невероятной. Но мы с полной достоверностью теперь знаем, что действительно

реальное в значительной степени превзошло это, казалось бы, невероятное.

Ошибки неизбежны были в отдельных конкретных случаях; субъективны были, как всегда, индивидуальные показания свидетелей и очевидцев, но в сущности не было ошибок в общих оценках. Допустим, что легко можно подвергнуть критике сообщение хотя бы с.-р. печати о том, что во время астраханской бойни 1919 г. погибло до 4000 рабочих. Кто может дать точную цифру? И кто сможет ее дать когда-либо? Пусть даже она уменьшится вдвое. Но неужели от этого изменится хоть на иоту самая сущность? Когда мы говорим о единицах и десятках, то вопрос о точности кровавой статистики, пожалуй, имеет еще первостепенное значение; когда приходится оперировать с сотнями и тысячами, тогда это означает, что дело идет о какой-то уже бойне, где точность цифр отходит на задний план. Нам важно в данном случае установить лишь самый факт.

В тексте указываются те иностранные материалы, которыми я мог до настоящего времени воспользоваться. Если в тексте нет определенных ссылок на источник, это означает, что у меня имеется соответствующий документ.

Я должен сказать несколько слов об одном источнике, который имеет первостепенное значение для характеристики большевизма в период 1918–1919 гг. и единственное для описания террора на юге за этот период времени. Я говорю о материалах Особой Комиссии по расследованию деяний большевиков, образованной в декабре 1918 г. при правительстве ген. Деникина. С необычайным личным самопожертвованием руководителям этой комиссии удалось вывезти во время эвакуации в марте 1920 г., и тем самым сохранить для потомства значительную часть собранного ими материала. При втором издании своей книги я мог уже в значительно большей степени воспользоваться данными из архива комиссии. Читатель сам легко убедится в высокой исторической ценности этих материалов; между тем один из рецензентов моей книги (Мих. Ос. в «Последних Новостях») попутно, без достаточных, как мне кажется, оснований, заметил: «в конечном счете малодостоверные, легко могущие быть

пристрастными следственные документы, вроде данных «деникинской комиссии», могли бы быть свободно опущены». Нельзя, конечно, опорочить достоверность тех документальных данных, которые собраны Комиссией, – подлинные протоколы Чрезвычайных Комиссий с собственноручными подписями и соответствующими печатями, которые мы впервые получили из архива Комиссии, являются таким же бесспорным по откровенности материалом, как знаменитый «Еженедельник Ч.К.»

Показания свидетелей и очевидцев субъективны – повторим еще раз этот старый трюизм. И тем не менее, по каким теоретическим основаниям заранее надо признать малодостоверными груды показаний, собранных комиссией, те обследования на местах, которые она производила с соблюдением, как говорит она в своих протоколах, «требований Устава Уголовного Производства»? Можно с иронией относиться к общепринятым юридическим нормам, и тем не менее они в жизни обеспечивают ту элементарную хотя бы законность, которая исчезает при отсутствии этих традиционных гарантий. В комиссии работали заслуженные общественные деятели, прошедшие нередко хороший юридический стаж; в ней принимали участие официальные представители местных общественных самоуправлений, профессиональных союзов и т. д.

Материалы Комиссии когда-нибудь будут разработаны и опубликованы, и только тогда они смогут быть подвергнуты всесторонней оценке. Деникинская Комиссия ставила себе не столько «следственные задачи», сколько собирание материалов о деятельности большевиков; производила она свою работу по определенной программе, которая включала в себя «расследование мероприятий большевиков в различных сферах государственной и народной жизни» – и работа ее дала действительно полную и красочную картину большевизма 1918–1919 гг. Условия русской жизни еще таковы, что я, пользуясь материалами Комиссии при втором издании своей книги, к сожалению, должен был оперировать с анонимами. Я не имел права, за редким исключением, называть имен, не зная где в

данный момент находятся лица, сообщавшие Комиссии свои наблюдения и известные им факты. Мне приходилось ограничиваться лишь глухими ссылками на «Материалы» Особой Комиссии и тем, конечно, ослаблять их показательную ценность. Субъективность показаний, связанная с определенным именем, приобретает и иной удельный вес.

Оглядывая всю совокупность материала, легшего в основу моей работы, я должен, быть может, еще раз подчеркнуть, что в наши дни он не может быть подвергнут строгому критическому анализу – нет данных, нет возможности проверить во всем его достоверность. Истину пока можно установить только путем некоторых сопоставлений. Я повсюду старался брать однородные сведения из источников разных политических направлений. Такая разнородность источников и однородность показаний сами по себе, как мне представляется, свидетельствуют о правдивости излагаемого. Пусть читатель сделает сам эти необходимые сопоставления.

Красный террор

«В стране, где свобода личности дает возможность честной, идейной борьбы... политическое убийство, как средство борьбы, есть проявление деспотизма».

Исполн. Комитет Нар. Воли.

Я прожил все первые пять лет большевицкого властвования в России. Когда я уехал в октябре 1922 года, то прежде всего остановился в Варшаве. И здесь мне случайно на первых же порах пришлось столкнуться с одним из самых сложных вопросов современной общественной психики и общественной морали.

В одном кафе, содержимом на коллективных началах группой польских интеллигентных женщин, одна дама, подававшая мне кофе, вдруг спросила:

– Вы русский и недавно из России?

– Да.

– Скажите, пожалуйста, почему не найдется никого, кто убил бы Ленина и Троцкого?

Я был несколько смущен столь неожиданно в упор поставленным вопросом, тем более, что за последние годы отвык в России от возможности открытого высказывания своих суждений. Я ответил ей однако, что лично, искони будучи противником террористических актов, думаю, что убийства прежде всего не достигают поставленной цели.

Убийство одного спасло бы, возможно, жизнь тысяч, погибающих ныне бессмысленно в застенках палачей. Почему же при царе среди социалистов находилось так много людей, готовых жертвовать собой во имя спасения других или шедших на убийство во имя отмщения за насилие? Почему нет теперь мстителей за поруганную честь? У каждого есть брат, сын, дочь, сестра, жена. Почему среди них не подымется рука, отмщающая за насилие? Этого я не понимаю.

И я должен был, оставляя в стороне вопрос о праве и морали насилия¹¹, по совести ей ответить, что основная причина, мне кажется, лежит в том, что при существующем

положении, когда человеческая жизнь в России считается ни во что, всякого должна останавливать мысль, что совершаемый им политический акт, его личная месть, хотя бы во имя родины, повлечет за собою тысячи невинных жертв; в то время как прежде погибал или непосредственный виновник совершенного деяния или в крайнем случае группа ему сопричастных – теперь иное. И сколько примеров мы видим за последние годы!

Институт заложников

«Террор – бесполезная жестокость, осуществляемая людьми, которые сами боятся».

Энгельс

17-го августа 1918 г. в Петербурге бывшим студентом, юнкером во время войны, социалистом Канегиссером был убит народный комиссар Северной Коммуны, руководитель Петербургской Чрезвычайной Комиссии – Урицкий. Официальный документ об этом акте гласит: «При допросе Леонид Канегиссер заявил, что он убил Урицкого не по постановлению партии, или какой-нибудь организации, а по собственному побуждению, желая отомстить за арест офицеров и расстрел своего друга Перельцвейга»¹².

28-го августа социалистка Каплан покушалась на жизнь Ленина в Москве.

Как ответила на эти два террористических акта советская власть?

По постановлению Петроградской Чрезвычайной Комиссии – как гласит Официозное сообщение в «Еженедельнике Чрез. Ком.» 20-го октября (№ 5) – расстреляно 500 человек заложников. Мы не знаем и, вероятно, никогда не узнаем точной цифры этих жертв – мы не знаем даже их имен. С уверенностью однако можно сказать, что действительная цифра значительно превосходит цифру приведенного позднейшего полуофициального сообщения (никакого официального извещения никогда не было опубликовано). В самом деле, 23-го марта 1919 года английский военный священник Lombard сообщал лорду Керзону: «в последних числах августа две барки, наполненные офицерами, потоплены и трупы их были выброшены в имении одного из моих друзей, расположенном на Финском заливе; многие были связаны по двое и по трое колючей проволокой»¹³.

Что же это неверное сообщение? Но об этом факте многие знают и в Петрограде и в Москве. Мы увидим из другого источника, что и в последующее время большевицкая власть

прибегала к таким варварским способам потопления врагов (напр., в 1921 г).

Один из очевидцев петроградских событий сообщает такие детали: «Что касается Петрограда, то, при беглом подсчете, число казненных достигает 1.300, хотя большевики признают только 500, но они не считают тех многих сотен офицеров, прежних слуг и частных лиц, которые были расстреляны в Кронштадте и Петропавловской крепости в Петрограде без особого приказа центральной власти, по воле местного Совета; в одном Кронштадте за одну ночь было расстреляно 400 ч. Во дворе были вырыты три больших ямы, 400 человек поставлены перед ними и расстреляны один за другим»¹⁴.

«Истерическим террором» назвал эти дни в Петрограде один из руководителей Вс. Чр. Ком., Петерс, в интервью, данном газетному корреспонденту в ноябре: «Вопреки распространенному мнению – говорил Петерс, – я вовсе не так кровожаден, как думают». В Петербурге «мягкотелые революционеры были выведены из равновесия и стали чересчур усердствовать. До убийства Урицкого в Петрограде не было расстрелов, а после него слишком много и часто без разбора, тогда как Москва в ответ на покушение на Ленина ответила лишь расстрелом нескольких царских министров». И тут же однако не слишком кровожадный Петерс грозил: «я заявляю, что всякая попытка русской буржуазии еще раз поднять голову, встретит такой отпор и такую расправу, перед которой побледнеет все, что понимается под красным террором»¹⁵.

Оставляю пока в стороне совершенно ложное утверждение Петерса, что до убийства Урицкого в Петрограде не было смертных казней. Итак, в Москве за покушение социалистки на Ленина расстреляно лишь несколько царских министров! Петерс не постыдился сделать это заявление, когда всего за несколько дней перед тем в том же «Еженедельнике Ч.К.» (№.6) был опубликован весьма укороченный список расстрелянных за покушение на Ленина. Их было опубликовано через два месяца после расстрела 90 человек¹⁶. Среди них были и министры, были офицеры, как были и служащие кооперативных

учреждений, присяжные поверенные, студенты, священники и др. Мы не знаем числа расстрелянных. Кроме единственного сообщения в «Еженедельнике Ч.К.»¹⁷ никогда ничего больше не было опубликовано. А между тем мы знаем, что людей в эти дни в Москве по общим сведениям было расстреляно больше 300¹⁸.

Те, которые сидели в эти поистине мучительные дни в Бутырской тюрьме, когда были арестованы тысячи людей из самых разнообразных общественных слоев, никогда не забудут своих душевных переживаний. Это было время, названное одним из очевидцев «дикой вакханалией красного террора»¹⁹. Тревожно и страшно было по ночам слышать, а иногда и присутствовать при том, как брали десятками людей на расстрел. Приезжали автомобили и увозили свои жертвы, а тюрьма не спала и трепетала при каждом автомобильном гудке. Вот войдут в камеру и потребуют кого-нибудь «с вещами» в «комнату душ»²⁰ – значит, на расстрел. И там будут связывать попарно проволокой. Если бы вы знали, какой это был ужас! Я сидел в эти дни в Бутырской тюрьме, и сам переживал все эти страшные кошмары. Возьму один рассказ очевидца:²¹ «В памяти не сохранились имена многих и многих, уведенных на расстрел из камеры, в которой сидел пишущий эти строки в Ленинские августовские дни 1918 года, но душераздирающие картины врезались в память и вряд ли забудутся до конца жизни»...

«Вот группа офицеров, в числе пяти человек, через несколько дней после «Ленинского выстрела» вызывается в «комнату душ». Некоторые из них случайно были взяты при облаве на улице. Сознание возможности смерти не приходило им в голову, они спокойно подчинились своей судьбе – сидеть в заключении...

«И вдруг... «с вещами по городу в комнату душ». Бледные, как полотно, собирают они вещи. Но одного выводной надзиратель никак не может найти. Пятый не отвечает, не откликается. Выводной выходит и возвращается с заведующим корпусом и несколькими чекистами. Поименная поверка. Этот пятый обнаруживается... Он залез под койку... Его

выволакивают за ноги... Неистовые звуки его голоса заполняют весь коридор. Он отбивается с криком: «За что? Не хочу умирать!» Но его осиливают, вытаскивают из камеры... и они исчезают... и вновь появляются во дворе... Звуков уже не слышно... Рот заткнут тряпками.

«Молодой прапорщик Семенов арестован за то, что во время крупного пожара летом 1918 года на Курском вокзале (горели вагоны на линии), находясь среди зрителей, заметил, что вероятно вагоны подожгли сами большевики, чтобы скрыть следы хищения. Его арестовали, а вместе с ним арестовали на квартире его отца и брата. Через три месяца после допроса следователь уверил его, что он будет освобожден. Вдруг... «с вещами по городу». И через несколько дней его фамилия значилась в числе расстрелянных. А через месяц при допросе отца следователь сознался ему, что сын был расстрелян по ошибке, «в общей массе» расстрелянных.

«Однажды к нам в камеру ввели юношу лет 18–19, ранее увиденного из нашего коридора. Он был арестован при облавке на улице в июле 1918 г. около храма Христа Спасителя. Этот юноша рассказал нам, что через несколько дней по привозе его в В.Ч.К. его вызвали ночью, посадили на автомобиль, чтобы отвезти на расстрел (в 1918 году расстреливали не в подвале, а за городом). Совершенно случайно кто-то из чекистов обратил внимание, что расстрелять они должны не молодого, а мужчину средних лет. Справились, оказалось фамилия и имя те же самые, отчества расходятся, и расстреливаемому должно быть 42 года, а этому 18. Случайно жизнь его была спасена и его вернули к нам обратно.

«Красный террор целыми неделями и месяцами держал под Дамокловым мечом тысячи людей. Были случаи, когда заключенные отказывались выходить из камеры на предмет освобождения из тюрьмы, опасаясь, что вызов на волю – ловушка, чтобы обманом взять из тюрьмы на расстрел. Были и такие случаи, когда люди выходили из камеры в полном сознании, что они выходят на волю, и сокамерники обычными приветствиями провожали их. Но через несколько дней фамилии этих мнимо освобожденных указывались в списке

расстрелянных. А сколько было таких, имена которых просто не опубликовывались...»

Не только Петербург и Москва ответили за покушение на Ленина сотнями убийств. Эта волна прокатилась по всей советской России – и по большим и малым городам и по местечкам и селам. Редко сообщались в большевицкой печати сведения об этих убийствах, по все же в «Еженедельнике» мы найдем упоминания и об этих провинциальных расстрелах, иногда с определенным указанием: расстрелян за покушение на Ленина. Возьмем хотя бы некоторые из них.

«Преступное покушение на жизнь нашего идейного вождя, тов. Ленина – сообщает Нижегородская Ч.К. – побуждает отказаться от сентиментальности и твердой рукой провести диктатуру пролетариата»... «Довольно слов!»... «В силу этого» – комиссией «расстрелян 41 человек из вражеского лагеря». И дальше шел список, в котором фигурируют офицеры, священники, чиновники, лесничий, редактор газеты, стражник и пр. и пр. В этот день в Нижнем на всякий случай взято до 700 заложников. «Раб. Кр. Ниж. Лист» пояснял это: «На каждое убийство коммуниста или на покушение на убийство мы будем отвечать расстрелом заложников буржуазии, ибо кровь наших товарищей убитых и раненых требует отмщения».

«В ответ на убийство тов. Урицкого и покушение на тов. Ленина... красному террору подвергнуты», по постановлению Сумской (Харьковской губ.) уездной Ч.К., трое летчиков; Смоленской Областной Комиссией 38 помещиков Западной Области; Новоржевской – какие-то Александра, Наталия, Евдокия, Павел и Михаил Росляковы; Пошехонской – 31 (целыми семьями: 5 Шалаевых, 4 Волковых), Псковской – 31, Ярославской – 38, Архангельской – 9, Себежской – 17, Вологодской – 14, Брянской – 9 грабителей (!!) и т. д. и т. д.

Всероссийской Ч.К. за покушение на вождя всемирного пролетариата среди других расстреляны: артельщик Кубицкий за ограбление 400 т. р., два матроса за то же, комиссар Ч.К. Пискунов «пытавшийся продать револьвер милиционеру», два фальшивых монетчика и др. Такой список, между прочим, был опубликован в № 3 «Еженедельника В.Ч.К.» Таких

опубликованных списков можно было бы привести десятки, а неопубликованных – не было места, где бы не происходили расстрелы «за Ленина».

Характерен экстренный бюллетень Ч.К. по борьбе с контрреволюцией в гор. Моршанске, выпущенный по поводу происходивших событий. Он между прочим гласил: «Товарищи! Нас бьют по одной щеке, мы это возвращаем сторицей и даем удар по всей физиономии. Произведена противозаразная прививка, т. е. красный террор... Прививка эта сделана по всей России, в частности в Моршанске, где на убийство тов. Урицкого и ранение т. Ленина ответили расстрелом... (перечислено 4 человека) и если еще будет попытка покушения на наших вождей революции и вообще работников, стоящих на ответственных постах из коммунистов, то жестокость проявится в еще худшем виде... Мы должны ответить на удар – ударом в десять раз сильнее». И впервые, кажется, появляется официальное заявление о заложниках, которые будут «немедленно расстреляны», при «малейшем контрреволюционном выступлении». «За голову и жизнь одного из наших вождей должны слететь сотни голов буржуазии и всех ее приспешников» – гласило объявление «всем гражданам города Торжка и уезда», выпущенное местной уездной Ч.К. Далее шел список арестованных и заключенных в тюрьму, в качестве «заложников»: инженеры, купцы, священник и... правые социалисты-революционеры. Всего 20 человек. В Иванове-Вознесенске заложников взято 184 человека и т. д. В Перми за Урицкого и Ленина расстреляно 50 человек²².

Не довольно ли и приведенных фактов, чтобы опровергнуть официальные сообщения. За Урицкого и Ленина действительно погибли тысячи невинных по отношению к этому делу людей. Тысячи по всей России были взяты заложниками. Какова была их судьба? Напомним хотя бы о гибели ген. Рузского, Радко-Дмитриева и других заложников в Пятигорске. Они, в количестве 32, были арестованы в Ессентуках «во исполнение приказа Народного Комиссара внутренних дел тов. Петровского», как гласило официальное сообщение²³, заканчивавшееся угрозой расстрела их «при попытке

контрреволюционных восстаний или покушения на жизнь вождей пролетариата». Затем были взяты заложники в Кисловодске (в числе 33) и в других местах. Всего числилось 160 человек, собранных в концентрационном лагере в Пятигорске. 13-го октября в Пятигорске произошло следующее событие: большевицкий главком Сорокин пытался совершить переворот, имевший целью очистить «советскую власть от евреев». Им были, между прочим, арестованы и убиты некоторые члены Ч.К. «В оправдание своей расправы Сорокин, – как говорят материалы Деникинской Комиссии, которыми мы пользуемся в данном случае²⁴ – представил документы, якобы изобличавшие казненных в сношениях с Добровольческой Армией, и хотел получить признание своей правоты и своей власти от созванного им в станице Невинамысской Чрезвычайного Съезда Совдепов и представителей революции и красной армии».

Но враги Сорокина еще до прибытия его на съезд успели объявить его вне закона, «как изменника революции». Он был арестован в Ставрополе и тут же убит... Вместе с тем была решена участь большинства лиц, содержащихся в качестве заложников в концентрационном лагере.

В № 157 местных «Известий» 2-го ноября был опубликован следующий приказ Ч.К., возглавляемой Артабековым: «Вследствие покушения на жизнь вождей пролетариата в гор. Пятигорске 21-го окт. 1918 г. и в силу приказа № 3-ий 8-го октября сего года в ответ на дьявольское убийство лучших товарищей, членов Ц.П.К. и других, по постановлению Чрезвычайной Комиссии расстреляны нижеследующие заложники и лица, принадлежащие к контрреволюционным организациям». Дальше шел список в 59 человек, который начинался ген. Рузским. Тут же был напечатан и другой список в 47 человек, где вперемешку шли: сенатор, фальшивомонетчик, священник. Заложники «были расстреляны». Это ложь. Заложники были зарублены шашками. Вещи убитых были объявлены «народным достоянием»...

И в дальнейшем процветала та же система заложничества.

В Черниговской сатрапии студент П. убил комиссара Н. И достоверный свидетель рассказывает нам, что за это были расстреляны его отец, мать, два брата (младшему было 15 лет), учительница немка и ее племянница 18 лет. Через некоторое время поймали его самого.

Прошел год, в течение которого террор принял в России ужасающие формы: поистине бледнеет все то, что мы знаем в истории. Произошло террористическое покушение, произведенное группой анархистов и левых социалистов-революционеров, первоначально шедших рука об руку с большевиками и принимавших даже самое близкое участие в организации чрезвычайных комиссий. Покушение это было совершено в значительной степени в ответ на убийство целого ряда членов партии, объявленных заложниками. Еще 15-го июня 1919 г. от имени председателя Всеукраинской Чрезвычайной Комиссии Лациса было напечатано следующее заявление:

«В последнее время целый ряд ответственных советских работников получает угрожающие письма от боевой дружины левых социалистов-революционеров интернационалистов, т. е. активистов. Советским работникам объявлен белый террор. Всеукраинская Чрезвычайная Комиссия настоящим заявляет, что за малейшую попытку нападения на советских работников будут расстреливаться находящиеся под арестом члены партии соц.-рев. активистов, как здесь, на Украине, так и в Великороссии. Карающая рука пролетариата опустится с одинаковой тяжестью, как на белогвардейца с деникинским мандатом, так и на активистов левых социалистов-революционеров, именующих себя интернационалистами.

Председатель Всеукраинской Комиссии Лацис»²⁵.

Как бы в ответ на это 25-го сентября 1919 г. в партийном большевицком помещении в Москве, в Леонтьевском переулке произведен был заранее подготовленный взрыв, разрушивший часть дома. Во время взрыва было убито и ранено несколько видных коммунистов. На другой день в московских газетах за подписью Камшева была опубликована угроза: «белогвардейцы», совершившие «гнусное преступление»,

«понесут страшное наказание». «За убитых» – добавлял Гойхбарт в статье в «Известиях» – власть «сама достойным образом расплатится».

И новая волна кровавого террора пронеслась по России: власть «достойным образом» расплачивалась за взрыв с людьми, которые не могли иметь к нему никакого отношения. За акт, совершенный анархистами²⁶, власть просто расстреливала тех, кто в этот момент был в тюрьме.

«В ответ на брошенные в Москве бомбы» в Саратове Чрез. Комиссия расстреляла 28 человек, среди которых было несколько кандидатов в члены Учредительного Собрания из конст.-демократ. партии, бывший народоволец, юристы, помещики, священники и т. д.²⁷. Столько расстреляно официально. В действительности больше, столько, сколько по телеграмме из Москвы пришлось из «всероссийской кровавой повинности» на Саратов – таких считали 60.

О том, как составлялись в эти дни списки в Москве, бывшей главной ареной действия, мы имеем яркое свидетельство одного из заключенных в Бутырской тюрьме²⁸.

«По рассказу коменданта М.Ч.К. Захарова, прямо с места взрыва приехал в М.Ч.К. бледный, как полотно, и взволнованный Дзержинский и отдал приказ: расстреливать по спискам всех кадет, жандармов, представителей старого режима и разных там князей и графов, находящихся во всех местах заключения Москвы, во всех тюрьмах и лагерях. Так, одним словесным распоряжением одного человека, обрекались на немедленную смерть многие тысячи людей.

Точно установить, сколько успели за ночь и на следующий день перестрелять, конечно, невозможно, но число убитых должно исчисляться по самому скромному расчету сотнями. На следующий день это распоряжение было отменено»...

Прошел еще год, и распоряжением центральной власти был введен уже официально особый институт заложников.

30-го ноября 1920 года появилось «правительственное сообщение» о том, что ряд «белогвардейских организаций задумал (!) совершение террористических актов против руководителей рабоче-крестьянской революции». Посему

заключенные в тюрьмах представители различных политических групп объявлялись заложниками²⁹.

На это сообщение счел долгом откликнуться письмом к Ленину старый анархист П. А. Кропоткин³⁰. «Неужели не нашлось среди Вас никого, – писал Кропоткин, – чтобы напомнить, что такие меры, представляющие возврат к худшему времени средневековья и религиозных войн – недостойны людей, взявшихся созидать будущее общество на коммунистических началах... Неужели никто из Вас не вдумался в то, что такое заложник? Это значит, что человек засажен в тюрьму, не как в наказание за какое-нибудь преступление, что его держат в тюрьме, чтобы угрожать его смертью своим противникам. «Убьете одного из наших, мы убьем столько-то из Ваших». Но разве это не все равно, что выводить человека каждое утро на казнь и отводить его назад в тюрьму, говоря: «Погодите», «Не сегодня». Неужели Ваши товарищи не понимают, что это равносильно восстановлению пытки для заключенных и их родных...»

Живший уже вдали от жизни, престарелый и больной П. А. Кропоткин недостаточно ясно представлял себе реальное воплощение большевистских теорий насилия. Заложники! Разве их не брали фактически с первого дня террора? Разве их не брали повсеместно в период гражданской войны? Их брали на юге, их брали на востоке, их брали на севере...

Сообщая о многочисленных заложниках в Харькове, председатель местного губисполкома Кон докладывал в Харьковском совете: «в случае, если буржуазный гад поднимет голову, то прежде всего падут головы заложников»³¹. И падали реально. В Елизаветграде убито в 1921 г. 36 заложников за убийство местного чекиста. Этот факт, передаваемый бурцевским «Общим Делом»³², найдет себе подтверждение в ряде аналогичных достоверных сообщений, с которыми мы встретимся на последующих страницах. Правило «кровь за кровь» имеет широчайшее применение на практике.

«Большевики восстановили гнусный обычай брать заложников», – писал Локкарт 10-го ноября 1918 г. – И что еще хуже, они разят своих политических противников, мстя их

женам. Когда недавно в Петрограде был опубликован длинный список заложников, большевики арестовали жен не найденных и посадили их в тюрьму впредь до явки их мужей»³³. Арестовывали жен и детей и часто расстреливали их. О таких расстрелах в 1918 г. жен-заложниц за офицеров, взятых в красную армию и перешедших к белым, рассказывают деятели киевского Красного Креста. В марте 1919 г. в Петербурге расстреляли родственников офицеров 86-го пехотного полка, перешедшего к белым³⁴.

О расстреле заложников в 1919 г. в Кронштадте «родственников офицеров, подозреваемых в том, что они перешли к белой гвардии», говорит записка, поданная в В.Ц.И.К известной левой соц.-рев. Ю. Зубелевич³⁵. Заложники легко переходили в группу контрреволюционеров. Вот документ, публикуемый «Коммунистом»³⁶: «13-го августа военно-революционный трибунал 14 армии, рассмотрев дело 10-ти граждан гор. Александрии, взятых заложниками (Бредит, Мальский и др.) признал означенных не заложниками, а контрреволюционерами и постановил всех расстрелять». Приговор был приведен в исполнение на другой день.

Брали сотнями заложниц – крестьянских жен вместе с детьми во время крестьянских восстаний в Тамбовской губернии: они сидели в разных тюрьмах, в том числе в Москве и Петербурге чуть ли не в течение двух лет. Напр., приказ оперштаба тамбовской Ч.К. 1-го сентября 1920 г. объявлял: «Провести к семьям восставших беспощадный красный террор... арестовывать в таких семьях всех с 18-летнего возраста, не считаясь с полом и если бандиты выступления будут продолжать, расстреливать их. Села обложить чрезвычайными контрибуциями, за неисполнение которых будут конфисковываться все земли и все имущество»³⁷.

Как проводился в жизнь этот приказ, свидетельствуют официальные сообщения, печатавшиеся в тамбовских «Известиях»: 5-го сентября сожжено 5 сел.; 7-го сентября расстреляно более 250 крестьян... В одном Кожуховском концентрационном лагере под Москвой (в 1921–22 г.) содержалось 313 тамбовских крестьян в качестве заложников, в

числе их дети от 1 месяца до 16 лет. Среди этих раздетых (без теплых вещей), полуголодных заложников осенью 1921 г. свирепствовал сыпной тиф.

Мы найдем длинные списки опубликованных заложников и заложниц за дезертиров, напр., в «Красном воине»³⁸. Здесь вводится даже особая рубрика для некоторых заложников: «приговорен к расстрелу условно».

Расстреливали и детей и родителей. И мы найдем засвидетельствованные и такие факты. Расстреливали детей в присутствии родителей и родителей в присутствии детей. Особенно свирепствовал в этом отношении Особый Отдел В.Ч.К., находившийся в ведении полусумасшедшего Кедрова³⁹. Он присылал с «фронтов» в Бутырки целыми пачками малолетних «шпионов» от 8–14 лет. Он расстреливал на местах этих малолетних шпионов-гимназистов. Я лично знаю ряд таких случаев в Москве.

Какое дело кому до каких-то моральных пыток, о которых пытался говорить в своем письме П. А. Кропоткин. В Чрезвычайных Комиссиях не только провинциальных, но и столичных, практиковались самые настоящие истязания и пытки. Естественно, письмо П. А. Кропоткина оставалось гласом вопиющего в пустыне. Если тогда не было расстрелов среди тех, кто был объявлен заложником, то, может быть, потому, что не было покушений...

Прошел еще год. И во время Кронштадтского восстания тысячи были захвачены в качестве заложников. Затем появились новые заложники в лице осужденных по известному процессу социалистов-революционеров смертников. Эти жили до последних дней под угрозой условного расстрела!

И, может быть, только тем, что убийство Воровского произошло на Швейцарской территории, слишком гласно для всего мира, объясняется то, что не было в России массовых расстрелов, т. е. о них не было опубликовано и гласно заявлено. Что делается в тайниках Государственного Политического Управления, заменившего собой по имени Чрезвычайные комиссии, мы в полной степени не знаем. Расстрелы

продолжаются, но о них не публикуется, или, если публикуется, то редко и в сокращенном виде. Истины мы не знаем.

Но мы безоговорочно уже знаем, что после оправдательного приговора в Лозанне большевики недвусмысленно грозили возобновлением террора по отношению к тем, кто считается заложниками. Так Сталин – как сообщали недавно «Дни» и «Vorwärts» – в заседании московского комитета большевиков заявил: «Голоса всех трудящихся требуют от нас возмездия подстрекателям этого чудовищного убийства. Фактически убийцы тов. Воровского – не ничтожные наймиты Конради и Полунин, а те социал-предатели, которые, скрывшись от народного гнева за пределы досягаемости, еще продолжают готовить почву для наступления против руководителей русского пролетариата. Они забыли о нашей дальновидности, проявленной нами в августе 1922 года, когда мы приостановили приговор Верховного Трибунала, вопреки настойчивому желанию всех трудящихся масс. Теперь мы можем им напомнить, что постановление еще не потеряло силы, и за смерть тов. Воровского мы сумеем потребовать к ответу их друзей, находящихся в нашем распоряжении»...⁴⁰

«Заложники – капитал для обмена»... Эта фраза известного чекиста Лациса, может быть, имела некоторый смысл по отношению к иностранным подданным, во время польско-русской войны. Русский заложник – это лишь форма психического воздействия, это лишь форма устрашения, на котором построена вся внутренняя политика, вся система властвования большевиков.

Знаменательно, что большевиками собственно осуществлено то, что в 1881 г. казалось невозможным самым реакционным кругам. 5-го марта 1881 года гр. А. Камаровский впервые высказал в письме к Победоносцеву⁴¹ мысль о групповой ответственности. Он писал: «... не будет ли найдено полезным объявить всех уличенных участников в замыслах революционной партии за совершенные ею неслыханные преступления, состоящими вне закона и за малейшее их новое покушение или действие против установленного законом

порядка в России ответственными поголовно, in corpore, жизнью их».

Такова гримаса истории или жизни... «Едва ли, действительно, есть более яркое выражение варварства, точнее, господства грубой силы над всеми основами человеческого общества, чем этот институт заложничества» – писал старый русский революционер Н. В. Чайковский по поводу заложничества в наши дни. «Для того, чтобы дойти не только до применения его на практике, но и до открытого провозглашения, нужно действительно до конца эмансипироваться от этих веками накопленных ценностей человеческой культуры и внутренне преклониться перед молохом войны, разрушения и зла».

«Человечество потратило много усилий, чтобы завоевать... первую истину всякого правосознания: Нет наказания, если нет преступления» – напоминает выпущенное по тому же поводу в 1921 г. воззвание «Союза русских литераторов и журналистов в Париже»⁴².

«И мы думаем, что как бы ни были раскалены страсти в той партийной и политической борьбе, которая таким страшным пожаром горит в современной России, но эта основная, эта первая заповедь цивилизации не может быть поправа ни при каких обстоятельствах: Нет наказания, если нет преступления.

Мы протестуем против возможного убийства ни в чем неповинных людей.

Мы протестуем против этой пытки страхом. Мы знаем, какие мучительные ночи проводят русские матери и русские отцы, дети которых попали в заложники. Мы знаем, точно также, что переживают сами заложники в ожидании смерти за чужое, не ими совершенное, преступление. И потому мы говорим:

Вот жестокость, которая не имеет оправдания.

Вот варварство, которому не должно быть места в человеческом обществе»...

«Не должно быть»... Кто слышит это?

«Террор навязан»

«Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов... является методом выработки коммунистического человека из человеческого материала капиталистической эпохи».

Бухарин

Террор в изображении большевицких деятелей нередко представляется, как следствие возмущения народных масс. Большевики вынуждены были прибегнуть к террору под давлением рабочего класса. Мало того, государственный террор лишь вводил в известные правовые нормы неизбежный самосуд. Более фарисейскую точку зрения трудно себе представить и нетрудно показать на фактах, как далеки от действительности подобные заявления.

В записке народного комиссара внутренних дел и в то же время истинного творца и руководителя «красного террора» Дзержинского, поданной в совет народных комиссаров 17-го февраля 1922 г., между прочим, говорилось: «В предположении, что вековая старая ненависть революционного пролетариата против поработителей поневоле выльется в целый ряд бессистемных кровавых эпизодов, причем возбужденные элементы народного гнева сметут не только врагов, но и друзей, не только враждебные и вредные элементы, но и сильные и полезные, я стремился провести систематизацию карательного аппарата революционной власти. За все время «Чрезвычайная комиссия была не что иное, как разумное направление карающей руки революционного пролетариата»⁴³.

Мы покажем ниже, в чем заключалась эта «разумная» систематизация карательного аппарата государственной власти. Проект об организации Всероссийской чрезвычайной комиссии, составленный Дзержинским еще 7-го декабря 1917 г. на основании исторического изучения прежних революционных эпох», находился в полном соответствии с теориями, которые развивали большевицкие идеологи. Ленин еще весной 1917 г. утверждал, что социальную революцию осуществить весьма

просто: стоит лишь уничтожить 200–300 буржуев. Известно, что Троцкий в ответ на книгу Каутского «Терроризм и коммунизм» дал «идейное обоснование террора», сведшееся впрочем к чрезмерно простой истине: «враг должен быть обезврежен; во время войн это значит – уничтожен». «Устрашение является могущественным средством политики, и надо быть лицемерным ханжой, чтобы этого не понимать»⁴⁴. И прав был Каутский, сказавший, что не будет преувеличением назвать книгу Троцкого «хвалебным гимном во славу бесчеловечности». Эти кровавые призывы по истине составляют по выражению Каутского «вершину мерзости революции». «Планомерно проведенный и всесторонне обдуманный террор нельзя смешивать с эксцессами взбудораженной толпы. Эти эксцессы исходят из самых некультурных, грубейших слоев населения, террор же осуществлялся высококультурными, исполненными гуманности людьми». Эти слова идеолога немецкой социал-демократии относятся к эпохе великой французской революции⁴⁵. Они могут быть повторены и в XX веке: идеологи коммунизма возродили отжившее прошлое в самых худших его формах. Демагогическая агитация «высококультурных», исполненных якобы «гуманностью» людей бесстыдно творила кровавое дело.

Не считаясь с реальными фактами, большевики утверждали, что террор в России получил применение лишь после первых террористических покушений на так называемых вождей пролетариата. Латыш Лацис, один из самых жестоких чекистов, имел смелость в августе 1918 г. говорить об исключительной гуманности советской власти: «нас убивают тысячами (!!!), а мы ограничиваемся арестом» (!!). А Петерс, как мы уже видели, с какой-то исключительной циничностью публично даже утверждал, что до убийства, напр., Урицкого, в Петрограде не было смертной казни.

Начав свою правительственную деятельность в целях демагогических с отмены смертной казни⁴⁶, большевики немедленно ее восстановили. Уже 8-го января 1918 г. в объявлении Совета народных комиссаров говорилось о «создании батальонов для рытья окопов из состава буржуазного класса мужчин и женщин, под надзором красногвардейцев».

«Сопротивляющихся расстреливать» и дальше: контрреволюционных агитаторов «расстреливать на месте преступления»⁴⁷.

Другими словами, восстанавливалась смертная казнь на месте без суда и разбирательства. Через месяц появляется объявление знаменитой впоследствии Всероссийской Чрезвычайной Комиссии: «...контрреволюционные агитаторы... все бегущие на Дон для поступления в контрреволюционные войска... будут беспощадно расстреливаться отрядом комиссии на месте преступления». Угрозы стали сыпаться, как из рога изобилия: «мешечники расстреливаются на месте» (в случае сопротивления), расклеивающие прокламации «немедленно расстреливаются»⁴⁸ и т. п. Однажды совет народных комиссаров разослал по железным дорогам экстренную депешу о каком-то специальном поезде, следовавшем из Ставки в Петроград: «если в пути до Петербурга с поездом произойдет задержка, то виновники ее будут расстреляны». «Конфискация всего имущества и расстрел» ждет тех, кто вздумает обойти существующие и изданные советской властью законы об обмене, продаже и купле. Угрозы расстрелом разнообразны. И характерно, что приказы о расстрелах издаются не одним только центральным органом, а всякого рода революционными комитетами: в Калужской губ. объявляется, что будут расстреляны за неуплату контрибуций, наложенных на богатых; в Вятке «за выход из дома после 8 часов»; в Брянске за пьянство; в Рыбинске – за скопление на улицах и притом «без предупреждения». Грозил не только расстрелом: комиссар города Змиева обложил город контрибуцией и грозил, что неуплатившие «будут утоплены с камнем на шее в Днестре»⁴⁹. Еще более выразительное: главковерх Крыленко, будущий главный обвинитель в Верховном Революционном Трибунале, хранитель законности в советской России, 22-го января объявлял: «Крестьянам Могилевской губернии предлагаю расправиться с насильниками по своему рассмотрению». Комиссар Северного района и Западной Сибири в свою очередь опубликовал: «если виновные не будут выданы, то на каждые

10 человек по одному будут расстреляны, нисколько не разбираясь, виновен или нет».

Таковы приказы, воззвания, объявления о смертной казни...

Цитируя их, один из старых борцов против смертной казни в России, д-р Жбанков писал в «Общественном враче»⁵⁰: «Почти все они дают широкий простор произволу и усмотрению отдельных лиц и даже разъяренной ничего не разбирающей толпе», т. е. узаконяется самосуд.

Смертная казнь еще в 1918 г. была восстановлена в пределах, до которых она никогда не доходила и при царском режиме. Таков был первый результат систематизации карательного аппарата «революционной власти». По презрению элементарных человеческих прав и морали центр шел впереди и показывал тем самым пример. 21-го февраля в связи с наступлением германских войск особым манифестом «социалистическое отечество» было провозглашено в опасности и вместе с тем действительно вводилась смертная казнь в широчайших размерах: «неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления»⁵¹.

Не могло быть ничего более возмутительного, чем дело капитана Щасного, рассматривавшееся в Москве в мае 1918 г. в так называемом Верховном Революционном Трибунале. Капитан Щасный спас остаток русского флота в Балтийском море от сдачи немецкой эскадре и привел его в Кронштадт. Он был обвинен тем не менее в измене. Обвинение было сформулировано так: «Щасный, совершая геройский подвиг, тем самым создал себе популярность, намереваясь впоследствии использовать ее против советской власти». Главным, но и единственным свидетелем против Щасного выступил Троцкий. 22-го мая Щасный был расстрелян «за спасение Балтийского флота». Этим приговором устанавливалась смертная казнь уже и по суду. Эта «кровавая комедия хладнокровного человекоубийства» вызвала яркий протест со стороны лидера социал-демократов-меньшевиков Мартова, обращенный к рабочему классу. На него не получалось однако тогда широких откликов, ибо вся политическая позиция Мартова и его

единомышленников в то время сводилась к призыву работать с большевиками для противодействия грядущей контрреволюции⁵².

Смертную казнь по суду или в административном порядке, как-то практиковала Чрезвычайная Комиссия на территории советской России и до сентября 1918 года, т. е. до момента как бы официального объявления «красного террора», далеко нельзя считать проявлением единичных фактов. Это были даже не десятки, а сотни случаев. Мы имеем в виду только смерть по тому или иному приговору. Мы не говорим сейчас вовсе о тех расстрелах, которые сопровождали усмирения всякого рода волнений, которых было так много и в 1918 г., о расстрелах демонстраций и пр., т. е. об эксцессах власти, о расправах после октября (еще в 1917 г.) с финляндскими и севастопольскими офицерами. Мы не говорим о тех тысячах, расстрелянных на территории гражданской войны, где в полной степени воспроизводились в жизни приведенные выше постановления, объявления и приказы о смертной казни.

Позднее, в 1919 г., историограф деятельности чрезвычайных комиссий Лацис в ряде статей (напечатанных ранее в Киевских и Московских «Известиях», а затем вышедших отдельной книгой «Два года борьбы на внутреннем фронте») подвел итоги официальных сведений о расстрелах и без стеснения писал, что в пределах тогдашней советской России (т. е. 20 центральных губерний) за первую половину 1918 г., т. е. за первое полугодие существования чрезвычайной комиссии, было расстреляно всего 22 человека. «Это длилось бы и дальше, – заявлял Лацис, – если бы не широкая волна заговоров и самый необузданный белый террор (?!) со стороны контрреволюционной буржуазии»⁵³.

Так можно было писать только при полной общественной безгласности. 22 смертных казни! Я также пробовал в свое время производить подсчет расстрелянных большевицкой властью в 1918 году, при чем мог пользоваться преимущественно теми данными, которые были опубликованы в советских газетах.

Отмечая, что появлялось в органах, издававшихся в центре, я мог пользоваться только сравнительно случайными сведениями из провинциальных газет и редкими проверенными сведениями из других источников. Я уже указывал в своей статье «Голова Медузы», напечатанной в нескольких социалистических органах Западной Европы, что и на основании таких случайных данных в моей картотеке, появилось не 22, а 884 карточки!⁵⁴ «Здесь среди нас много свидетелей и участников тех событий и тех годов, которых касается казенный историограф чрезвычайки» – писал берлинский «Голос России» (22-го февраля 1922 г.) по поводу заявления Лациса: «Мы, быть может, так же хорошо, как Лацис, помним, что официально Вечека была создана постановлением 7-го декабря 1917 г. Но еще лучше мы помним, что «чрезвычайная» деятельность большевиков началась раньше. Не большевиками ли был сброшен в Неву после взятия Зимнего Дворца помощник военного министра кн. Туманов? Не главнокомандующий ли большевизм фронтом Муравьев отдал на другой день после взятия Гатчины официальный приказ расправляться «на месте самосудом» с офицерами, оказывавшими противодействие? Не большевики ли несут ответственность за убийство Духонина, Шингарева и Кокошкина? Не по личному ли разрешению Ленина были расстреляны студенты братья Ганглез в Петрограде за то лишь, что на плечах у них оказались нашитыми погоны? И разве до Вечека не был большевиками создан Военно-Революционный комитет, который в чрезвычайном порядке истреблял врагов большевизмской власти?

Кто поверит Лацису, что «все они были в своем большинстве из уголовного мира», кто поверит, что их было только «двадцать два человека?...»

Официальная статистика Лациса не считалась даже с опубликованными ранее сведениями в органе самой Всер. Чрез. Комиссии; напр., в «Еженедельнике Ч.К.» объявлялось, что Уральской областной Че-Ка за первое полугодие 1918 г. расстреляно 35 человек. Что же значит больше расстрелов не производилось в то время? Как совместить с такой советской гуманностью интервью руководителей В.Ч.К. Дзержинского и

Закса (лев. с.-р.), данное сотруднику горьковской «Новой Жизни» 8-го июня 1918 г., где заявлялось; по отношению к врагам «мы не знаем пощады» и дальше говорилось о расстрелах, которые происходят якобы по единогласному постановлению всех членов комитета Чрезвычайной Комиссии. В августе в «Известиях» (28-го) появились официальные сведения о расстрелах в шести губернских городах 43 человек. В докладе члена петроградской Ч.К. Бокия, заместителя Урицкого, на октябрьской конференции чрезвычайных комиссий Северной Коммуны общее число расстрелянных в Петербурге с момента переезда Всер. Чрез. Комиссии в Москву, т. е. после 12-го марта, исчислялось в 800 человек, при чем цифра заложников в сентябре определялась в 500, т. е. другими словами за указанные месяцы по исчислению официальных представителей петроградских Ч.К. было расстреляно 300 человек⁵⁵. Почему же после этого не верить записи Маргулиеса в дневнике: «Секретарь датского посольства Петерс рассказывал... как ему хвастался Урицкий, что подписал в один день 13 смертных приговора»⁵⁶. А ведь Урицкий был один из тех, которые будто бы стремились «упорядочить» террор...

Может быть, вторая половина 1918 г. отличается от первой лишь тем, что с этого времени открыто шла уже кровавая пропаганда террора⁵⁷. После покушения на Ленина *urbī et orbī* объявляется наступление времен «красного террора», о котором Луначарский в совете рабочих депутатов в Москве 2-го декабря 1917 г. говорил: «Мы не хотим пока террора, мы против смертной казни и эшафота». Против эшафота, но не против казни в тайниках! Пожалуй, один Радек высказался как бы за публичность расстрела. Так в своей статье «Красный Террор»⁵⁸ он пишет: «...пять заложников, взятых у буржуазии, расстрелянных на основании публичного приговора пленума местного Совета, расстрелянных в присутствии тысячи рабочих, одобряющих этот акт – более сильный акт массового террора, нежели расстрел пятисот человек по решению Ч.К. без участия рабочих масс». Штейнберг, вспоминая «великодушие», которое царило в трибуналах «первой эпохи октябрьской революции», должен признать, что «нет сомнений» в том, чтобы

период от марта до конца августа 1918 был период фактического, хотя и не официального террора».

Террор превращается в разнузданную кровавую бойню, которая на первых порах возбуждает возмущение даже в коммунистических рядах. С первым протестом еще по делу капитана Щасного выступил небезызвестный матрос Дыбенко, поместивший в газете «Анархия» следующее достаточно характерное письмо от 30-го июля: «Неужели нет ни одного честного большевика, который публично заявил протест против восстановления смертной казни? Жалкие трусы! Они боятся открыто подать свой голос – голос протеста. Но если есть хоть один еще честный социалист, он обязан заявить протест перед мировым пролетариатом... мы не повинны в этом позорном акте восстановления смертной казни и в знак протеста выходим из рядов правительственных партий. Пусть правительственные коммунисты после нашего заявления-протеста ведут нас, тех, кто боролся и борется против смертной казни, на эшафот, пусть будут и нашими гильотинщиками и палачами». Справедливость требует сказать, что Дыбенко вскоре же отказался от этих «сентиментальностей», по выражению Луначарского, а через три года принимал самое деятельное участие в расстрелах в 1921 г. матросов при подавлении восстания в Кронштадте: «Миндальничать с этими мерзавцами не приходится»⁵⁹, и в первый же день было расстреляно 300. Раздались позже и другие голоса. Они также умолкли. А творцы террора начали давать теоретическое обоснование тому, что не поддается моральному оправданию...

Известный большевик Рязанов, единственный, выступивший против введения института смертной казни формально в новый уголовный кодекс, разработанный советской юриспруденцией в 1922 г., в ленинские дни приезжал в Бутырскую тюрьму и рассказывал социалистам, что «вожди» пролетариата с трудом удерживают рабочих, рвущихся к тюрьме после покушения на Ленина, чтобы отомстить и расправиться с «социалистами-предателями». Я слышал то же при допросе в сентябре от самого Дзержинского и от многих других. Любители и знатоки внешних инсценировок пытались создать такое

впечатление, печатая заявления разных групп с требованием террора. Но эта обычная инсценировка никого обмануть не может, ибо это только своего рода агитационные приемы, та демагогия, на которой возросла и долго держалась большевицкая власть. По дирижерской палочке принимаются эти фальсифицированные, но запоздалые однако постановления – запоздалые, потому что «красный террор» объявлен, все лозунги даны на митингах⁶⁰, в газетах, плакатах и резолюциях и их остается лишь просто повторять на местах. Слишком уже общи и привычны лозунги, под которыми происходит расправа: «Смерть капиталистам», «смерть буржуазии». На похоронах Урицкого уже более конкретные лозунги, более соответствующие моменту: «За каждого вождя тысячи ваших голов», «пуля в грудь всякому, кто враг рабочего класса», «смерть наемникам англо-французского капитала». Действительно кровью отзывается каждый лист тогдашней большевицкой газеты. Напр., по поводу убийства Урицкого петербургская «Красная Газета» пишет 31-го августа: «За смерть нашего борца должны поплатиться тысячи врагов. Довольно миндальничать... Зададим кровавый урок буржуазии... К террору живых... смерть буржуазии – пусть станет лозунгом дня». Та же «Красная Газета» писала по поводу покушения на Ленина 1-го сентября: «Сотнями будем мы убивать врагов. Пусть будут это тысячи, пусть они захлебнутся в собственной крови. За кровь Ленина и Урицкого пусть прольются потоки крови – больше крови, столько, сколько возможно»⁶¹. «Пролетариат ответит на поранение Ленина так, – писали «Известия», – что вся буржуазия содрогнется от ужаса». Никто иной, как сам Радек, пожалуй, лучший советский публицист, утверждал в «Известиях» в специальной статье, посвященной красному террору (№ 190), что красный террор, вызванный белым террором, стоит на очереди дня: «Уничтожение отдельных лиц из буржуазии, поскольку они не принимают непосредственно участия в белогвардейском движении, имеет только значение средства устрашения в момент непосредственной схватки, в ответ на покушения. Понятно, за всякого советского работника, за всякого вождя рабочей

революции, который падет от руки агента контрреволюции, последняя расплатится десятками голов». Если мы вспомним крылатую фразу Ленина: пусть 90% русского народа погибнет, лишь бы 10% дожили до мировой революции, – то поймем в каких формах рисовало воображение коммунистов эту «красную месть»: «гимн рабочего класса отныне будет гимн ненависти и мести» – писала «Правда».

«Рабочий класс советской России поднялся» – гласит воззвание губернского военного комиссара в Москве 3-го сентября – и грозно заявляет, что за каждую каплю пролетарской крови... да прольется поток крови тех, кто идет против революции, против советов и пролетарских вождей. За каждую пролетарскую жизнь будут уничтожены сотни буржуазных сынков белогвардейцев... С нынешнего дня рабочий класс (т. е. губернский военный комиссар г. Москвы) объявляет на страх врагам, что на единичный белогвардейский террор, он ответит массовым, беспощадным, пролетарским террором». Впереди всех идет сам Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, принявший в заседании 2-го сентября, резолюцию: «Ц.И.К. дает торжественное предостережение всем холопам российской и союзной буржуазии, предупреждая их, что за каждое покушение на деятелей советской власти и носителей идей социалистической революции будут отвечать все контрреволюционеры и все вдохновители их». На белый террор врагов рабоче-крестьянской власти рабочие (?) и крестьяне (?) ответят: «массовым красным террором против буржуазии и ее агентов».

В полном соответствии с постановлением этого высшего законодательного органа 5-го сентября издается постановление совета народных комиссаров в виде специального одобрения деятельности Ч.К., по которому «подлежат расстрелу все лица, прикосновенный к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам». Народным комиссаром внутренних дел Петровским одновременно разослан всем советам телеграфный приказ, которому суждено сделаться историческим и по своей терминологии и по своей санкции всякого возможного

произвола. Он помещен был в №.1 «Еженедельника» под заголовком: «Приказ о заложниках» и гласил:

«Убийство Володарского, убийство Урицкого, покушение на убийство и ранение председателя совета народных комиссаров Владимира Ильича Ленина, массовые, десятками тысяч расстрелы наших товарищей в Финляндии, на Украине и, наконец, на Дону и в Чехо-Словакии, постоянно открываемые заговоры в тылу наших армий, открытое признание (?) правых эсеров и прочей контрреволюционной сволочи в этих заговорах, и в то же время чрезвычайно ничтожное количество серьезных репрессий и массовых расстрелов белогвардейцев и буржуазии со стороны советов, показывает, что, несмотря на постоянные слова о массовом терроре против эсеров, белогвардейцев и буржуазии, этого террора на деле нет.

С таким положением должно быть решительно покончено. Расхлябанности и миндальничанию⁶² должен быть немедленно положен конец. Все известные местным советам правые эсеры должны быть немедленно арестованы. Из буржуазии и офицерства должны быть взяты значительные количества заложников. При малейших попытках сопротивления или малейшем движении в белогвардейской среде должен приниматься (?) безоговорочно массовый расстрел. Местные губисполкомы должны проявлять в этом направлении особую инициативу.

Отделы управления через милицию и чрезвычайные комиссии должны принять все меры к выяснению и аресту всех, скрывающихся под чужими именами и фамилиями лиц, с безусловным расстрелом всех замешанных в белогвардейской работе.

Все означенные меры должны быть проведены немедленно.

О всяких нерешительных в этом направлении действиях тех или иных органов местных советов Завотуправ обязан немедленно донести народному комиссариату Внутренних Дел. Тыл наших армий должен быть, наконец, окончательно очищен от всякой белогвардейщины и всех подлых заговорщиков против власти рабочего класса и беднейшего крестьянства. Ни

малейших колебаний, ни малейшей нерешительности в применении массового террора.

Получение означенной телеграммы подтвердите передать уездным советам».

А центральный орган В.Ч.К. «Еженедельник», долженствовавший быть руководителем и проводником идей и методов борьбы чрезвычайной комиссии, в том же номере писал «К вопросу о смертной казни»: «Отбросим все длинные, бесплодные и праздные речи о красном терроре... Пора, пока не поздно, не на словах, а на деле провести самый беспощадный, строго организованный массовый террор»...

После знаменитого приказа Петровского едва ли даже стоит говорить на тему о «рабочем классе», выступающем мстителем за своих вождей, и о гуманности целей, которые якобы ставили себе Дзержинский и другие при организации так называемых Чрезвычайных Комиссии. Только полная безответственность большевистских публицистов позволяла, напр., Радеку утверждать в «Известиях» 6-го сентября, что «если бы не уверенность рабочих масс в том, что рабочая власть сумеет ответить на этот удар, то мы имели бы налицо массовый погром буржуазии». Какое в действительности может иметь значение заявление неких коммунистов Витебской губ., требовавших 1000 жертв за каждого советского работника? или требование коммунистической ячейки какого-то автопоезда – за каждого павшего расстрелять 100 заложников, за каждого красного 1000 белых, или заявление Комячейки Западной Областной Чрезвычайной Комиссии, требовавшей 13-го сентября «стереть с лица земли гнусных убийц», или резолюция красноармейской части охраны Острогородской Ч.К. (23-го сентября): «За каждого нашего коммуниста будем уничтожать по сотням, а за покушение на вождей тысячи и десятки (!) тысяч этих паразитов». Мы видим, как по мере удаления от центра, кровожадность Ч.К. увеличивается – начали с сотен, дошли до десятков тысяч. Повторяются лишь слова где-то сказанные; но и эти повторения, насколько они официально опубликовывались, идут в сущности почти исключительно от самих чекистов. И через год та же аргументация на том же

разнузданном и бесшабашном жаргоне повторяется на другой территории России, захваченной большевиками – в царстве Лациса, стоящего во главе Всеукраинской Чрезвычайной Комиссии. В Киеве печатается «Красный Меч» – это орган В.У.Ч.К., преследующий те же цели, что и «Еженедельник В.Ч.К.». В № 1 мы читаем в статье редактора Льва Крайнего: «У буржуазной змеи должно быть с корнем вырвано жало, а если нужно, и разодрана жадная пасть, вспорота жирная утроба. У саботирующей, лгущей, предательски прикидывающейся сочувствующей (?!) внеклассовой интеллигентской спекулянтщины и спекулянтской интеллигенции должна быть сорвана маска. Для нас нет и не может быть старых устоев морали и гуманности, выдуманных буржуазией для угнетения и эксплуатации низших классов».

«Объявленный красный террор – вторит ему тут же некто Шварц – нужно проводить по пролетарски»... «Если для утверждения пролетарской диктатуры во всем мире нам необходимо уничтожить всех слуг царизма и капитала, то мы перед этим не остановимся и с честью выполним задачу, возложенную на нас Революцией».

«Наш террор был вынужден, это террор не Ч.К., а рабочего класса» – вновь повторял Каменев 31-го декабря 1919 г. «Террор был навязан Антантой» – заявлял Ленин на седьмом съезде советов в том же году. Нет, это был террор именно Ч.К. Вся Россия покрылась сетью чрезвычайных комиссий для борьбы с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией. Не было города, не было волости, где не появлялись бы отделения всесильной всероссийской Чрезвычайной Комиссии, которая отныне становится основным нервом государственного управления и поглощает собой последние остатки права. Сама «Правда», официальный орган центрального комитета коммунистической партии в Москве, должна была заметить 18-го октября: «вся власть советам» сменяется лозунгом: «вся власть чрезвычайкам».

Уездные, губернские, городские (на первых порах волостные, сельские и даже фабричные) чрезвычайные комиссии, железнодорожные, транспортный и пр., фронтовые

или «особые отделы» Ч.К. по делам, связанным с армией. Наконец, всякого рода «военно-полевые», «военно-революционные» трибуналы и «чрезвычайные» штабы, «карательные экспедиции» и пр. и пр. Все это объединяется для осуществления красного террора. Нилостонский, автор книги: «Der Bluttausch des Bolschewismus» (Берлин) насчитал в одном Киеве 16 самых разнообразных Чрезвычайных Комиссий, в которых каждая выносила самостоятельные смертные приговоры. В дни массовых расстрелов эти «бойни», фигурировавшие во внутреннем распорядке Ч.К. под простыми No.No., распределяли между собой совершение убийств.

Кровавая статистика

«На развалинах старого – построим новое».

«Мечем не меч, а мир несем мы миру».

Чрезвычайные комиссии – это органы не суда, а «беспощадной расправы» по терминологии центрального комитета коммунистической партии.

Чрезвычайная комиссия «это не следственная комиссия, не суд, и не трибунал» – определяет задачи Ч.К. сама чрезвычайная комиссия. «Это орган боевой, действующий по внутреннему фронту гражданской войны. Он врага не судит, а разит. Не милует, а испепеляет всякого, кто по ту сторону баррикад».

Не трудно представить себе, как должна была в жизни твориться эта «беспощадная расправа», раз действует вместо «мертвого кодекса» законов, лишь «революционный опыт» и «совесть». Совесть субъективна. И опыт неизбежно заменяется произволом, который приобретает вопиющие формы в зависимости от состава исполнителей.

«Мы не ведем войны против отдельных лиц – писал Лацис в «Красном Терроре» 1 ноября 1918 г.⁶³. «Мы истребляем буржуазию, как класс. Не ищите на следствии материала и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить – к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом смысл и «сущность красного террора». Лацис отнюдь не был оригинален, копируя лишь слова Робеспьера в Конвенте по поводу прериальского закона о массовом терроре: «чтобы казнить врагов отечества, достаточно устанавливать их личность. Требуется не наказание, а уничтожение их».

Не сказано ли подобной инструкцией судьям действительно все?

Однако, чтобы понять, что такое в действительности красный террор, продолжающийся с неослабевающей энергией и до наших дней, мы должны прежде всего заняться выяснением вопроса о количестве жертв. Тот небывалый размах убийств со стороны правящих кругов, который мы видим в России, характеризует нам и всю систему применения «красного террора».

Кровавая статистика в сущности пока не поддается учету, да и вряд ли когда-нибудь будет исчислена. Когда публикуется, может быть, лишь одна сотня расстрелянных, когда смертная казнь творится в тайниках казематов, когда гибель человека подчас не оставляет никакого следа – нет возможности и историку в будущем восстановить подлинную картину действительности.

1918 г.

В упомянутых выше статьях Лацис в свое время писал: «наш обыватель и даже товарищеская среда пребывает в уверенности, что Ч.К. несет с собой десятки и сотни тысяч смертей». Это действительно так: недаром в общежитии начальные буквы В.Ч.К. читаются «всякому человеку капут». Лацис, приведя ту фантастическую цифру 22, о которой мы уже говорили, насчитывает за вторую половину 1918 г. 4 ½ тысячи расстрелянных. «Это по всей России», т. е. в пределах 20 центральных губернии. «Если можно обвинить в чем-нибудь Ч.К. – говорит Лацис – то не в излишней ревности к расстрелам, а в недостаточности применения высшей меры наказания». «Строгая железная рука уменьшает всегда количество жертв. Эта истина не всегда имела в виду чрезвычайными комиссиями. Но это можно ставить не столько в вину Ч.К., сколько всей политике советской власти. Мы все время были чересчур мягки, великодушны к побежденному врагу!»

Четырех с половиной тысяч Лацису мало! Он легко может убедиться, что его официальная статистика до чрезвычайности уменьшена. Интересно было бы знать, в какую рубрику, например, отнес Лацис расстрелянных в Ярославле после восстания, организованного в июле Савинковым. В выпуске первом «Красной Книги В.Ч.К.» (и такая есть), распространявшейся только в ответственных коммунистических кругах, напечатан был, действительно, «беспримерный» исторический документ. Председатель Германской Комиссии (действовавшей на основании Брестского договора), лейтенант Балк приказом за № 4, 21-го июля 1918 г., объявлял гражданскому населению города Ярославля, что ярославский отряд Северной Добровольческой Армии сдался вышеозначенной Германской Комиссии. Сдавшиеся были выданы большевицкой власти и в первую очередь 428 из них были расстреляны. По моей картотеке насчиталось за это время в тех же территориальных пределах 5004 карточки расстрелянных. Мои данные, как я говорил, случайны и

неполны; это преимущественно то, что опубликовывалось в газетах и только в тех газетах, которые я мог достать⁶⁴.

Надо иметь в виду и то, что при лаконизме официальных отметок иногда затруднительно было решать вопрос о цифре. Например: уездная Клинская (Моск. губ.) чрезвычайная комиссия извещала, что ею расстреляно несколько контрреволюционеров; Воронежская Ч.К. сообщала, что среди арестованных «много расстреляно»; Сестрорецкой Ч.К. (петербургской) производились «расстрелы после тщательного расследования в каждом случае». Такими укороченными сообщениями пестрят газеты. Мы брали в таких случаях коэффициент, 1 или 3, т. е. цифру значительно уменьшенную.

Из этой кровавой статистики совершенно исключались сведения о массовых убийствах, сопровождавших подавления всяких рода крестьянских и иных восстаний. Жертвы этих «эксцессов» гражданской войны не могут быть вовсе уже исчислены.

Мои цифры имеют показательное значение только в том смысле, что ясно оттеняют бесконечную преуменьшенность официальной статистики, приведенной Лацисом.

Постепенно расширяются пределы советской России, расширяется и территория «гуманной» деятельности чрезвычайных комиссий. В 1920 г.⁶⁵ Лацис дал уже пополненную статистику, по которой число расстрелянных в 1918 г. у него достигало 6185 человек. Причислил ли сюда Лацис те тысячи, которые были, напр., расстреляны в 1918 году в Северо-Восточной России (Пермская губ. и др.), о которых говорят и так много все решительно английские донесения⁶⁶.

«В британское консульство продолжают являться люди всех классов, главным образом, крестьяне, чтобы засвидетельствовать убийство своих родственников и другие насилия, совершенные «большевиками в неистовстве»... (Элиот – Керзону 21-го марта 1919 г.). Причислены ли сюда жертвы «офицерской» бойни в Киеве в 1918 г.? Их исчисляют в 2000 человек! Расстреливали и рубили прямо в театре, куда военные были вызваны для «проверки документов». Причислены ли сюда жертвы одесской бойни морских офицеров до прихода

австрийских войск? «Позже, – сообщает один английский священник, – член австрийского штаба говорил мне, что им доставили список свыше 400 офицеров, убитых в Одесском округе!»⁶⁷. Причислены ли сюда жертвы севастопольской бойни офицеров? Причислены ли сюда те 1342 человека, убитые в январе-феврале 1918 г. в Армавире, как выяснила комиссия по расследованию деяний большевиков, организованная по распоряжению ген. Деникина?⁶⁸ Наконец, гекатомбы Ставрополя, о которых рассказывает в своих воспоминаниях В. М. Краснов – расстрелы 67, 96 и т. д.?⁶⁹ Не было места, где появление большевиков не сопровождалось бы десятками и сотнями жертв, расстрелянных без суда или по приговорам чрезвычайной комиссии и аналогичных временных «революционных» трибуналов⁷⁰. Мы этим боям посвящаем особую главу – пусть будут это только эксцессы «гражданской войны».

1919 г.

Продолжая вести свою кровавую статистику, Лацис утверждает, что в 1919 году по постановлениям Ч.К. расстреляно 3456 человек, т. е. всего за два года 9641, из них контрреволюционеров 7068. Нужно запомнить, что по признанию самого Лациса таким образом выходит, что более 2 ½ тысяч расстреляно не за «буржуазность», даже не за «контрреволюцию», а за обычные преступления (632 преступления по должности, 217 – спекуляция, 1204 – уголовные деяния). Этим самым признается, что большевики ввели смертную казнь уже не в качестве борьбы с буржуазией, как определенным классом, а как общую меру наказания, которая ни в одном мало-мальски культурном государстве не применяется в таких случаях.

Но оставим это в стороне. Всероссийской чрезвычайной комиссией, по данным Лациса, расстреляно в сентябре 1919 г. 140 человек, а между тем в это время в Москве ликвидировано было контрреволюционное дело, связанное с именем известного общественного деятеля П. Н. Щепкина. В газетах опубликовано было 66 фамилий расстрелянных, но по признанию самих большевиков расстреляно было по этому делу более 150. В Кронштадте, по авторитетному свидетельству, были расстреляны в июле 19 г. от 100–150 человек; опубликовано было лишь 19. – На Украине, где свирепствовал сам Лацис, расстреляны были тысячи. Опубликованный в Англии отчет сестер милосердия русского Красного Креста для доклада международному Красному

Кресту в Женеве насчитывает в одном Киеве 3000 расстрелов⁷¹.

Колоссальные итоги Киевских расстрелов подводит автор упомянутой уже книги «Der Bluttausch des Bolschewismus» Нилостонский. Надо сказать, что автор проявляет вообще большую осведомленность по деятельности всех 16 киевских чрезвычайных комиссий – она сказывается уже в точной регистрации и подробном топографическом их описании. Автор

помимо непосредственных наблюдений по-видимому пользовался материалами, добытыми комиссией по расследованию деяний большевиков ген. Рерберга⁷². Комиссия эта также состояла отчасти из юристов и врачей. Она фотографировала трупы из разрытых могил (часть фотографий приведена в книге Нилостонского, остальная большая часть – говорит автор – находится в Берлине). Он утверждает, что по данным комиссии Рерберга расстреляно 4800 человек – эти имена удалось установить. Общее число погибших в Киеве при большевиках, по мнению Нилостонского, не менее 12.000 человек. Пусть все эти цифры будут неточны, по совокупности они дают руководящую нить.

Необычайные формы, в которые вылился террор⁷³ вызвали деятельность особой комиссии для расследования дел У.Ч.К., назначенной из центра во главе с Мануильским и Феликсом Коном. Все заключенные в своих показаниях Деникинской Комиссии отзываются об этой комиссии хорошо. Развитие террора было приостановлено до момента эвакуации Киева, когда в июле-августе снова повторились сцены массовых расстрелов. 16-го августа в «Известиях» был опубликован список 127 расстрелянных – это были последние жертвы, официально опубликованные.

В Саратове за городом есть страшный овраг – здесь расстреливают людей. Впрочем, скажу о нем словами очевидца⁷⁴ из той изумительной книги, которую мы несколько раз цитировали и на которую будем еще много раз ссылаться. Это книга «Че-Ка», материалы о деятельности чрезвычайных комиссий, изданная в Берлине партией социалистов-революционеров (1922 г.).

Исключительная ценность этой книги состоит в том, что здесь собран материал иногда из первых рук, иногда в самой тюрьме от потерпевших, от очевидцев, от свидетелей; она написана людьми, знающими непосредственно то, о чем приводится им говорить. И эти живые впечатления говорят иногда больше, чем кипы сухих бумаг. Многих из этих людей я знаю лично и знаю, как тщательно они собирали свои материалы. «Че-Ка» останется навсегда историческим

документом для характеристики нашего времени, и при том документом исключительной яркости. Один из саратовцев и дает нам описание оврага около Монастырской слободки, оврага, где со временем будет стоять, вероятно, памятник, жертвам революции⁷⁵.

«К этому оврагу, как только стает снег, опасно озираясь, идут группами и в одиночку родственники и знакомые погибших. В начале за паломничества там же арестовывали, но приходивших было так много... и несмотря на аресты они все-таки шли. Вешные воды, размывая землю, вскрывали жертвы коммунистического произвола. От перекинутого мостика, вниз по оврагу на протяжении сорока-пятидесяти саж. горами навалены трупы. Сколько их? Едва ли кто может это оказать. Даже сама Чрезвычайка не знает. За 1918 и 1919 г. было расстреляно по спискам и без списков около 1500 человек. Но на овраг возили только летом и осенью, а зимой расстреливали где-то в других местах. Самые верхние – расстрелянные предыдущей поздней осенью – еще почти сохранились. В одном белье, с скрученными веревкой назад руками, иногда в мешке или совершенно раздетые...

Жутко и страшно глядеть на дно страшного оврага! Но смотря, напряженно смотря пришедшие, разыскивая глазами хоть какой-либо признак, по которому бы можно было узнать труп близкого человека...»

«...И этот овраг с каждой неделей становится страшнее и страшнее для саратовцев. Он поглощает все больше и больше жертв. После каждого расстрела крутой берег оврага обсыпается, вновь засыпая трупы; овраг становится шире. Но каждой весной вода открывает последние жертвы расстрела»...

Что же, все это неправда?

Авербух в своей не менее ужасной книге, изданной в Кишиневе в 1920 г., «Одесская Чрезвычайка» насчитывает 2200 жертв «красного террора» в Одессе за три месяца 1919 г. («красный террор» был объявлен большевиками в июле 1919 г., когда добровольческие войска заняли Харьков). Расстрелы начались задолго до официального объявления так называемого «красного террора» – через неделю, другую после

вторичного занятия Одессы большевиками. С середины апреля – утверждают все свидетели, давшие показания в Деникинской комиссии – начались массовые расстрелы. Идут публикации о расстреле 26, 16, 12 и т. д.

С обычным цинизмом одесские «Известия» писали в апреле 1919 г.: «Карась любит, чтобы его жарили в сметане. Буржуазия любит власть, которая свирепствует и убивает. Хорошо... С омерзением (!) в душе мы должны взяться за приведение буржуазии в чувство сильно-действующим средством. Если мы расстреляем несколько десятков этих негодяев и глупцов, если мы заставим их чистить улицы, а их жен мыть красноармейские казармы (честь немалая для них), то они поймут тогда, что власть у нас твердая, а на англичан и готтентотов надеяться нечего».

В июне – в момент приближения добровольческой армии расстрелы еще больше учащаются. Местный орган «Одесские Известия» писал в эти дни официального уже террора: «Красный террор пущен в ход. И загуляет он по буржуазным кварталам, затрещит буржуазия, зашипит контрреволюция под кровавым ударом красного террора... Каленым железом будем выгонять их... и самым кровавым образом расправимся с ними». И действительно, эта «беспощадная расправа» официально объявленная исполкомом, сопровождалась напечатанием ряда списков расстрелянных: – часто без квалификации вины: расстрелян просто на основании объявления «Красного террора». Немало их приведено в книге Маргулиеса «Огненные годы»⁷⁶.

Эти списки в 20–30 человек – утверждают очевидцы – почти всегда преуменьшены. Одна из свидетельниц, по своему положению имевшая возможность делать некоторые наблюдения, говорит, что, когда в «Известиях» было опубликовано 18 фамилий, она насчитала до 50 расстрелянных; когда было 27, она считала 70 (и в том числе было 7 женских трупов – о женщинах в официальной публикации не говорилось). В дни «красного террора» показывает один из арестованных чекистских следователей каждую ночь расстреливали до 68 человек. По официальному подсчету

Деникинской комиссии с 1 апреля по 1 августа расстреляно 1300 человек. Немецкий мемуарист And. Niemann говорит, что общее количество жертв большевиков на юге надо исчислять в 13–14 тыс...⁷⁷

В марте в Астрахани происходит рабочая забастовка. Очевидцы свидетельствуют, что эта забастовка была затоплена в крови рабочих⁷⁸.

«Десятитысячный митинг мирно обсуждавших свое тяжелое материальное положение рабочих был оцеплен пулеметчиками, матросами и гранатчиками. После отказа рабочих разойтись был дан залп из винтовок. Затем затрещали пулеметы, направленные в плотную массу участников митинга, и с оглушительным треском начали рваться ручные гранаты.

Митинг дрогнул, прилег и жутко затих. За пулеметной трескотней не было слышно ни стога раненых, ни предсмертных криков убитых на смерть...

Город обезлюдел. Притих. Кто бежал, кто спрятался. Не менее двух тысяч жертв было выхвачено из рабочих рядов. Этим была закончена первая часть ужасной Астраханской трагедии.

Вторая – еще более ужасная – началась с 12-го марта. Часть рабочих была взята «победителями» в плен и размещена по шести комендатурам, по баржам и пароходам. Среди последних и выделился своими ужасами пароход «Гоголь». В центр полетели телеграммы о «восстании».

Председатель Рев. Воен. Сов. Республики Л. Троцкий дал в ответ лаконическую телеграмму: «расправиться беспощадно». И участь несчастных пленных рабочих была решена. Кровавое безумие царило на суше и на воде.

В подвалах чрезвычайных комендатур и просто во дворах расстреливали. С пароходов и барж бросали прямо в Волгу. Некоторым несчастным привязывали камни на шею. Некоторым вязали руки и ноги и бросали с борта. Один из рабочих, оставшийся незамеченным в тюрьме, где-то около машины и оставшийся в живых рассказывал, что в одну ночь с парохода «Гоголь» было сброшено около ста восьмидесяти (180) человек. А в городе в чрезвычайных комендатурах было так много

расстрелянных, что их едва успевали свозить ночами на кладбище, где они грудами сваливались под видом «тифозных».

Чрезвычайный комендант Чугунов издал распоряжение, которым под угрозой расстрела воспрещалось растеривание трупов по дороге к кладбищу. Почти каждое утро вставшие астраханцы находили среди улиц полураздетых, залитых кровью застреленных рабочих. И от трупа к трупу, при свете брезжившего утра живые разыскивали дорогих мертвецов.

13-го и 14-го марта расстреливали по-прежнему только одних рабочих. Но потом власти, должно быть, спохватились. Ведь нельзя было даже свалить вину за расстрелы на восставшую «буржуазию». И власти решили, что «лучше поздно, чем никогда». Чтобы хоть чем-нибудь замаскировать наготу расправы с астраханским пролетариатом, решили взять первых попавших под руку «буржуев» и расправиться с ними по очень простой схеме: брать каждого домовладельца, рыбопромышленника, владельца мелкой торговли, заведения и расстреливать...»

«К 15 марта едва ли было можно найти хоть один дом, где бы не оплакивали отца, брата, мужа. В некоторых домах исчезло по несколько человек.

Точную цифру расстрелянных можно было бы восстановить поголовным допросом граждан Астрахани. Сначала называли цифру две тысячи. Потом три... Потом власти стали опубликовывать сотнями списки расстрелянных «буржуев». К началу апреля называли четыре тысячи жертв. А репрессии все не стихали. Власть решила очевидно отомстить на рабочих Астрахани за все забастовки, и за Тульские, и за Брянские и за Петроградские, которые волной прокатились в марте 1919 года. Только к концу апреля расстрелы начали стихать.

Жуткую картину представляла Астрахань в это время. На улицах – полное безлюдье. В домах потоки слез. Заборы, витрины и окна правительственных учреждений были заклеены приказами, приказами и приказами...»

Возьмем отдаленный от центра Туркестан, где в январе произошло восстание русской части населения против деспотического режима, установленного большевиками.

восстание было подавлено. «Начались массовые полавальные обыски» – рассказывают очевидцы⁷⁹. «Все казармы, все железнодорожные мастерские были переполнены арестованными. В ночь с 20-го на 21-го января были произведены массовые расстрелы. Груды тел были навалены на железнодорожное полотно. В эту страшную ночь было перебито свыше 2500 человек... 23-го января был организован военно-полевой суд, в ведение которого было передано дело о январском восстании и который в течение всего 1919 г. продолжал арестовывать и расстреливать».

Почему Лацис не зачислил этих жертв в свою официальную статистику? Ведь в первые дни по крайней мере здесь действовали чекисты, да и «военно-полевой суд» – это та же Ч.К., даже по своему составу.

Ни «Правда», ни другие официальные органы большевицкой печати не ответили на вопрос, заданный 20-го мая 1919 г. анархической организацией «Труд и Воля» на основании сведений, появившихся в нелегальном бюллетене левых социалистов-революционеров (№ 4): «Правда ли, что в последние месяцы убиваются В.Ч.К без счета, почти ежедневно, 12, 15, 20, 22, 36 человек?»

На это никто и никогда не ответит, потому что это была неподкрашенная правда. И правда, тем более режущая глаза, что в это самое время официально было постановлено передать право казни лишь Революционным Трибуналам. Можно сказать, накануне этого декрета в 20-х числах февраля и Всероссийская и Петроградская Ч.К. опубликовали новые списки расстрелянных, хотя по декрету за Ч.К. оставалось право расстреливать только в случае восстания. Никаких восстаний в это время ни в Москве, ни в Петрограде не было.

Не знаю, на основании каких данных эсеровская газета «Воля России»⁸⁰ подсчитывала, что за три первые месяца было расстреляно Ч.К. 13.850 человек. Это невероятно? Это так не вяжется с официальной цифрой в 3456, которая показана у Лациса? Думаю, что невероятность скорее всего в сторону уменьшения реальной, действительной цифры.

Московский орган центрального комитета коммунистической партии «Правда» по поводу опубликованных в Англии данных, утверждавших, что число расстрелянных достигло 138 тысяч, писал 20-го марта 1919 года: «было бы действительно ужасно, если бы это была правда». Однако, цифра, которая кажется столь фантастичной большевическим публицистам, в действительности дает лишь бледное представление о том, что происходило в России.

1920 г.

Лацис не опубликовывал своей статистики за 1920 г. и за последующие годы. Не вел и я своей картотеки, ибо сам был на долгое время ввержен в большевицкое узилище и надо мною был также занесен меч большевицкого правосудия.

В феврале 1920 г. смертная казнь была вновь отменена. И Зиновьев, выступавший в Германии в Галле в октябре 1920 г. решился сказать, что после победы над Деникиным смертная казнь в России прекратилась. Мартов, выступавший на съезде немецких независимых 15-го октября, уже тогда внес поправку: Зиновьев забыл сказать, что смертная казнь прекратилась на самое короткое время, (да и прекратилась ли фактически? С. М.) и теперь снова применяется в «ужасающих размерах». Мы имеем полное основание выражать сомнение в том, что эти казни прекратились, зная обычаи, господствующие в Ч.К. Самый наглядный пример может дать ознакомление с делом амнистии.

Среди жутких надписей на стенах Особого Отдела В.Ч.К. в Москве, которые делали иногда смертники перед казнью, можно было найти и такие: «Ночь отмены (смертной казни) – стала ночью крови». Каждая амнистия для тюрьмы обозначала массовые расстрелы. Представители Ч.К. стремились поскорее покончить со своими жертвами. И бывало, что именно в ту ночь, когда в типографиях уже набиралось объявление об амнистии, долженствовавшее появиться на другой день утром в газетах, по тюрьмам производились массовые расстрелы. Это следует помнить тем, которые указывают на частое издание актов амнистии советской властью⁸¹. Как тревожны бывали ночи, когда ожидалась амнистия, скажет всякий, кому в это время приходилось коротать свои дни в тюремном заключении. Я помню эти ночи в 1920 г. в Бутырской тюрьме перед амнистией, изданной в годовщину октябрьской революции. Не успевали тогда привозить голые трупы людей, застреленных в затылок, на Калитниковское кладбище. Так было в Москве, так было и в провинции. Автор очерка Екатеринодарской тюрьмы в сборнике «Че-Ка» пишет: «После амнистии в память трехлетней

годовщины 86} октябрьской революции в Екатеринодарской Чеке и Особом Отделе обычным чередом шли на расстрел, и это не помешало казненным большевизским публицистам в местной газете «Красном Знамени» помещать ряд статей, в которых цинично лгалось о милосердии и гуманности советской власти, издававшей амнистии и будто бы порою их применявшей ко всем своим врагам»⁸². Так было и позже. В 1921 г. накануне открытия II конгресса коминтерна в Бутырской тюрьме в одну ночь казнили около 70 человек и все по самым изумительным делам: – за дачу взяток, за злоупотребление продовольственными карточками, за хищения со склада и так далее.

Политические говорили, что это – жертвоприношения богам коминтерна. А фраера и уголовные радовались. Амнистию готовят. Поэтому, кого надо в спешном порядке порасстреляют, а остальных амнистируют в честь коминтерна⁸³.

«Ночь отмены смертной казни стала ночью крови»... У нас есть достаточное количество свидетельств, говорящих, что это именно так и было. Установилось как бы правило, что время, предшествующее периодическим отменам или смягчениям смертной казни, становилось временем усиленных смертных казней без всякого иного внешнего повода.

15-го января 1920 г. в «Известиях» за подписью председателя В.Ч.К. Феликса Дзержинского было опубликовано следующее постановление, адресованное «всем Губчека»: «Разгром Юденича, Колчака и Деникина, занятие Ростова, Новочеркасска и Красноярска, взятие в плен «Верховного Правителя» создают новые условия борьбы с контрреволюцией.

Разгром организованных армий контрреволюции подрывает в корне надежды и расчеты отдельных групп контрреволюционеров внутри советской России и свергнуть власть рабочих и крестьян путем заговоров, мятежей и террористической деятельности. В условиях самообороны советской республики против двинутых на нее Антантой контрреволюционных сил рабоче-крестьянское правительство вынуждено было прибегнуть к самым решительным мерам подавления шпионской, дезорганизаторской и мятежнической

деятельности агентов Антанты и служащих ей царских генералов в тылу красной армии.

Разгром контрреволюции вовне и внутри, уничтожение крупнейших тайных организаций контрреволюционеров и бандитов и достигнутое этим укрепление советской власти дают нам ныне возможность отказаться от применения высшей меры наказания (т. е. расстрела) к врагам советской власти.

Революционный пролетариат и революционное правительство советской России с удовлетворением констатируют, что взятие Ростова и пленение Колчака дают ему возможность отложить в сторону оружие террора.

Только возобновление Антантой попыток путем вооруженного вмешательства или материальной поддержкой мятежных царских генералов вновь нарушить устойчивое положение советской власти и мирный труд рабочих и крестьян по устроению социалистического хозяйства может вынудить возвращение к методам террора.

Таким образом отныне ответственность за возможное в будущем возвращение советской власти к жестокому методу красного террора ложится целиком исключительно на правительства и правительствующие классы стран Антанты и дружественных ей русских капиталистов.

Вместе с тем Чрезвычайные Комиссии получают возможность и обязанность обратить усиленное внимание на борьбу с основным нашим для данного момента внутренним врагом, с хозяйственной разрухой, со спекуляцией, с преступлением по должности, содействуя всеми находящимися в их распоряжении средствами налаживанию хозяйственной жизни и устраняя все препятствия, создаваемые саботажем, недисциплинированностью или злонамеренностью.

Исходя из вышеизложенного, В.Ч.К. постановляет:

1. Прекратить с момента опубликования этого постановления применение высшей меры наказания (расстрел) по приговорам В.Ч.К. и всех ее местных органов.

2. Поручить тов. Дзержинскому войти в совет народных комиссаров и В.Ц.И.К. с предложением о полной отмене применения высшей меры наказания не только по приговорам

чрезвычайных комиссий, но и по приговорам городских, губернских, а также верховного при В.Ц.И.К. трибуналов.

3. Постановление это привести в действие по телеграфу»...

Мы не радовались в Москве, так как хорошо помнили, как всего за год перед тем мы читали статьи, провозглашавшие конец террора. Вот, напр., выдержка из статьи некоего Норова в «Веч. Изв.» в Москве⁸⁴. Газета писала по поводу лишения В.Ч.К. права самостоятельных расстрелов: «Русский пролетариат победил. Ему не нужен уже террор, это острое, но опасное оружие, оружие крайности. Он даже вреден ему, ибо отпугивает и отталкивает те элементы, которые могли бы пойти за революцией. Поэтому пролетариат ныне отказывается от оружия террора, делая своим оружием законность и право». (Курсив газеты.) ...Мы помнили, что еще в январе 1919 г. Киевский Совет торжественно объявил: «на территории его власти смертная казнь отменяется».

15-го января 1920 г. сама Ч.К. выступила как бы инициаторшей отмены смертной казни. Мы хорошо знаем, что не Ч.К. была инициатором, она всемерно противилась и когда вопрос был все же решен в положительном смысле, Дзержинский настоял, чтобы формально начало было положено руководимой им Чрезвычайной Комиссией. Тем временем Чека спешила расправиться с намеченными жертвами. Более 300 человек по нашим сведениям расстреляно было в Москве.

Известная деятельница в рядах левых социалистов-революционеров Измаилович, бывшая в этот день в тюрьме, рассказывает: «В ночь перед выходом декрета об уничтожении смертной казни по приговорам чрезвычайек... 120 человек увезли из Бутырок и расстреляли... Смертники каким-то образом узнали о декрете, разбежались по двору, молили о пощаде, ссылаясь на декрет.

Сопротивляющихся и покорных – всех перебили, как скотину... Эта тризна тоже войдет в историю!»⁸⁵.

Сидевший в эти дни в Московской Ч.К. один из авторов статей в сборнике «Че-Ка» рассказывает:⁸⁶

«Уже постановление В.Ч.К. было принято, даже отпечатано в новогодних газетах (по ст. ст.), а во дворе М.Ч.К. наспех

расстреляли 160 человек, оставшихся в разных подвалах, тюрьмах, лагерях, из тех, кого, по мнению Коллегии, нельзя было оставить в живых. Тут погибли в числе прочих уже осужденные трибуналом и половину срока отбывшие в лагере, как напр. по делу Локкарта – Хвалынский, получивший даже в этом жестоком процессе только 5 лет лагеря. Расстреливали 13-го и 14-го. В тюремную больницу утром привезли из М.Ч.К. человека с простреленной челюстью и раненым языком. Кое-как он объяснил знаками, что его расстреливали, но не достреляли, и считал себя спасенным, раз его не прикончили, а привезли в хирургическое отделение больницы и там оставили. Он сиял от счастья, глаза его горели и видно было, что он никак не может поверить своей удаче. Ни имени его, ни дела его установить не удалось. Но вечером его с повязкой на лице забрали и прикончили...»

В Петербурге накануне отмены смертной казни и даже в ближайшую следующую ночь было расстреляно до 400 человек. В Саратове 52, как свидетельствует одно частное письмо, и т. д.

После отмены смертной казни в сущности фактически за Чрезвычайными комиссиями было оставлено это кровавое право. Была сделана лукавая оговорка: «Киевской губ. чека – сообщали, напр., «Известия» 5-го февраля – получено телеграфное разъяснение председателя В.Ч.К. о том, что постановление ЦИК об отмене смертной казни не распространяется на местности, подчиненные фронтам. В этих местностях и революционными трибуналами право применения высшей меры наказания сохраняется. Киев и Киевская губ. входят в полосу, подчиненную фронтам». И с небывалой откровенной циничностью Особый Отдел В.Ч.К. разослал 15-го апреля председателям Особых Отделов при местных Ч.К. циркуляр следующего содержания: «В виду отмены смертной казни предлагаем всех лиц, которые по числящимся за ними разным преступлениям подлежат высшим мерам наказания, отправлять в полосу военных действий, как в место, куда декрет об отмене смертной казни не распространяется». И я помню, как одному из нас, арестованных в феврале 1920 г. в связи с обвинением в контрреволюции, следователем было

сказано определенно: здесь мы расстрелять вас не можем, но можем отправить на фронт, при чем под фронтовой полосой вовсе не подразумевалась какая-нибудь территория, где велась бы активная гражданская война⁸⁷.

Вскоре и к этим иезуитским приемам Ч.К. не приходилось более прибегать (впрочем, я сомневаюсь, прибегала ли она к ним фактически, ибо раз все творилось втайне, едва ли в этом была необходимость; если прибегала, то в редких случаях)⁸⁸. Как бы забывая об отмене смертной казни, сами «Известия» как-то сообщили, что с января по май расстреляно 521 человек, при чем на долю трибуналов приходилось 176, а на долю одной московской Ч.К. – 131.

В связи с событиями русско-польской войны смертная казнь уже официально была восстановлена 24-го мая. После ее больше уже не отменяли. Характерен приказ Троцкого от 16-го июня 1920 г., если сравнить его с демагогическими призывами большевиков в 1917 г.:

1. «Всякий негодяй, который будет уговаривать к отступлению, дезертир, не выполнивший боевого приказа будет расстрелян.

2. Всякий солдат, самовольно покинувший боевой пост, будет расстрелян.

3. Всякий, который бросит винтовку или продаст хоть часть обмундирования, будет расстрелян».

...Ведь «Всероссийский съезд советов постановил: «восстановленная Керенским смертная казнь на фронте отменяется»...⁸⁹ Началась вакханалия расстрелов в прифронтовой полосе, но не только там. Сентябрьский мятеж красного гарнизона в Смоленске был жесточайшим образом подавлен. Полагают, что расстреляно было 1200 солдат, не считая других элементов, участвовавших в бунте⁹⁰.

Газеты в центре умалчивали о расстрелах в чрезвычайных комиссиях⁹¹, но опубликовывали сведения о расстрелах, чинимых особыми революционно-военными трибуналами. И даже эти официальные цифры устрашающи: С 22-го мая по 22-го июня – 600; июнь-июль – 898; июль-август – 1183; август-сентябрь – 1206. Сведения опубликовывались приблизительно

через месяц. 17-го октября «Известия», сообщали о 1206 расстрелянных за сентябрь, перечисляли и вины этих погибших. С точки зрения обоснования «красного террора» они характерны: за шпионаж – 3, за измену – 185, неисполнение боевого приказа 14, восстания 65, контрреволюцию 59, дезертирство 467, мародерство и бандитизм 160, хранение и несдача оружия 23, буйство и пьянство 20, должностные преступления 181. Простому смертному чрезвычайно трудно бывает подчас разобраться в большевицкой юрисдикции. Напр., в «Известиях»⁹² появляются сведения, что с февраля по сентябрь 1920 г. в революционных трибуналах Вохры (войска внутренней службы, т. е. в сущности, в войсках Ч. К.) расстреляно 283 человека. У нас есть копия одного такого приговора, опубликованного в Московских «Известиях» 18-го ноября. Главный Реввоенный трибунал войск внутренней службы приговорил к расстрелу инженера Трунова, начальника административного отдела М.О.В.И.У. Михно С. С. и начальника артиллерийского снабжения Т.А.О.Н.А. Михно Н. С. за злоупотребления по службе «приговор окончательный и обжалованию ни в апелляционном, ни в кассационном порядке не подлежит».

Можно потеряться в этой кровавой статистике, ибо кровь не сочится, а льется ручьями, обращаясь в потоки, когда в жизни советской России происходят какие-нибудь осложнения. Летом 1920 г. расстреляно в Москве 20 врачей по обвинению в содействии в освобождении от военной службы. Вместе с тем было арестовано 500 человек, дававших якобы врачам взятки, и советские газеты, публикуя имена расстрелянных врачей, добавляли, что и их клиентов ждет та же участь. Очевидец, бывший в то время в Бутырках, говорит, что «до последней минуты большинство не верило, не могло даже допустить, что их ведут на расстрел». По официальным данным их расстреляно было 120 человек, по неофициальным значительно больше. Осенью 1920 года происходят в Москве волнения в местных войсках. До нас, жителей Москвы, доходят слухи о массовых расстрелах в Ч.К.; в заграничной эсеровской печати⁹³ я читал сведения о казни 200–300 человек. «Последние

Новости»⁹⁴ сообщали о расстреле в октябре 900; в декабре 118. Корреспондент «Воли России» насчитывал в одном Петербурге расстрелянных за 1920 г. 5000 человек (осень 1920 г. была временем ликвидации восстаний и «заговоров», связанных с наступлением ген. Юденича). В статье Я. К-ого «В Москве», напечатанной в «Посл. Нов.»⁹⁵, рассказывается со слов приехавшего из России о совершенно чудовищном факте – о расстреле, в целях борьбы с проституцией, после облав и освидетельствования, сифилитичек. Нечто аналогичное я слышал сам. Я не мог проверить и упорно ходившие по Москве сообщения о расстреле заразившихся сапом⁹⁶. Многие невероятное и чудовищное было далеко не сказками при этом небывалом в мире режиме.

На Севере

Как ликвидировалась «гражданская война» на Севере, мы знаем из очень многих источников. До нас в Москве доходили устрашающие сведения о карательных экспедициях Особого Отдела В.Ч.К. во главе с Кедровым в Вологде и других местах. Карательные экспедиции – это были еще новые формы как бы выездных сессий Особого Отдела В.Ч.К.⁹⁷ Кедров, находящийся ныне в доме сумасшедших, прославился своей исключительной жестокостью. В местных газетах иногда появлялись отчеты об этих карательных поездках, дающие, конечно, только весьма слабое представление о сущности⁹⁸. В этих отчетах говорилось о сотнях арестованных, о десятках расстрелянных и пр. во время «административно-оперативной» и «военно-революционной» ревизии. Иногда сведения были очень глухи: напр., при Воронежской поездке Особого Отдела В.Ч.К. во главе с Кедровым говорилось, что переосвидетельствовано в течение нескольких дней 1000 офицеров, взято «много заложников» и отправлено в центр.

Также действовал Кедров и на крайнем севере – после него и знаменитый по своему Эйдук, собственноручно расстреливавший офицеров, казался «гуманным» человеком. В Архангельских «Изв.» от времени до времени стали появляться списки лиц, к которым комиссия Кедрова применяла высшую меру наказания. Вот, напр., список 2-го ноября из 36 человек, среди которых и крестьяне, и кооператоры, и бывший член Думы, выборжец Исупов. Перед нами лежит другой список в 34 фамилии расстрелянных за «активные контрреволюционные действия в период времени Чайковщины и Миллеровщины»; наконец, третий, заключающий 22 убитых, в числе которых Архангельский городской голова Александров, редактор «Северного Утра» Леонов, начальник почтового отделения, театральный антрепренер, приказчик, мн. др. Корреспондент «Последних Новостей»⁹⁹ свидетельствует, что «были случаи расстрелов 12–16 летних мальчиков и девушек».

Архангельск называется «городом мертвых». Осведомленная корреспондентка «Голоса России»¹⁰⁰, бывшая здесь в апреле 1920 г., «вскоре после ухода из города английских войск» пишет: «После торжественных похорон пустых красных гробов началась расправа... Целое лето город стонал под гнетом террора. У меня нет цифр, сколько было убито, знаю, что все 800 офицеров, которым правительство Миллера предложило ехать в Лондон по Мурманской жел. дор., а само уехало на ледоколе, были убиты в первую очередь». Самые главные расстрелы шли под Холмогорами. Корреспондент «Рев. России» сообщает: «в сентябре был день красной расправы в Холмогорах. Расстреляно более 2000. Все больше из крестьян и казаков с юга. Интеллигентов почти уже не расстреливают, их мало» (№ 7). Что значит «крестьян и казаков с юга?» Это означает людей, привезенных с юга и заключенных в концентрационные лагеря Севера. Чрезвычайные комиссии с особой охотой и жестокостью приговаривали к отправке в концентрационные лагеря Архангельской губернии: «Это значит, что заключенного посылали на гибель в какой-нибудь дом ужаса». Мы увидим дальше, что в сущности представляли собою эти лагеря. Кто туда попадает, оттуда уже не возвращается, ибо в огромном большинстве случаев, они бывают расстреляны.

Это часто лишь форма сокрытой смертной казни¹⁰¹.

«На Дону, на Кубани, в Крыму и в Туркестане повторялся один и тот же прием. Объявляется регистрация или перерегистрация для бывших офицеров, или для каких либо категорий, служивших у «белых». Не предвидя и не ожидая ничего плохого, люди, проявившие свою лояльность, идут регистрироваться, а их схватывают, в чем они явились, немедленно загоняют в вагоны и везут в Архангельские лагеря. В летних костюмчиках из Кубани или Крыма, без полотенца, без кусочка мыла, без смены белья, грязные, зашивевшие, попадают они в Архангельский климат с очень проблематическими надеждами на возможность не только получить белье и теплую одежду, но и просто известить близких о своем местонахождении.

Такой же прием был применен в Петрограде по отношению к командному составу Балтийского флота. Это – те, которые не эмигрировали, не скрывались, не переправились ни к Юденичу, ни к Колчаку, ни к Деникину. Все время они служили советской власти и, очевидно, проявляли лояльность, ибо большинство из них за все четыре года большевизма ни разу не были арестованы. 22-го августа 1921 г. была объявлена какая-то перерегистрация, шутка достаточно обычная и не первый раз практикующаяся. Каждый из них, в чем был, со службы заскочил перерегистрироваться. Свыше 300 чел. было задержано. Каждого из них просто приглашали в какую-то комнату и просили подождать. Двое суток ждали они в этой комнате, а потом их вывели, окружили громадным конвоем, повели на вокзал, усадили в теплушки и повезли по разным направлениям, – ничего не говоря, – в тюрьмы Орла, Вологды, Ярославля и еще каких-то городов...»

Из длинного списка офицеров, по официальным сведениям отправленных на север, никогда нельзя было найти местопребывания ни одного. И в частных беседах представители Ч.К. откровенно говорили, что их нет уже в живых.

Вот сцена, зафиксированная «Волей России»¹⁰² из расправ Кедрова на севере: В Архангельске Кедров, собрав 1200 офицеров, сажает их на баржу вблизи Холмогор и затем по ним открывается огонь из пулеметов – «до 600 было перебито!» Вы не верите? Вам кажется это невероятным, циничным и бессмысленным? Но такая судьба была довольно обычна для тех, кого отправляли в Холмогорский концентрационный лагерь¹⁰³. Этого лагеря просто на просто не было до мая 1921 г. И в верстах 10 от Холмогор партии прибывших расстреливались десятками и сотнями. Лицу, специально ездившему для нелегального обследования положения заключенных на севере, жители окружных деревень называли жуткую цифру 8000 таким образом погибших. И, может быть, это зверство в действительности в данном случае было гуманно, ибо открытый впоследствии Холмогорский лагерь, получивший наименование

«Лагеря смерти», означал для заключенных медленное умирание, в атмосфере полной приниженности и насилия.

Человеческая совесть отчаивается все-таки верить в эти потопления на баржах, в XX веке восстанавливающие известные случаи периода французской революции. Но об этих баржах современности говорит нам даже не глухая молва.

Вот уже второй случай, как нам приходится их констатировать. Есть и третье сообщение – несколько позднее: практика оставалась одной и той же. Владимир Войтинский в своей статье, служащей предисловием к книге «12 смертников», (суд над социалистами-революционерами в Москве) сообщает: «В 1921 году большевики отправили на барже 600 заключенных из различных Петроградских тюрем в Кронштадт; на глубоком месте между Петроградом и Кронштадтом, баржа была пущена ко дну: все арестанты потонули, кроме одного, успевшего вплавь достичь Финляндского берега...»¹⁰⁴

После Деникина

И пожалуй, эти ужасы по крайней мере по количеству жертв бледнеют перед тем, что происходило на юге после окончания гражданской войны. Крушилась Деникинская власть. Вступала новая власть, и вместе с нею шла кровавая полоса террора мести, и только мести. Это была уже не гражданская война, а уничтожение прежнего противника. Это был акт устрашения для будущего. Большевики в Одессе в 1920 г. в третий раз. Идут ежедневные расстрелы по 100 и больше человек. Трупы возят на грузовиках¹⁰⁵. «Мы живем, как на вулкане» – сообщает частное письмо, полученное редакцией «Последних Новостей»¹⁰⁶. «Ежедневно во всех районах города производятся облавы на контрреволюционеров, обыски и аресты. Достаточно кому-нибудь донести, что в семье был родственник, служивший в добровольческой армии, чтобы дом подвергся разгрому, а все члены семьи арестованы. В отличие от прошлого года большевики расправляются с своими жертвами быстро, не публикуя список расстрелянных». Очень осведомленный в одесских делах константинопольский корреспондент «Общего Дела» Л. Леонидов в ряде очерков: «Что происходит в Одессе»¹⁰⁷, к которым нам еще придется вернуться, рисует потрясающие картины жизни в Одессе в эти дни. По его словам число расстрелянных по официальным данным доходит до 7000¹⁰⁸. Расстреливают по 30–40 в ночь, а иногда по 200–300. Тогда действует пулемет, ибо жертв слишком много, чтобы расстреливать по одиночке. Тогда не печатают и фамилий расстрелянных, ибо берутся целые камеры из тюрем и поголовно расстреливаются. Есть ли здесь преувеличения? Возможно, но как все это правдоподобно, раз поголовно расстреливаются все офицеры, захваченные на румынской границе, не пропущенные румынами через Днепр и не успевшие присоединиться к войскам ген. Бредова. Таких насчитывалось до 1200; они были заключены в концентрационные лагеря и постепенно расстреляны. 5-го мая произведен был массовой расстрел этих офицеров, как-то не хочется верить сообщению

будто бы о предстоящем расстреле было объявлено даже в «Известиях». Ночью в церквях раздался «траурный» звон. Ряд священников, по словам автора сообщения, были за это привлечены к суду революционного трибунала и приговорены к 5–10 годам принудительных работ.

Тогда же произошла расправа над галичанами, изменившими большевикам. Тираспольский гарнизон был поголовно расстрелян. Из Одессы приказано было эвакуировать в виду измены всех галичан, но когда они собрались на товарную станцию с женами, детьми и багажом, их стали расстреливать из пулеметов. В «Известиях» появилось сообщение, что галичане, изменившие пролетариату, пали жертвой озлобленной толпы¹⁰⁹.

Расстрелы продолжаются и дальше – после взятия Крыма. «Мои собеседники передает корреспондент – в один голос утверждают, что не дальше, как 24-го декабря, был опубликован новый список 119 расстрелянных». Как всегда молва упорно утверждает и не без основания, что фактически расстреляно было в этот день больше 300. Это были расстрелы за участие в контрреволюционной польской организации. «Польский заговор» по общему признанию был спровоцирован самими чекистами, «оставшимися без работы». А дальше идут заговоры «врангелевские» (расстрелы «31» за шпионаж, 60 служащих Общества Пароходства и Торговли¹¹⁰).

Большевики в Екатеринодаре. Тюрьмы переполнены. Большинство арестованных расстреливается. Екатеринодарский житель утверждает, что с августа 1920 г. по февраль 1921 г. только в одной Екатеринодарской тюрьме было расстреляно около 3000 человек¹¹¹.

«Наибольший процент расстрелов падает на август месяц, когда был высажен на Кубань Врангелевский десант. В этот момент председатель Чеки отдал приказ: «расстрелять камеры Чеки». На возражение одного из чекистов Косолапова, что в заключении сидит много недопрошенных и из них многие задержаны случайно, за нарушение обязательного постановления, воспреещающего ходить по городу позже восьми

часов вечера, – последовал ответ: «Отберите этих, а остальных пустите всех в расход».

Приказ был в точности выполнен. Жуткую картину его выполнения рисует уцелевший от расстрела гражданин Ракитянский.

«Арестованных из камер выводили десятками» – говорит Ракитянский. «Когда взяли первый десяток и говорили нам, что их берут на допрос, мы были спокойны. Но уже при выходе второго десятка обнаружилось, что берут на расстрел. Убивали так, как убивают на бойнях скот». Так как с приготовлением эвакуации дела Чеки были упакованы и расстрелы производились без всяких формальностей, то Ракитянскому удалось спастись. «Вызываемых на убой спрашивали, в чем они обвиняются, и в виду того, что задержанных случайно за появление на улицах Екатеринодара после установленных 8 часов вечера отделяли от всех остальных, Ракитянский, обвинявшийся, как офицер, заявил себя тоже задержанным случайно, поздно на улице и уцелел. Расстрелом занимались почти все чекисты с председателем чрезвычайки во главе. В тюрьме расстреливал Артабеков. Расстрелы продолжались целые сутки, нагоняя ужас на жителей прилегающих к тюрьме окрестностей. Всего расстреляно около 2000 человек за этот день. Кто был расстрелян, за что расстрелян, осталось тайной. Вряд ли в этом отдадут отчет и сами чекисты, ибо расстрел, как ремесло, как садизм, был для них настолько обычной вещью, что совершался без особых формальностей...»

И дальше шли расстрелы. 30-го октября – 84. В ноябре – 100, 22-го декабря – 184. 24-го января – 210. 5-го февраля – 94. Есть и документы, подтверждающие эти факты: чрезвычайная Екатеринодарская комиссия уничтожила их перед ревизией. «Приговоры, в которых ясно говорилось «расстрелять», мы находили пачками в отхожих местах» – свидетельствует тот же очевидец.

Приведем еще картину Екатеринодарского быта из того же периода: «Августа 17–20-го в Екатеринодаре обычная жизнь была нарушена подступами к городу высадившегося у станицы Приморско-Актарской десанта Врангеля. Во время паники по

приказу особо-уполномоченного Артабекова были расстреляны все арестованные, как губчека, особого отдела, так и сидящие в тюрьмах, числом сверх 1600. Из губчека и особого отдела обреченных на избиение возили группами по 100 человек через мост на Кубань и там из пулеметов расстреливали вплотную; в тюрьме то же проделывали у самых стен. Об этом также публиковали. Напечатан список убитых под рубрикой «Возмездие»; только в списках значится несколько меньше, чем на самом деле. При беспорядочном бегстве завоеватели объявили рабочим об их обязанности эвакуироваться с ними; в противном случае, по своем возвращении обратно, угрожали всех оставшихся повесить на телеграфных столбах»¹¹².

Нечто аналогичное происходит и при эвакуации Екатеринославля при опасности, угрожавшей со стороны Врангеля¹¹³. В сущности это происходит всегда при подобных случаях: отступают войска советские из Винницы и Каменец-Подольска – в харьковских «Известиях Украинского И.К.» опубликовываются списки расстрелянных заложников – их 217 человек, среди них крестьяне, 13 народных учителей, врачи, инженеры, раввин, помещики, офицеры. Кого только нет? Также действуют, конечно, и наступающие войска. На другой день по взятии большевиками Каменец-Подольска расстреляно было 80 украинцев; взято 164 заложника, отправленных в глубь страны¹¹⁴.

Корреспондент той же «Рев. России»¹¹⁵, дает описание действий новой власти в первые месяцы в Ростове на Дону: «...грабят открыто и беспощадно... буржуазию, магазины и главным образом кооперативные склады, убивали и рубили на улицах и в домах офицеров... подожгли на углу Таганрогского проспекта и Темерицкой ул. один военный госпиталь с тяжело ранеными и больными, не имеющими физических сил двигаться, офицерами и сожгли там до 40 человек... Сколько было убито, зарублено всего – неизвестно, но цифра эта во всяком случае не маленькая. Чем больше укреплялась советская власть на Дону, тем ярче вырисовывалась метода ее работы. Прежде всего под подозрение было взято все казачье население. Чрезвычайка, вдохновляемая Петерсом,

заработала. Чтобы не слышно было выстрелов, два мотора работали беспрерывно... Очень часто сам (Петерс) присутствовал при казнях... Расстреливали пачками. Был случай, когда в одну ночь расстрелянных насчитывалось до 90 человек. Красноармейцы говорят, что за Петерсом всегда бегают его сын, мальчик 8–9 лет, и постоянно пристает к нему: «папа, дай я»...

Наряду с Ч.К. действуют ревтрибуналы и реввоенносоветы, которые рассматривают подсудимых не как «военнопленных», а как «provokatorov и бандитов» и расстреливают десятками (напр. дело полк. Сухаревского в Ростове; казака Снегирева в Екатеринодаре; студента Степанова и др. в Туапсе).

И вновь несчастная Ставропольская губ., где расстреливают жен за то, что не донесли о бежавшем муже, казнят 15–16 летних детей и 60-летних стариков... Расстреливают из пулеметов, а иногда рубят шашками.

Расстреливают каждую ночь в Пятигорске, Кисловодске, Ессентуках. Под заголовком «кровь за кровь» печатают списки, где число жертв переваливает уже за 240 человек, а подпись гласит: «продолжение списка следует». Эти убийства идут в отместку за убийство председателя пятигорской Ч.К. Зенцова и военного комиссара Лапина (убиты группой всадников «при проезде в автомобиле»)¹¹⁶.

Крым после Врангеля

Так было через несколько месяцев ликвидации Деникинской власти. За Деникиным последовал Врангель. Здесь жертвы исчисляются уже десятками тысяч. Крым назывался «Всероссийским Кладбищем». Мы слышали об этих тысячах от многих, приезжавших в Москву из Крыма. Расстреляно 50.000 – сообщает «За Народ» (№ 1). Другие число жертв исчисляют в 100–120 тысяч, и даже 150 тыс. Какая цифра соответствует действительности, мы, конечно, не знаем, пусть она будет значительно ниже указанной!¹¹⁷ Неужели это уменьшит жестокость и ужас расправы с людьми, которым в сущности была гарантирована «амнистия» главковерхом Фрунзе? Здесь действовал известный венгерский коммунист и журналист Бэла Кун, не постыдившийся опубликовать такое заявление: «Товарищ Троцкий сказал, что не приедет в Крым до тех пор, пока хоть один контрреволюционер останется в Крыму; Крым это – бутылка, из которой ни один контрреволюционер не выскочит, а так как Крым отстал на три года в своем революционном движении, то мы быстро подвинем его к общему революционному уровню России...»

И «подвинули» еще неслыханными массовыми расстрелами. Не только расстреливали, но и десятками зарубали шашками. Были случаи, когда убивали даже в присутствии родственников.

«Война продолжится, пока в Красном Крыму останется хоть один белый офицер», так гласили телеграммы заместителя Троцкого в Реввоенсовете Склянского.

Крымская резня 1920–1921 г. вызвала даже особую ревизию со стороны ВЦИКа. Были допрошены коменданты городов и по свидетельству корреспондента «Руль»¹¹⁸ все они в оправдание предъявляли телеграмму Бэла Куна и его секретаря «Землячки» (Самойлова, получившая в марте 1921 г. за «особые труды» орден красного знамени)¹¹⁹, с приказанием немедленно расстрелять всех зарегистрированных офицеров и военных чиновников.

Итак, расстрелы первоначально происходили по регистрационным спискам. Очередь при регистрации – рассказывает очевидец А. В. Осокин, приславший свои показания в лозаннский суд¹²⁰ – была в «тысячи человек». «Каждый спешил подойти первым к... могиле...» «Месяцами шла бойня. Смертоносное таканье пулемета слышалось каждую ночь до утра...

Первая же ночь расстрелов в Крыму дала тысячи жертв: в Симферополе 1800 чел.¹²¹, Феодосии 420, Керчи 1300 и т. д.

Неудобство оперировать такими укомплектованными батальонами сказалось сразу. Как ни мутнел рассудок, у некоторых осталось достаточно воли, чтобы бежать. Поэтому на будущее назначены были меньшие партии и в две смены за ночь. Для Феодосии 60 человек, в ночь – 120. Население ближайших к месту расстрела домов выселилось: не могло вынести ужаса пытки. Да и опасно – недобитые подползали к домам и стонали о помощи. За сокрытие сердобольные поплатились головой.

Расстреливаемых бросали в старые Генуэзские колодцы. Когда же они были заполнены, выводили днем партию приговоренных, якобы для отправления в копи, засветло заставляли рыть общие могилы, запирали часа на два в сарай, раздевали до крестика и с наступлением темноты расстреливали.

Складывали рядами. На расстрелянных через минуту ложился новый ряд живых «под равнение» и так продолжалось, пока яма не наполнялась до краев. Еще утром приканчивали некоторых разможиванием головы камнями.

Сколько похоронено полуживых!...

В Керчи устраивали «десант на Кубань»: вывозили в море и топили.

Обезумевших жен и матерей гнали нагайками и иногда расстреливали. За «Еврейским кладбищем» в Симферополе можно было видеть расстрелянных женщин с грудными младенцами. В Ялте, Севастополе выносили на носилках из лазарета и расстреливали. И не только офицеров – солдат,

врачей, сестер милосердия, учителей, инженеров, священников, крестьян и т. д.

Когда первые запасы обреченных стали приходить к концу, началось пополнение из деревень, хотя там расправа часто происходила на месте. В городах были организованы облавы. Напр. в Симферополе в результате облавы 19–20-го декабря оказалось задержанными 12.000 человек.

Когда горячка прошла, начали вылавливать по анкетам. Писать их приходилось целыми десятками в месяц, не только служащим, всему населению от 16 лет. Иногда анкеты состоят из 40–50 вопросов. Каждый год вашей жизни освещался самыми детальными вопросами. Обращалось внимание на происхождение (бывш. сословие), имущественное положение не только опрашиваемого, но его отца, деда, дядей и теток. Отношение к красному террору, к союзникам, к Польше, к миру с Польшей, сочувствуете ли вы Врангелю, почему не уехали с ним и т. д., на все нужно было ответить.

Через две недели каждый обязывался придти в Че-Ка, где еще раз допрашивался следователями, старавшимися сбить нечаянными и бессмысленными вопросами и по выдержании искуса получал на руки заверенную копию анкеты.

За точность сведений каждый ручался своей головой».

Тех, кому сохранили жизнь, отправляли затем в концентрационные лагеря севера, где многие нашли свою могилу. Тот, кто бежал, навлекал месть на оставшихся. Напр., за бегство шести офицеров из лагеря на ст. Владиславлево было расстреляно 38 заключенных¹²².

В Керчи регистрация коснулась всего населения. Город был окружен кольцом патрулей. Ч.К. предписала населению запастись на три дня продовольствием и не покидать в течение этого времени жилищ под страхом смертной казни. На основании произведенной анкеты жители были разделены на три категории, при чем «активно боровшихся» и потому расстрелянных оказалось по сообщению керченских «Известий» 860 человек. Однако жители города утверждали, что эта цифра приуменьшена вдвое¹²³. Наибольшие расстрелы происходили в Севастополе и Балаклаве, где Ч.К. расстреляла, если верить

очевидцам, до 29 тыс. человек¹²⁴. В Севастополе большевики расстреляли, между прочим, свыше 500 портовых рабочих, содействовавших погрузке на суда войск ген. Врангеля¹²⁵. 28-го ноября уже появляется в «Извест. времен. севаст. ревкома» первый список расстрелянных – их 1634 человека, из них 278 женщин; 30-го ноября публикуется второй список в 1202 человека, из коих 88 женщин¹²⁶. Считается, что в одном Севастополе за первую неделю большевики расстреляли более 8000 человек¹²⁷.

В Севастополе не только расстреливали, но и вешали; вешали даже не десятками, а сотнями. Лица, вырвавшиеся из Крыма, случайные иностранцы и др. рассказывают потрясающие картины зверств на столбцах «Последн. Нов.», «Общего Дела» и «Руля». Как ни субъективны показания очевидцев, им нельзя не верить. Нахимовский проспект увешан трупами – рассказывают корреспонденты «Руля»¹²⁸. «Нахимовский проспект увешан трупами офицеров, солдат и гражданских лиц, арестованных на улице и тут же наспех казненных без суда. Город вымер, население прячется в погребах, на чердаках. Все заборы, стены домов, телеграфные и телефонные столбы, витрины магазинов, вывески – оклеены плакатами «смерть предателям» – пишут «Общему Делу»¹²⁹. «Офицеров вешали – добавляет другой очевидец¹³⁰ – обязательно в форме с погонами. Невоенные большею частью болтались полураздетыми». На улицах вешали «для назидания». «Были использованы все столбы, деревья и даже памятники... Исторический бульвар весь разукрасился качающимися в воздухе трупами. Та же участь постигла Нахимовский проспект, Екатерининскую и Большую Морскую улицу и Приморский «бульвар». Приказом коменданта Бемера (германского лейтенанта во время оккупации Крыма) гражданское население лишено права жаловаться на исполнителей советской власти, «так как оно содействовало белогвардейцам». Действительно то были «дикие расправы». Расстреливали больных и раненых в лазаретах (в Алушке, напр., в земских санаториях 272), врачей и служащих Красного Креста, сестер милосердия (зарегистрирован факт единовременного

расстрела 17 сестер), земских деятелей, журналистов и пр. и пр. Тогда же расстреляны нар. социалист – А. П. Лурье – только за то, что он был редактором «Южных Ведомостей» и секретарь Плеханова с.-д. Любимов. И сколько таких, не стоявших даже в рядах активно боровшихся!

По истине синодики эти, по примеру Грозного, следовало бы дополнять: «и многая многих, имена коих ты, Господи, веши»... «Число жертв – свидетельствует корреспондент с.-р. «Воля России»¹³¹ – за одну ночь доходило до нескольких тысяч человек»...

1921 г. Террор в Крыму продолжается

«К июлю 1921 г. по тюрьмам Крыма сидело свыше 500 заложников за связь с «зелеными», – пишет в своих показаниях по делу Конради А. В. Осокин. Многие были расстреляны, в том числе 12–13 женщин (в Евпатории – 3 в апреле; в Симферополе – 5 в ночь на 25 марта по ст. стилю; в Карасубазаре – 1, и в Севастополе – 3 или 4 в апреле), главная вина которых состояла в том, что они имели родственников в горах, или подали хлеба проходившим в лес, часто и не подозревая, что они имеют дело с беглецами, принимая их за красноармейцев.

«В довершение целым селам был предложен ультиматум: «если не вернете ушедших в горы, то будете спалены». (Деревни Демерджи, Шумы, Корбек, Саблы и др.). Но ультиматум не был приведен в исполнение, так как зеленые в свою очередь заявляли, что в случае исполнения угрозы, они вырежут всех коммунистов и их семьи, не только в деревнях, но и в таких городах, как Алушта, Симеиз, Судак.

«Система заложничества имела кровавые результаты в зиму 1921–22 гг. в северных уездах Таврии и Екатеринославщины, во время так называемого «разоружения деревни». На села (напр., Троицкое, Богдановка, Мелитополь) налагалось определенное количество оружия, которое они должны были сдать в течение суток. Количество, значительно превышавшее наличие. Бралось человек 10–15 заложников. Конечно, деревня не могла выполнить, и заложники расстреливались».

В Феодосии раскрыта база «зеленых» – расстреляно 3 гимназиста и 4 гимназистки в возрасте 15–16 лет. По другому делу «зеленых» расстреляно 22 (пр.-доц. Пушкарев, Боженко и др.) в Симферополь.

В связи с зелеными и без связи с ними раскрываются все новые и новые «заговоры» с кровавыми эпилогами, о которых сообщает «Крымроста». Террор широко захватывает и татарские элементы населения, напр., в августе расстреляно несколько

десятков мусульман за «устройство контрреволюционного собрания в мечети»¹³².

В сентябре, поверив «амнистии», с гор спускаются две партии зеленых во главе с татаринком Маламбутовым. Показательна его судьба – о ней рассказывает автор дневника, напечатанного в «Последних Новостях»: «Чекисты, захватив Маламбутова, выпустили за его подписью воззвание к еще оставшимся в горах зеленым, в котором указывают на свое миролюбие и на то, что «у всех, у нас, товарищи зеленоармейцы, – один враг... этот враг – капитал» и т. д. в том же роде. Попавшийся Маламбутов принужден был отправиться со своим штабом, в сопровождении значительного отряда чекистов, в горы и выдать все укромные участки и заветные места зеленых. Крестьяне окрестных деревень передают, что вот уже вторые сутки в горах идет отчаянная пальба: это – красные выкуривают последних зеленых, преданных несчастным Маламбутовым. Сегодня Маламбутова с его товарищами гнусно расстреляли, обвинив в шпионаже. В расклеенных по улицам города объявлениях под мерзким заголовком «За что карает советская власть» (в списке 64 человека) так и было указано: за шпионаж. Запуганные обыватели передают из уст в уста, что чекисты не успели заманить в ловушку всех, спустившихся с Маламбутовым, зеленых, и большая часть их, пронюхав о готовящейся провокации, с боем пробилась обратно в горы (оружие, по договору, им было оставлено)»...

«В отместку за казнь Маламбутова – добавляет корреспондент – зеленые мстят красным жестоко и зверски. Попадающихся в их руки коммунистов подвергают средневековым пыткам».

На юге повсюду еще действуют повстанцы, так называемые «зеленые», и повсюду свирепствует «красный террор». Подавлено «восстание» в Екатеринодаре 27–28 сентября, и в местных «Известиях» появляется список 104 расстрелянных, среди них заштатный епископ, священник, профессор, офицер и казак. Около Новороссийска действуют повстанцы под руководством ген. Пржевальского – Чрезвычайная комиссия

Черноморского флота расстреливает сотнями арестованных повстанцев и так называемых заложников. Идут ежедневные казни. Ликвидированы «12 белогвардейских организаций» в харьковском военном округе, «заговор» ген. Ухтомского и полк. Назарова в Ростове и мн. др. В конце марта раскрыла заговор пятигорская губчека – расстреливается 50 главарей этой организации¹³³. Терская областная Ч.К. расстреливает в Анапе по определению провокационному делу 62 человека, виновных лишь в попытке бежать в Батум от ужасов советской действительности¹³⁴.

Что происходило в Области Войска Донского, в Кубанской области, показывает хотя бы такое обращение В.Ч.К. к населению Кубанской области и Черноморского Побережья за подписью особоуполномоченного В.Ч.К. по Северному Кавказу К. Ландера в октябре 1920 г.¹³⁵

1. Станицы и селения, которые укрывают белых и зеленых, будут уничтожены, все взрослое население – расстреляно, все имущество – конфисковано.

2. Все лица, оказавшие бандам содействие – немедленно будут расстреляны.

3. У большинства находящихся в горах зеленых остались в селениях родственники. Все они взяты на учет и в случае наступления банд – все взрослые родственники, сражающихся против нас, будут расстреляны, а малолетние высланы в центральную Россию.

4. В случае массового выступления отдельных сел, станиц и городов – мы вынуждены будем применять к этим местам массовый террор: за каждого убитого советского деятеля поплатятся сотни жителей этих сел и станиц...

«Карающая рука советской власти беспощадно сметет всех своих врагов» – заключало воззвание.

Усмиряется повстанческое движение на Украине. Здесь нет передышки: между 1920 и 1921 гг. разницы не будет. Это повстанческое движение многообразно. И трудно подчас различить, где это движение носит характер махновщины или самостийно-украинский, где оно имеет связь с так называемыми «белыми», где оно переплетается с укрывающимися

«зелеными», где оно чисто крестьянское на почве взимания продналогов и пр., где оно отделимо от «белогвардейских» и иных заговоров¹³⁶. Но при ликвидации их нет уже оттенков. Приказ № 69 по киевскому округу, по-видимому еще 1920 г., предписывал применение: массового террора против зажиточных крестьян вплоть до истребления их «поголовно»; приказ заявлял о расстреле всякого, у кого найдется хоть один патрон после срока сдачи оружия и т. д. При активном сопротивлении террор, как всегда, превращается в кровавую бойню. В Проскурове жертв считается 2000. Близ Киева выступает атаман Тютюник – в Киеве ежедневно расстрелы нескольких десятков человек. Вот официальный документ, воспроизводящий протокол заседания от 21-го ноября 1921 г. специальной чрезвычайной комиссии – пятерки по рассмотрению дела разбитой и захваченной банды Тютюника¹³⁷. Он констатирует, что зарублено в бою свыше 400 человек и захвачено 537. «В момент боя некоторые из чинов высшего комсостава, видя безвыходность положения, сами себя расстреливали и взрывали бомбами». «Позорно и гнусно для предводителя вел себя Тютюник» – он с некоторыми приближенными бежал в самом начале боя. Судила Ч.К. 443 – остальные умерли до суда. Из них, 360, как «злостные и активные бандиты», приговорены к расстрелу немедленно; остальные направлены для дополнительного допроса следственными властями... Когда мы читаем в петербургской «Правде», что в Киеве раскрыт заговор, руководимый «Всеукраинским повстанческим комитетом» и что арестовано 180 офицеров армии Петлюры и Тютюника, мы с уверенностью можем сказать, что это сообщение равносильно сообщению о расстрелах.

Прибывший в Польшу проф. киевского политехникума Коваль сообщает об усилении террора в связи с раскрытием в Киеве «очередного заговора». Каждую ночь расстреливается 10–15 человек. «В педагогическом музее – сообщается в этом интервью¹³⁸ – была устроена выставка местного исполкома, на которой, между прочим, фигурировали и диаграммы расстрелов Чеки. Минимальное количество расстрелов в месяц – 432».

Заговоры «петлюровских» организаций без числа: 28-го сентября в Одессе расстреляно 63 человека во главе с полк. Евтихиевым¹³⁹; в Тирасполе 14 человек¹⁴⁰; там же – 66¹⁴¹; в Киеве 39 (все больше представителей интеллигенции¹⁴²; в Харькове 215 «украинских заложников» в виде возмездия за убийство советских представителей повстанцами¹⁴³ и т. д. Житомирские «Изв.» сообщают о расстреле 29 человек за участие в заговоре, а между тем едва ли эти кооператоры, учителя, агрономы имели хоть отдаленное отношение к Петлюре.

А такими сообщениями пестрили официальные большевистские газеты: в Подольской губ. раскрыты 5 контрреволюционных организаций, охватывающих всю Подолию. В Чернигове расстреляно 16 и т. д. Это «и так далее» – не отписка, это подлинная действительность, ибо отдельные сообщения накапливаются горами.

Наряду с Украиной стоит Белоруссия. 1921 г. полон сообщениями о повстанческих движениях и о действиях советских карательных отрядов, расстреливающих без приговоров и по приговорам реальных и мнимых участников восстаний. «Ежедневно расстреливают по несколько десятков человек – сообщает корреспондент «Общего Дела»¹⁴⁴: «Особенно много расстреляно белорусских деятелей». «В Минске закончился процесс приверженцев Савинкова... семь человек приговорены к смертной казни»¹⁴⁵. В течение сентября расстреляно 45 человек – дополняет ревельский корреспондент «Daily Mail».

У местной Ч.К., как и у Подольской и Волынской, есть и специальное дело – «очищать» губернии от лиц, проявивших сочувствие Польше во время пребывания в этих местах польских войск: массовые аресты, высылки в центральные губернии, расстрелы – такова форма этого очищения¹⁴⁶.

В непосредственную связь с повстанческими движениями надо поставить массовые расстрелы левых с.-р. и анархистов. «Группа русских анархистов в Германии, как мы уже знаем, издала в Берлине целую брошюру о гонениях на анархистов в России.

«Мы должны оговориться, – писали авторы ее в предисловии, – фактический материал настоящей брошюры представляет только часть – крайне ничтожную часть того, что имеется в действительности. Наш «скорбный лист» анархистов – жертв коммунистической власти – конечно, очень далек от полноты. Мы собрали здесь пока, только то, что творилось непосредственно около нас и что нам лично известно. Но это – лишь маленький уголок гонений коммунистической власти на анархизм и анархистов. Целые области, составляющие 9/10 России, – Кавказ, Поволжье, Урал, Сибирь и др. – не вошли в наш обзор. Да и то, что делалось в центре России, мы не могли представить полностью. Возьмем, хотя бы, такой факт: в дни соглашения советской власти с Махно осенью 1920 г., махновская делегация, на основании политического пункта соглашения, официально определила число лиц, сосланных до того советской властью в Сибирь и другие отдаленные места России и подлежащих возвращению в 200.000 с лишком человек (главным образом, крестьян). Мы не знаем и того, сколько еще были брошены в местные тюрьмы и расстреляны. – Летом 1921 г. советская пресса сообщала о том, что в районе Жмеринки была обнаружена и ликвидирована (расстреляна) организация анархистов в 30–40 человек, имевшая отделения в ряде городов юга России. Мы не могли установить имена погибших товарищей из этой организации, но знаем, что там была наша лучшая анархическая молодежь. – В том же 1921 г. летом в городе Одессе была частью расстреляна, частью заключена в тюрьмы большая анархическая группа, ведшая пропаганду в советских учреждениях, в самом Совете депутатов и даже в компартии, что было поставлено ей в вину, как «государственная измена». – Мы взяли наудачу несколько свежих примеров. Перечисление же всей вереницы разгромов, арестов, высылки и расстрелов анархистов по необъятным провинциям России за все эти годы заняло бы не один том. – Весьма характерно, между прочим, что жестоким преследованиям со стороны советской власти подвергались даже толстовцы – эти, как известно, мирнейшие анархисты. Сотни их находятся в тюрьмах и по сейчас. Коммуны их

разгонялись – нередко вооруженной силой (напр., в Смоленской губ.). Согласно точным данным, до конца 1921 г. имелись определенные сведения о 92-х расстрелянных толстовцах (главным образом, за отказ от воинской повинности). – Мы могли бы продолжать приводить подобные примеры до бесконечности, чтобы показать, что – в сравнении с тем материалом, который когда-нибудь откроется кропотливому историку, – факты, собранные в настоящей работе, являются, конечно, каплей в море».

В мою задачу не входит здесь характеристика русского анархизма, а тем более своеобразных подчас фактических проявлений его, заставлявших нередко покойного П. А. Кропоткина решительно от него отгораживаться... Большевики, пользуясь анархистами там, где им было это нужно, жестоко расправлялись с антигосударственными элементами там, где они чувствовали уже свою силу. Расправе придавали неполитический характер. И несомненно среди так называемых «бандитов» гибло множество таких, которые и не имели отношения к грабительским налетам.

Указанная брошюра анархистов приводит характерные секретные телеграммы центральной власти в Харьков на имя председателя Украинского Совнаркома Раковского¹⁴⁷, предшествовавшие разгрому анархических организаций на Украине:

1. Взять на учет всех анархистов на Украине, в особенности в махновском районе.

2. Вести усиленную слежку за всеми анархистами и приготовить материал по возможности уголовного характера, по которому можно было бы привлекать к ответственности. Материал и распоряжения держать в секрете. Разослать надлежащие распоряжения повсеместно...

3. Анархистов всех задержать и предъявить им обвинения. «Общее Дело»¹⁴⁸ с ссылкой на харьковские «Известия» передает, что в «порядке красного террора» в ноябре 1921 г. в Киеве, Одессе, Екатеринославе, Харькове и др. городах расстреляно свыше 5000 заложников. Прочитав

вышезарегистрированные факты, усомнимся ли мы в этой цифре?...

За Крымом Сибирь¹⁴⁹. За Сибирью – Грузия. И вновь та же картина. Тысячи арестов¹⁵⁰ и сотни расстрелов, произведенных закавказской Чекой. Приехавший из Батума в Константинополь беженец передает свои впечатления корреспонденту «Руля»¹⁵¹ о первых днях занятия большевиками Тифлиса. В первый день город был отдан «на поток и разграбление»: «Наш собеседник видел в ту же ночь огромную гекатомбу из 300 трупов, сваленных в ужасную кучу у Соборной площади. Все стены вокруг были забрызганы кровью, так как казнь, очевидно, была произведена тут же. Тут были и женщины, и мужчины; и старцы, и дети; и штатские, и офицеры; и грузины, и русские; и рабочие, и богачи».

Здесь действует знаменитый Петерс, усмиритель Северного Кавказа Атарбеков и не менее известный матрос Панкратов. Это один из усмирителей Астрахани, перебравшийся в Баку, где им была уничтожена на о. Нарген «не одна сотня бакинских рабочих и интеллигентов»...

А внутри России, там, где кончилась уже давно прямая гражданская война, где не было даже ее непосредственных откликов? Здесь в 1921 г. то же самое.

Здесь по-прежнему расстреливаются сотни. Расстреливаются не только за заговоры, действительные и фиктивные, не только за частичные восстания и протест против насильнического режима – расстрелы являются по преимуществу актом запоздалой мести или наказаниями за проступки уголовные. Напр., хотя бы псковский процесс фармацевтов в Ревтрибунале по обвинению в продаже спирта, закончившийся зверской по форме казнью 8 человек¹⁵², или октябрьский процесс московской госохраны, приведший к расстрелу 10 или 12 человек; смертные приговоры большим группам выносятся в Москве по делам о злоупотреблениях в комиссариатах финансов и здравоохранения. Вишняк в своей книге «Черный год» приводит показательные данные о расстрелах в одних трибуналах за июнь: В Москве – 748,

Петрограде – 216, Харькове – 418, Екатеринодаре – 315 и т. д.¹⁵³

«Последние Новости»¹⁵⁴ приводили цифры о деятельности В.Ч.К. за первые три месяца начавшегося нового года. Газета писала, что заимствовала их из официального отчета: расстреляно 4300 человек; подавлено 114 восстаний – речь идет о 12 центральных губерниях. Массовые расстрелы отмечаются в Ярославле, Саратове, Самаре, Казани и Курске. В одной Москве за январь расстрелов числится 347. По сведениям «Голоса России», заимствованным из статистического отдела комиссариата путей сообщения, по постановлению одних железнодорожных трибуналов в 1921 г., расстреляно пассажиров и служащих 1759 человек (!!).

Были расстрелы, до нельзя возмущавшие моральное чувство, напр., расстрел по процессу 27 гимназистов в Орле – расстреляны были в сущности дети (5 человек)¹⁵⁵. В Одессе после ликвидации всероссийского комитета помощи голодавшим было расстреляно 12 человек, причастных по словам одесских «Известий» к этой организации¹⁵⁶.

Из концентрационного лагеря в Екатеринбурге бежало 6 человек. Приезжает заведующий отделом принудительных работ Уранов, выстраивает офицеров, содержащихся в лагере, и «выбирает» 25 человек для расстрела – в назидание остальным¹⁵⁷.

Осенью в Петрограде расстреляно 61 человек по делу Таганцевского «заговора»¹⁵⁸. В период грозного для большевиков восстания матросов в Кронштадт были расстреляны тысячи: по сообщению «Frankfurter Zeitung» в одних войсках Петроградского гарнизона с 28-го февраля по 6 марта погибло 2500 человек. По словам матросов, бежавших из Кронштадта в Финляндию, расстрелы производятся на льду перед крепостью. Расстрелянных в Ораниенбауме насчитывается 1400¹⁵⁹. Имеются сведения о расстреле 6 священников за участие в этом восстании.

«Эсеровско-меньшевицкий заговор» в Саратове в марте или вернее «бунт» в связи с продразверсткой хлебного налога вызывает массовые аресты и массовые расстрелы. В

официальном сообщении публикуется 27 расстрелов, в действительности... Мы не знаем этой цифры. Но знаем, что в ожидании крестьянского восстания по тюрьмам идут расстрелы «заложников» – учителей, инженеров, офицеров, чиновников царского времени и т. д.¹⁶⁰ В связи с этим «заговором» или другим расстреливается в Саратова 58 левых с.-р. за «бандитизм», т. е. по настоящей терминологии за участие в повстанческом движении¹⁶¹.

восстание железнодорожников в Екатеринославе влечет за собой 51 человеческую жертву. А, может быть, и больше. З. Ю. Арбатов в своих воспоминаниях «Екатеринослав 1917–1922 гг.»¹⁶² свидетельствует, что число арестованных рабочих простиралось до 200. Из них пятьдесят один были приговорены к немедленному расстрелу. «Ночью второго июня осужденные на двух грузовиках были доставлены к крутому берегу Днепра и за их спинами был поставлен пулемет. Как подкошенные, падали расстрелянные в воду... Трупы относил течением... Некоторые трупы оставались на «берегу». Остальных рабочих потребовала для расправы Всеукраинская Чeka в Харькове... Так был подавлен по отзывам большевиков, «маленький Кронштадт».

«Заговор» в Бийске вызывает более 300 арестов и 18 расстрелов; «заговор» в Семиреченской области 48 расстрелов среди «офицеров» и «кулаков». «Заговор» в Елисаветграде (декабрь) из 85 арестованных 55 расстрелянных и т. д. и т. д.

Возвращаются казаки, бежавшие с родины. Их ждет не амнистия, а кары. Казак Чувилло, вновь бежавший из Ейска, передает в русских заграничных газетах, что из партии в 3500 человек расстреляно 894¹⁶³. И вновь я заранее готов согласиться, что в этом возможно случайном сообщении есть большая доза преувеличения. Тем не менее самый факт многочисленных расстрелов легально и нелегально возвращавшихся на родину офицеров и солдат не подлежит никакому сомнению – зарегистрированы такие случаи и в этом году. Корреспондент Русского Национального Комитета¹⁶⁴ в очерке, озаглавленном «Возвращение на родину» собрал множество подобных фактов. Он утверждает, что «по сведениям

из разных источников, в том числе одесских советских газет, было расстреляно до 30 проц. прибывших из Константинополя в Новороссийск в апреле 1921 г. на пароходе «Решид-Паша». На пароходе было 2500 возвращавшихся на родину. Первым своим рейсом в феврале пароход привез 1500 человек. «Как общее правило – утверждает автор – все офицеры и военные чиновники расстреливались немедленно в Новороссийске». Всего из этой партии было расстреляно около 500. Остальные отправлены были в концентрационные лагеря, и многие на Север, т. е. почти на верную смерть. Избавление от немедленной расправы отнюдь не является гарантией последующей безопасности. Подтверждение мы найдем в письмах, относящихся даже к ноябрю и декабрю 1923 г. и напечатанных в «Казачьих Думах» (№ 10). Каждый приезжающий в Новороссийске может услышать условную фразу: «принять на службу в Могилевскую губернию». Нечего говорить уже о высылках так называемых репатриантов. Только наивностью иностранца, слишком еще верующего в право, можно объяснить категоричность д-ра Нансена, заявившего в своем докладе 21 апреля 1923 г.¹⁶⁵ о репатриациях казаков, находящихся на Балканах, что «советское правительство лояльно выполняет взятые им на себя обязательства». Среди этих обязательств, как известно, было, между прочим, два пункта: советское правительство обязуется распространить амнистию 3 и 10 ноября 1921 г. на всех русских беженцев, которые будут репатриироваться при посредничестве Верховного Комиссариата, и советское правительство обязуется предоставить возможность Джону Горвину и другим официальным представителям д-ра Нансена свободно (!) общаться в пределах России с возвратившимися беженцами в целях проверки, что ко всем этим беженцам вышеозначенная амнистия применяется без каких бы то ни было ограничений. «Правда, – замечает д-р Нансен в своем докладе, судя по отчету – был случай (?) ареста двух возвратившихся беженцев за какие-то маловажные преступления, но мои делегаты ведут с советским правительством переговоры о судьбе арестованных». Надо иметь большую веру в писанный «документ» и никакого

представления о сущности российской действительности, чтобы гласно это утверждать. Каким путем могут контролировать действия советской власти частные лица, являющиеся представителями верховного комиссара по делам русских беженцев при Лиге Наций? Пожалуй, им придется в этих целях создать особое государство в государстве или во всяком случае завести свою тайную полицию. Не надо упускать из вида и той тактики, которая вошла в большевицкий обиход: месть приходит с значительным запозданием во времени. Люди пропадают «без вести», идут в ссылку, попадают в долгое тюремное заключение много времени спустя после получения официальных гарантий. Нужны ли доказательства? Они найдутся едва ли не на каждой странице этой книги.

Характернейший процесс рассматривался совсем еще недавно в московском военном трибунале¹⁶⁶. Судили офицера Чугунова, дезертировавшего в 1919 г. из красной армии и добровольно возвратившегося в 1923 г. и принесшего «чистосердечное раскаяние». Вернулся подсудимый из Польши в Россию с разрешения русско-украинской делегации по делам репатриации. Согласно ходатайству в В.Ц.П.К он был восстановлен в правах гражданства. 18-го мая был арестован и привлечен к ответственности. Принимая во внимание «чистосердечное раскаяние», «добровольное возвращение», «классовое происхождение» (сын крестьянина), суд приговорил Чугунова к 10 годам тюремного заключения «со строгой изоляцией».

1922–1923 гг.

Были утверждения, и особенно со стороны иностранцев, побывавших за последнее время в России и лишь поверхностно познакомившихся с жизнью страны (напр., Эррио), что будто бы террор в России отошел в прошлое. Такие утверждения очень мало соответствуют истине. Если, живя в России, совершенно невозможно было подчас проверить те или иные сведения, получить точные цифры, то еще труднее это сделать для меня теперь. Допустим заранее, что все цифры, появляющиеся в заграничной печати, сильно преувеличены. Напр., все газеты обошло сообщение, взятое якобы из отчета комиссариата внутренних дел, которое гласило, что за май 1922 г. было расстреляно 2372 чел. При таком сообщении можно придти в безумное отчаяние – ведь политической жизни в России просто нет – это поле, усеянное лишь мертвыми костями: нет ни протеста, ни возмущения. Все устало, все принижено и подавлено. И мне хотелось бы верить, что в приведенной цифре какая-нибудь ошибка. Пусть преувеличены будут и другие отдельные сведения, проникающие в свободную заграничную печать: напр., за январь и февраль, по сведениям будто бы Политического Государственного Управления, т. е. Всер. Чрез. Комиссии, расстреляно 262, в Москве в апреле 348, в ночь с 7 на 8 мая в Москве 164 (из них 17 духовных лиц), в Харькове за май 187, а в ряде городов Харьковской губ. – 209. Петроградским Ревтрибуналом за убийства и грабежи свыше 200.

Пусть все это будет преувеличено. И тем не менее величайшим ипокритством со стороны все того же Сталина было августовское заявление в собрании московской организации коммунистической партии с угрозой возобновить террор. По словам корреспондента «Голоса России», Сталин, оправдывая тогдашние массовые аресты интеллигенции, заявлял: «Наши враги дождутся, что мы вновь будем вынуждены прибегнуть к красному террору и ответим на их выступления теми мерами, которые практиковались нами в

1918–1919 гг. Пусть они помнят, что мы приводим в исполнение наши обещания. А как мы приводим в исполнение наши предупреждения – это им должно быть известно по опыту прежних лет. И все сочувствующие нашим политическим противникам обязаны предупредить своих особенно зарвавшихся друзей, перешедших границы дозволенного и открыто выступающих против всех мероприятий правительства. В противном случае они заставят нас взяться за то оружие, которое мы на время оставили и к которому мы пока не хотели бы прибегать. Но мы немедленно им воспользуемся, если наши предупреждения останутся безрезультатны. И на удар из за угла мы ответим открытым жестоким ударом по всем нашим противникам, как активным, так и им сочувствующим».

Не было надобности грозить, ибо все еще помнили недавние расстрелы церковнослужителей в связи с делами о протестах против изъятия церковных ценностей. Трудно представить себе более возмутительные приговоры, чем эти, ибо в сущности протесты были действительно незначительны. 5-го июля петроградский ревтрибунал вынес 11 смертных приговоров по делу 86 членов петроградских церковных общин: среди расстрелянных был митрополит петроградский Вениамин и еще четверо; по майскому процессу 54 церковников в Москве было 12 смертных приговоров. А сколько расстрелов по этим делам в провинции? В Чернигове, Полтаве, Смоленске, Архангельске, Старой Руссе, Новочеркасске, Витебске, где расстреливаются по 1–4 представителя духовенства – все за простую агитацию против изъятия священных предметов.

Наряду с расстрелами по церковной «контрреволюции», конечно, продолжаются расстрелы и по политическим делам, по делам несуществующей уже активной контрреволюции. Очень характерное письмо читаем мы в «Последних Новостях»¹⁶⁷ о «ликвидации» недавних «восстаний» на Украине. «Ликвидация восстаний – пишет корреспондент – превращена на деле в истребление еще уцелевшей интеллигенции.

О размерах террора дает понятие следующий отрывок из письма лица, бежавшего во второй половине января из г. Проскурова: «Невероятный террор последних месяцев

заставил многих скрыться заблаговременно. Аресты оставшихся из интеллигенции продолжаются.

Расстреляны Корицкий, Чуйков, брат. Волощуки (причем старший из них – агроном – перед расстрелом повесился, жена же Волощука сидит арестованная в Чека), Доброшинский, Кульчицкий, Андрусевич, юноша Клеменс, Шидловский, Ляховецкий, Радунский, Гридун и масса других, всего около 200 человек, обвиняемых по одному и тому же делу о «заговоре». Из них 23 человека расстреляны 18-го января. В тот же день в момент расстрела бежали, выломав дверь в Чека, девять человек из арестованных.

Я бежал, когда меня пришли арестовать, в начале четвертых по счету массовых арестов... Благодарите Бога, что вы вовремя исчезли с проскуровского горизонта, и не были свидетелями раздирающих душу картин – жен, матерей и детей перед Чека в день расстрела».

Те, чьи имена перечислены выше, не занимались никакой политикой, в большинстве были противниками украинства и являются совершенно невинными жертвами сфабрикованных чрезвычайкой обвинений. Проскуровские «заговоры» делаются по общим правилам чекистского искусства».

Из других мест Украины приходят такие же ужасные вести о разгуле террора.

Просмотрите хотя бы комплекты «Голоса России» и «Последних Новостей»¹⁶⁸ за 1922 г., хотя бы одни отметки из официальных большевицких газет, и вы натолкнетесь на ряд расстрелов так называемых «савинковцев» (напр., в Харькове 12 человек), «петлюровцев» (напр., 25 человек 4-го сентября в Одессе, 55 в Николаевске, еще в Минске, где судилось 34 человека, в Гомеле 8), повстанцев на Северном Кавказе 10 человек, в Павлодаре (Семипалатинской области) – 10 (по другим сведениям 5), в Симбирской губ.

12 и 42 (за найденные воззвания Антонова); зеленых в Майкопе – 68 человек (в том числе женщин и подростков), расстрелянных «для устрашения обнаглевших с наступлением весны бандитов». В Мелитополе 13 членов «бердянской к.-р. организации, в Харькове 13 курсантов. Присоединим сюда

громкое дело «генштабистов» Донской Армии, по которому летом расстреляно два коммуниста; дело «нобелевцев»; ряд реэмигрантских процессов; убийство с.-р. Шишкина московским революционным трибуналом больше за то, что подсудимый отказался от показаний суду, «который он не признает, как суд большевицкой расправы»; убийство в Ярославле полк. Перхурова (участника организации Савинковского восстания 18 г.); в Красноярске 13 офицеров; дело Карельских повстанцев; 148 «казаков» за восстание в Киеве; Одесский «морской заговор», по которому арестовано было до 260 человек; расстрелы в Одессе в связи с забастовкой¹⁶⁹ – и едва ли признаем тогда преувеличением помещение «Голосом России» заметки под заглавием «вакханалия расстрелов», где перечислялась серия таких расстрелов.

Корреспондент газеты писал из Риги 5-го августа: «За последнюю неделю Госполитуправление и ревтрибуналы проявили особенную энергию, выразившуюся в ряде многочисленных арестов и вынесении ряда новых смертных приговоров. Петроградский ревтрибунал вынес десять смертных приговоров обвиняемым по делу эстонской контрольно-оптационной комиссии. Саратовский ревтрибунал приговорил к расстрелу двух членов партии эсер, обвиняемых в организации крестьянского восстания в Вольском уезде. 29-го июля в Воронеже по приговору местного ревтрибунала расстрелян эсер Шамов. В Архангельске 28-го июля приведен в исполнение смертный приговор над 18-ю офицерами, захваченными в плен на Северном Кавказе, в Закавказье и на Дону. Офицеры эти содержались в концентрационных лагерях с конца 1920 г. и начала 1921 г. Среди расстрелянных – 70-ти летний генерал Муравьев, полк. Гандурин и др.». Надо присоединить сюда и дела, по внешности, по крайней мере, не имеющие политической подкладки: в Киеве 3 инженера, 40 человек за хищения продуктов для голодающих в Саратове, 6 железнодорожников за хищения в Новочеркасске. Города Царицын, Владимир, Петроград, Москва и еще многие другие будут отмечены, как места, где выносились смертные приговоры. Может быть, не всегда люди расстреливались. Это

несомненно так, но также несомненно и то, что в зарубежную печать попадала самая незначительная часть таких сообщений. Она не попадает даже в официальную большевицкую печать. В «Последних Новостях» как-то было помещено лаконическое сообщение: «усиленно производятся расстрелы взяточников». И вспоминается, как уже в дни моего отъезда из России (в начале октября 1922 г.) была объявлена специальная «неделя борьбы со взятками». Весь Брестский вокзал в день отъезда был обклеен соответствующими афишами. Как всегда борьба была поставлена широко: одних железнодорожников было арестовано много сотен, если не тысяч...

Бежавший в это время за границу через Минск З. Ю. Арбатов, в своих чрезвычайно ярких воспоминаниях¹⁷⁰, рассказывает о Минске: «На стене деревянной лавки прибитый мелкими гвоздями висел список фамилий, под которыми крупно выделялись слова: «кого карает Чека». На ходу глазом схватил я цифру «46»... Мой спутник потянул меня за собой и, оглянувшись назад, скороговоркой проговорил: «У нас здесь это не новость... Список меняется каждый день... но, если увидят, что вы список читаете, то вас могут взять в Чека... Вот все говорят, что, если среди ваших знакомых нет врагов советской власти, то вам незачем интересоваться этими списками... Расстреливают каждый день по несколько десятков человек!»

1923 г.

Вот сведения из отчета только Верховного Революционного Трибунала: с января по март расстреляно 40 чел., в мае только трибуналами расстреляно 100 чел.

Что может быть красноречивее факта, установленного специальной комиссией В.Ц.И.К. – зарегистрировано 826 самочинных расстрелов Гос. Пол. Упр.: самочинных, т. е. произведенных с нарушением установленных ныне внешних форм. Среди этих 826 политических 519. По ревизии В.Ц.К. отстранены 3 председателя местных отделов Г.П.У., 14 следователей и т. д.

Не только корреспонденции европейских газет, но и официальные советские органы, приходящие за рубеж, сообщают достаточное количество фактов о продолжающихся расстрелах, как единичных, так и массовых. Эти сообщения по прежнему можно разбить на те же самые старые рубрики. Здесь прежде всего фигурирует «контрреволюция»: надо ли напоминать о взволновавшем весь мир убийстве прелата Буткевича? Здесь будут расстрелы за печатание нелегальной политической литературы, здесь будут дела, называемые в официальных отчетах «осколками», это дела о прошлом, всплывшие ныне, иногда уже по истечении нескольких лет: савинковский «агент» Свержевский, (организатор несуществовавшего покушения на Ленина), 3 члена и затем 6 членов «Союза защиты Родины и Свободы», член савинковской организации М. Ф. Жилинский (в Москве)¹⁷¹, 3 офицера Олонецкого стрелкового дивизиона, подготовлявшие сдачу в 1919 г. дивизии англичанам в Архангельске, 33 члена николаевско-незнамовской контрреволюционной организации, 13 представителей какой-то киевской к-рев. организации. Процесс 44 в Семипалатинске (12 смертных приговоров); колчаковские офицеры Дризов и Тимофеев (Пермь) начальник колчаковской контр-разведки б. тов. прок. Пospelов, в свое время получивший «амнистию» (Омск), бывш. следователь в Семипалатинске при Колчаке Правдин (Москва), комиссар

Башкирской республики Ишмурзин, перешедший к Колчаку, московское дело Решикова, Окулова и Петкевича (бывших офицеров Деникинской армии) по обвинению в шпионаже, в Москве же помощник омского коменданта Сердюков и др. Дела повстанческие: 28 екатеринославских повстанцев, 26 петлюровцев (Подольск), петлюровский же сотник Рогутский, 64 волынских (приговорено было к расстрелу 340 – остальные помилованы), 9 человек из повстанческой группы, действовавшей на Кавказе в 1920 г., аналогичная группа в 10 человек, повстанцы в Белоруссии, где всеми корреспондентами отмечается «усиление террора», в Чите (полковник Емелин и 6 его помощников, в Ростове (5). бесконечные дела о «бандитах»: в Одессе 15 человек, в Петербурге 15 и 17 (из коих несколько женщин, не донесших властям на своих сожителей), в Москве 9, в Екатеринославе 6, в Бердичеве 6, в Архангельске 3. В одном Харькове насчитывается в общем до 78 «бандитских» процессов, где только в некоторых случаях смертная казнь заменялась тюремным заключением «в виду пролетарского происхождения» или «заслуг перед революцией и пролетариатом». В Одессе, как передает корреспондент «Русской газеты»¹⁷² приговорено было 16 бандитов за террористические акты над коммунистами. К понятию «бандитизм» надо действительно относиться с осторожностью: «Известия», например, сообщали: в декабре в Енисейском губсуде начался процесс «белобандитов-соловьевцев». Судилось 106 человек (по позднему сообщению 9 приговорено к расстрелу) и т. д.; 5 человек расстреляно за подделку железнодорожных билетов, фальшивомонетки и пр.

Особо стоит группа так называемой «экономической контрреволюции»: управляющий туркестанской табачной промышленностью за бесхозяйственность, лесной трест Томской губ. (4 чел.), инженеры «Унион» (3), дело Гукон (Главного конского управления – бывш. с.-р. Топильский), сотрудники Госторга и Главмортехозупра, в Петрограде инженер Верховский (в числе других 7 лиц), торговец на Сухаревском рынке, 4 рабочих за «саботаж», «обнаглевшие красные купцы за

денежную спекуляцию, дело какого-то «владимирского клуба» и многие другие за подобный же провинности.

бессмысленная, ничем не вызванная в 1923 г. месть за старое: лейтенант Ставраки, участвовавший в подавлении восстания Черноморского флота в 1905 г., 76 возвратившихся на родину врангелевских солдат; ген. Петренко, приехавший с Принцевых островов по амнистии. Преступления по должности: 11 служащих центрального жилищного отдела в Москве, порховский процесс (Псков) служащих налогового ведомства (2), дело о взятках в вятском отделе народного образования (1) и серия дел чекистов и членов трибуналов за злоупотребления (одно время была такая полоса): член Архангельского трибунала, руководитель Дубосарского (Царицынского уезда) уголовного розыска, обвиненный в самочинных расстрелах и истязаниях.

Сообщения об этих и многих других расстрелах за 1923 г. хранятся в моем портфеле. Но сколько расстрелов производится вне публикации? С категоричностью утверждаю это. Где, напр., опубликован был факт расстрела 19 «савинковцев» в мае 1923 г. в Петрограде. Я имею об этом расстреле достаточно авторитетные сведения, из которых видно, что 13 из них, во всяком случае, не имели отношения к тому, в чем их обвиняли. Свидетель Синовари в процессе Конради говорит о расстреле в Петербурге в январе этого же года П.И. Смирнова, арестованного по делу «савинковцев» в апреле предшествующего года...

И вновь Грузия – уже «коммунистическая». Неизбежно вслед идут восстания, прекращаемые по старым испытанным методам. Об этих повстанческих движениях 1922 г., подавленных красной армией, писали и большевицкие газеты. О них свидетельствуют приказы жителям – далеко не новые по своему содержанию: «Все жители обязаны немедленно сообщить властям и представителям войск имена и фамилии бандитов, их укрывателей и вообще местонахождение всех врагов советской власти».

За восстаниями открывается эра заговоров. В газетах списки расстрелянных – 15, 91 и т. д. Все это, конечно, «бывшие

князя, генералы и дворяне» или бандиты, а в действительности в огромном количестве социалистическая и демократическая интеллигенция, сельские учителя, кооператоры, рабочие и крестьяне¹⁷³. Среди «бандитов» числятся несколько видных грузинских социал-демократов.

5-го июля 1923 г. Центр. Ком. грузинских с.-д. обратился к Ц.К. грузинской «коммунистической» партии и к местному Совету «народных комиссаров» с заявлением, в котором говорится: «С ноября-декабря прошлого года жертвами ваших палачей пало множество социалистов-рабочих и крестьян...

Многие тысячи наших товарищей или вынуждены скрываться в лесах, или выселены из пределов Грузии, или томятся в заключении...¹⁷⁴ Но и этого вам оказалось мало. Теперь вы подвергаете пыткам в подвалах Чека наших арестованных товарищей... В результате беспримерных моральных и физических истязаний некоторые из них сошли с ума, другие сделались на всю жизнь калеками, третьи умерли.

В настоящую минуту в одном лишь Тифлисе 700–800 чел. (политических арестованных содержится в подвалах Чека и в Метехском замке»...

1924 г.

И новый год мы можем начать такими же сообщениями. Дело «шпиона Дзюбенко», рассматривавшееся в военной коллегии Верховного Суда в Москве – судили подполковника колчаковской армии и приговорили к расстрелу с конфискацией имущества. «Приговор над Дзюбенко – добавляет сообщение «Известий»¹⁷⁵ – приведен в исполнение в установленный законом срок». Дело «шпиона» Хрусевица, преподавателя артиллерийской школы Кронштадтской крепости – та же коллегия приговорила его к расстрелу¹⁷⁶. «Расстрел за забастовки» – об этом сообщает корреспондент «Дней»¹⁷⁷: в верхне-тагильском округе выездной сессией губ-суда приговорены к расстрелу 5 безработных и один рабочий, обвиняемые в руководстве январскими беспорядками и забастовкам на заводах. «Приговор приведен в исполнение»... «В новой только что выпущенной и помеченной февралем брошюре Рабочей Группы приведено сообщение – пишут «Дням»¹⁷⁸ из Москвы – о расстреле закавказским Г.П.У. 8 русских и 3 грузинских рабочих бакинских промыслов»...

Мы стоим вновь в ожидании смертных приговоров. В Киеве инсценируется большой политический процесс в связи с раскрытой Г.П.У. контрреволюционной организацией под наименованием «Киевский областной центр действия»...

«Расстрелам нет конца» – сообщает приехавший из России «Новому Времени»¹⁷⁹. Но все делается скрытнее. Из Тамбова посылают расстреливать куда-нибудь в Саратов, а из Саратова еще в иное место, чтобы заметать следы. «Исчезают люди, и нигде не узнаешь, куда они девались».

Как соответствует все это, по-видимому, действительности!

Были попытки подвести итоги. Нужно ли это делать теперь? Вероятно и в будущем никогда не раскроется вполне та темная завеса, которая скрывает от нас закулисные стороны кровавой полосы русской жизни за последние пять лет. История будет всегда стоять до некоторой степени перед закрытыми дверями

в царство статистики «красного террора». Имена и число его жертв мы не узнаем.

Рассказывают, что матросы ныне нередко вылавливают, при рыбной ловле, трупы соловецких монахов, связанные друг с другом у кисти рук проволокой...¹⁸⁰

Один такой теоретический подсчет был сделан Ев. Комниным в «Руле»¹⁸¹. Приведу его соображения – они интересны для установления этой возможной статистики человеческих казней: «Зимой 1920 г. в состав РСФСР входило 52 губернии – с 52 чрезвычайными комиссиями, 52 особыми отделами и 52 губревтрибуналами. Кроме того: бесчисленные эртечека (район. транспорт. чрез. ком.), железнодорожн. трибуналы, трибуналы В.О.Х.Р. (войска внутренней охраны, ныне войска внутренней службы), выездные сессии, посылаемые для массовых расстрелов «на местах». К этому списку застенков надо отнести особые отделы и трибуналы армии, тогда 16, и дивизий.

Всего можно насчитать до 1000 застенков – а если принять во внимание, что одно время существовали и уездные чека – то и больше.

С тех пор количество губерний РСФСР значительно возросло – завоеваны Сибирь, Крым, Дальний Восток. Увеличилось, следовательно, в геометрической прогрессии и количество застенков.

По советским сводкам можно было (тогда, в 1920 г. – с тех пор террор отнюдь не сократился, о нем лишь меньше сообщается) установить среднюю цифру в день для каждого застенка: кривая расстрелов поднимается от 1 до 50 (последняя цифра – в крупных центрах) и до 100 в только что завоеванных красной армией полосах. Эти взрывы террора находили однако периодически и опять спадали, так что среднюю (скромную) цифру надо установить приблизительно в 5 человек в день, или помножив на 1000 (застенков) – 5000 человек и в год около 1 ½ миллиона.

А ведь «Голова Медузы» вот уже скоро шесть лет висится над испепеленной страной»¹⁸².

В некоторых чрезвычайных комиссиях, говорят, заведена была особая должность «завучтел», то есть, заведующий «учетом тел».

Не сказано ли этим все?

На гражданской войне

«Правду выпытывали из под ногтей,
В шею вставляли фугасы,
«Шили погоны», «кроили лампасы»,
«Делали однорогих чертей» –
Сколько понадобилось лжи
В эти проклятые годы,
Чтоб разъярить и поднять на ножи
Армии, царства, народы».
М. Волошин.

Деникинская комиссия по расследованию деяний большевиков в период 1918–19 гг., в обобщающем очерке¹⁸³ о «красном терроре» насчитала 1.700.000 жертв. Из многочисленных материалов этой комиссии опубликовано сравнительно мало. Я не мог еще в достаточной мере изучить архив комиссии, находящийся в Париже. Между тем статистические итоги, конечно, в значительной степени зависят от методов, применяемых при том или ином обследовании вопроса.

Мы до сих пор говорили почти исключительно о смерти, произведенной в порядке «судебном» или административном, т. е. в той или другой степени по приговорам «революционной» власти. Но действительных жертв «красного террора» конечно, несравненно больше, как это можно было видеть попутно, когда нам приходилось затрагивать вопрос о подавлении тех или иных восстаний и пр.

Трудно в данном случае различить то, что может быть отнесено к так называемым «эксцессам» гражданской войны, к проявлению «революционного порядка», поддерживаемого отрядами озверелых матросов или «женским карательным отрядом каторжанки Маруси», как это было, напр., в Ессентуках в марте 1918 г., от того, что является уже планомерным осуществлением «красного террора», ибо за наступающими войсковыми частями, творящими зверские расправы с бессильным противником или неповинным населением, всегда

идет воинствующая Че-Ка. Под каким наименованием она действует в тот или иной момент – не все ли равно?

Этих описаний уже слишком много. И тем не менее, не жалея нервов тех, кто читает эти страницы, возьму несколько таких картин, быть может, и не самых жестоких по проявлениям чисто зоологической человеческой ненависти.

Начну с материалов «Особой Комиссии». Дело № 40 – «акт расследования о злодеяниях, учиненных большевиками в городе Таганроге за время с 20 января по 17 апреля 1918 года».

«В ночь на 18 января 1918 года в городе Таганрог началось выступление большевиков, состоявших из проникших в город частей красной армии Сиверса...

20 января юнкера заключили перемирие и сдались большевикам с условием беспрепятственного выпуска их из города, однако, это условие большевиками соблюдено не было и с этого дня началось проявление «исключительной по своей жестокости» расправы с сдавшимися.

Офицеров, юнкеров и вообще всех, выступавших с ними и сочувствовавших им, большевики ловили по городу и или тут же на улицах расстреливали, или отправляли на один из заводов, где их ожидала та же участь.

Целые дни и ночи по городу производились повальные обыски, искали везде, где только могли, так называемых «контрреволюционеров».

Не были пощажены раненые и больные. Большевики врывались в лазареты и, найдя там раненого офицера или юнкера, выволакивали его на улицу и зачастую тут же расстреливали его. Но смерти противника им было мало. Над умирающими и трупами еще всячески глумились...

Ужасной смертью погиб штабс-капитан, адъютант начальника школы прапорщиков: его, тяжело раненого, большевицкие сестры милосердия взяли за руки и за ноги и, раскачав, ударили головой о каменную стену.

Большинство арестованных «контрреволюционеров» отвозилось на металлургический, кожевенный и, главным образом, Балтийский завод. Там они убивались, причем большевиками была проявлена такая жестокость, которая

возмущала даже сочувствовавших им рабочих, заявивших им по этому поводу протест.

На металлургическом заводе красногвардейцы бросили в пылающую доменную печь до 50 человек юнкеров и офицеров, предварительно связав им ноги и руки в полусогнутом положении. Впоследствии остатки этих несчастных были найдены в шлаковых отбросах на заводе.

Около перечисленных заводов производились массовые расстрелы и убийства арестованных, причем тела некоторых из них обезображивались до неузнаваемости.

Убитых оставляли подолгу валяться на месте расстрела и не позволяли родственникам убирать тела своих близких, оставляя их на съедение собакам и свиньям, которые таскали их по степи.

По изгнании большевиков из Таганрогского округа, полицией в присутствии лиц прокурорского надзора, с 10 по 22 мая 1918 г. было совершено вырытие трупов погибших, при чем был произведен медико-полицейский осмотр и освидетельствование трупов, о чем были составлены соответствующие протоколы...

Допрошенное при производстве расследования в качестве свидетеля лицо, наблюдавшее за разрытием означенных могил, показало, что ему воочию при этом раскрытии пришлось убедиться, что жертвы большевицкого террора перед смертью подвергались мучительным страданиям, а самый способ лишения жизни отличается чрезмерной, ничем не оправдываемой жестокостью, свидетельствующей о том, до чего может дойти классовая ненависть и озверение человека.

На многих трупах, кроме обычных огнестрельных ранений, имелись колотые и рубленые раны прижизненного происхождения, зачастую в большом количестве и разных частях тела; иногда эти раны свидетельствовали о сплошной рубке всего тела; головы у многих, если не большинства, были совершенно разможены и превращены в бесформенные массы с совершенной потерей очертаний лица; были трупы с отрубленными конечностями и ушами; на некоторых же имелись хирургические повязки – ясное доказательство захвата их в больницах и госпиталях».

Нет разницы в описаниях нашествия большевиков и их расправ в марте-апреле 1918 г. в любой станице Области Войска Донского и Кубанской Области. Нет станицы, где не было бы жертв, и ст. Ладыженская, где зарублено было 74 офицера и 3 женщины вовсе не исключение. В Екатеринодаре рубят раненых топорами, выкалывают глаза, отрубают головы; также зверски убивают 43 офицера в Новочеркасске. Расправы вызывают восстания, за которыми следуют в таких же формах подавления. «История казачьих восстаний – замечает в своих «Очерках Русской Смуты»¹⁸⁴ ген. Деникин – трагична и однообразна»: в июне восстало несколько станиц Лабинского отдела – кроме павших в бою казнено было 770 казаков. И действительно потрясающие сцены бесчеловечной расправы можно было бы приводить десятками...

Та же картина наблюдалась и в различных городах Крыма, – в Севастополе, Ялте, Алуште, Симферополе, Феодосии. Об одной «Варфоломеевской ночи» в Евпатории говорит дело № 56. В Евпатории красные войска появились 14 января. Начались массовые аресты офицеров, лиц зажиточного класса и тех, на кого указывали, как на контрреволюционеров. За 3–4 дня было в маленьком городе арестовано свыше 800 человек.

«Казни происходили так: лиц, приговоренных к расстрелу, выводили на верхнюю палубу и там, после издевательств, пристреливали, а затем бросали за борт в воду». (Казни происходили на судне «Румыния»). «Бросали массажи и живых, но в этом случае жертве отводили назад руки и связывали их веревками у локтей и у кистей, помимо этого связывали и ноги в нескольких местах, а иногда оттягивали голову за шею веревками назад и привязывали к уже перевязанным рукам и ногам. К ногам привязывались «колесники». «Все арестованные офицера (всего 46) со связанными руками были выстроены на борту транспорта» – добавляет другой повествователь¹⁸⁵ – «один из матросов ногой сбрасывал их в море, где они утонули. Эта зверская расправа была видна с берега, там стояли родственники, дети, жены... Все это плакало, кричало, молило, но матросы только смеялись. Ужаснее всех погиб шт. ротм. Новацкий, которого матросы считали душой восстания в

Евпатории. Его, уже сильно раненого, привели в чувство, перевязали и тогда бросили в топку транспорта».

Казни происходили и на транспорте «Трувор», причем, по словам очевидца, следующим образом: перед казнью, по распоряжению судебной комиссии, к открытому люку подходили матросы и по фамилии вызывали на палубу жертву. Вызванного под конвоем проводили через всю палубу мимо целого ряда вооруженных красноармейцев и вели на так называемое «лобное место» (место казни). Тут жертву окружали со всех сторон вооруженные матросы, снимали с жертвы верхнее платье, связывали веревками руки и ноги и в одном нижнем белье укладывали на палубу, а затем отрезывали уши, нос, губы, половой член, а иногда и руки и в таком виде жертву бросали в воду. После этого палубу смывали водой и таким образом удаляли следы крови. Казни продолжались целую ночь и на каждую казнь уходило 15–20 минут. Во время казней с палубы в трюм доносились неистовые крики и для того, чтобы их заглушить, транспорт «Трувор» пускал в ход машины и как бы уходил от берегов Евпатории в море. За три дня 15, 16 и 17 января на транспорте «Трувор» и на гидро-крейсере «Румыния» было убито и утоплено не менее 300 человек¹⁸⁶.

Матрос Куликов говорил на одном из митингов, что «собственноручно бросил в море за борт 60 человек».

В ночь на 1 марта из города исчезло человек 30–40. Их увели за 5 верст от города, где и расстреляли на берегу моря. «Было установлено, что перед расстрелом жертв выстраивали неподалеку от вырытой ямы и стреляли в них залпами разрывными пулями, кололи штыками и рубили шашками. Зачастую расстреливаемый оказывался только раненым и падал, теряя сознание, но их также сваливали в одну общую яму с убитыми и, несмотря на то, что они проявляли признаки жизни, засыпали землей. Был даже случай, когда при подталкивании одного за ноги к общей яме, он вскочил и побежал, но свалился заново, сажень в 20, сраженный новой пулей».

«В Крыму воцарился большевизм в самой жестокой разбойничье-кровавой форме, основанный на диком

произволе местных властей», – пишет Кришевский в своих воспоминаниях. «Во всех городах лилась кровь, свирепствовали банды матросов, шел повальный грабёж, словом создавалась та совершенно кошмарная обстановка потока и разграбления, когда обыватель стал объектом перманентного грабежа». Он повествует о расстрелах в Ялте (80 офицеров), Феодосии (60), Симферополе (100 офицеров и 60 граждан, убитых на дворе тюрьмы) и т. д. «В Севастополе тогда же, это было в феврале – говорит автор произошла вторая резня офицеров, но на этот раз она была отлично организована, убивали по плану и уже не только морских, но вообще всех офицеров и целый ряд уважаемых граждан города, всего около 800 человек». Убивали также зверски – выкалывали глаза...

В Крыму сотнями гибли и представители татарского населения, противодействовавшего большевикам.

Учесть невозможно количество жертв, – говорит расследование о деятельности большевиков в Ставрополе с 1 января по 1 июня 1918 года. Людей убивали без суда и следствия, по устным распоряжениям комендантов и начальников красноармейских частей (материалы насчитывают 96 погибших известных горожан). Воспоминания о Ставропольской губ. быв. Прокурора Временного Правительства В. М. Краснова, напечатанные в «Архиве революции», И. В. Гессена, подтверждают эти расследования. Он рассказывает о надругании над калмыцкими женщинами, о детях с «отрезанными ушами», об истязании изнасилованных гимназисток в гимназии с. Петровского¹⁸⁷.

В материалах Деникинской комиссии перед нами проходят последовательно города: Харьков, Полтава и др. И повсюду «трупы с отрубленными руками и разможженными костями и оторванными головами», «с переломленными челюстями, с отрезанными половыми органами». И повсюду могилы дают десятки таких трупов: в Кобелях – 69, в другом уездном городе – 20, в третьем, в Харькове 18 семидесятилетних монахов. Вот труп 75-летнего арх. Родиона, с которого в Харькове сняли скальп...

В дни гражданской войны на юге большевики приходят и уходят. Вновь приходят... и эти вторичные приходы подчас еще ужаснее первых наступлений. Разыгрывается уже не стихия, а организованная, бессмысленная месть. Возьмем описание хотя бы некоторых моментов в тех кровавых событиях, последних в Кубанской области в 1918 г., которые происходили в Армавире. Они характерны тем, что здесь месть касалась уже не русских. «В июле – говорит нам описание Деникинской комиссии – Армавир был взят дивизией генерала Боровского. Войска были встречены армянским населением хлебом с солью; похороны офицеров, убитых под Армавиром, армяне приняли на свой счет. Когда ген. Боровский по стратегическим соображениям оставил город, туда вновь возвратились большевики. Начались массовые казни. Прежде всего изрублено было более 400 армян беженцев из Персии, Турции, ютившихся у полотна железной дороги, изрублены были тут женщины и дети. Затем казни перенеслись в город. Заколото штыками, изрублено шашками и расстреляно из ружей и пулеметов более 500 мирных армавирских жителей. Убивали на улицах, в домах, на площадях, выводя смертников партиями»... «Изрубив персидского консульского агента Ибдала Бока, красные ворвались во двор, где искали приюта и защиты 310 персидских подданных. Всех их расстреляли там из пулеметов»...

Возьмем описание таких же дней в Ростове на Дону из другого источника, из замечательной книги социал-демократа А. Локермана «74 дня советской власти», вышедшей еще в 1918 г. в Ростове. Здесь отмечаются те же массовые расстрелы, в том числе раненых по госпиталям. «В штабе (Сиверса) арестованных раздевали; иных оставляли в сапогах и брюках, которые стаскивали уже после расстрела, других оставляли только в кальсонах. В 20-м веке, среди белого дня, по улице большого города гнали зимой по снегу голых и босых людей, одетых только в кальсоны, и подогнав к церковной ограде, давали залпы... Многие крестились, и пули поражали их в момент молитвы. Буржуазные предрассудки, в роде завязывания глаз, приглашения духовного лица и т. п., конечно, не соблюдались».

Расстреливались все подростки 14–16 лет, записавшиеся в добровольческую армию, среди них целый ряд гимназистов и семинаристов.

«Штаб Сиверса категорически заявил, что все участники добровольческой армии и лица, записавшиеся в нее, без различия степени участия и возраста их, (курсив автора) будут расстреляны без суда» (23).

Много случаев расстрела людей, выходивших после 9 часов вечера – патрули заводили их в глухое место и расстреливали. Расстреливали «у стены ипподрома, на глазах у публики», расстреливали днем на набережной. Часто трупы расстрелянных «изуродовались до неузнаваемости» (49). Казни и расправы производились под лозунгом «Смерть буржуазии», «смерть капиталистам» (51), список же павших, ничего общего с капиталистами не имеющих, бесконечен. «В числе погибших громадный процент составляют учащиеся средних и высших учебных заведений и представители интеллигентных профессий, и первые моменты казалось, что происходит избиение интеллигенции». Но это ошибочно, «подавляющее число погибших – это случайные лица из всех слоев населения, преимущественно из простонародья» (51).

Перед уходом большевики снова совершили ряд «отвратительных жестокостей» (92).

Отступление не менее жестоко, чем наступление. В конце 1918 г. оставляется большевиками гор. Сарапуль: в виду затруднений, какие представляла эвакуация местной тюрьмы, решили ее «очистить путем расстрела всех заключенных»¹⁸⁸.

«Один из их (большевицких) вождей публично заявил, что, если им придется покинуть город, они перережут 1000 жителей» – доносит Эльстон Керзону 11 февраля 1919 г.¹⁸⁹

В «Белой книге» можно найти немало материала для характеристики форм, в которые выливалась гражданская война на северо-востоке России в 1918–1919 гг.

«Обычно жертвы расстреливались, но часто еще топились или рубились шашками. Избиения группами в 30, 40 и 60 человек имели место, например, в Перми и Кунгуре» – сообщает Элиот Керзону в марте 1919 г.

«Убийству часто предшествовали бесчеловечные пытки. Перед расстрелом рабочих в Омске их подвергли порке и избиению прикладами и железными палками с целью добиться от них показаний. Часто жертвы принуждались рыть себе сами могилу. Иногда палачи ставили их лицом к стене и начинали сзади стрелять из револьверов мимо их ушей, убивая их значительно позже. Оставшиеся в живых свидетельствуют об этом.

В числе жертв были молодые девушки, старухи и беременные женщины»... (132).

«В Благовещенске – пишет Нокс в военное министерство – были найдены офицеры и солдаты отряда Торболова с граммофонными иглами под ногтями, с вырванными глазами, со следами от гвоздей на плечах, на месте эполет. Их тела превратились в какие-то замерзшие статуи; их вид был ужасен. Убили их большевики в Мещановой, а потом увезли трупы в Благовещенск»...¹⁹⁰ (129).

Вот сообщение Эльстона Бальфуру 18-го января 1919 г., передающее со слов теперешнего чешского министра иностранных дел по русским делам заслуживающие особого внимания факты о событиях в Киеве.

«...Даже турецкие зверства в Армении не могут сравниться с тем, что теперь делают большевики в России... Во время боев в Уссурийском районе в июле 1918 г. д-р Т. нашел на поле сражения ужасно изуродованные трупы чешских солдат. У них были отрезаны половые органы, вскрыты черепа, изрублены лица, вырваны глаза и вырезаны языки...

Местные представители чешского национального Совета, д-р Гирса и его помощник, говорят, что больше года тому назад сотни офицеров были расстреляны в Киеве при взятии его большевиками...

В сильнейший холод их увели с квартир, раздели догола, оставив им одни шапки и впихнули в повозки и автомобили. На морозе, выстроенные в ряд, они часами ждали, когда и как, по одиночке или группами, большевическим солдатам заблагорассудится их расстрелять.

Д-р Гирса был в это время хирургом при 12-ой городской больнице. Больница была переполнена больными, вследствие жестокостей над интеллигенцией и офицерами в Киеве. Офицеров, даже смертельно раненых, приходилось прятать в шкапы, чтобы явившиеся за ними большевики, выводя на улицу, тут же не расстреляли их.

Многих тяжело раненых вытаскивали из больниц и безжалостно убивали. Большевики выгоняли на улицу и расстреливали людей с ранениями живота, с переломами членов и другими тяжелыми ранениями. Он помнит, как видел, что собаки на улицах ели (трупы) офицеров. Жена помощника д-ра Гирсы видела автомобиль, наполненный замороженными трупами офицеров, которые везли по улицам за город, на пустырь...

Людей выгоняли из их домов, ночью освобождали больничные койки, беспощадно убивали тяжело раненых; мужчин расстреливали без снисхождения и суда»... (80 – 81)¹⁹¹.

Тот же Эльстон пишет Бальфуру 14-го января 1919 г.: «...Число зверски убитых в уральских городах неповинных граждан достигает нескольких сот. Офицерам, захваченным тут большевиками, эполеты прибывались гвоздями к плечам; молодые девушки насильовались; штатские были найдены с выколотыми глазами, другие – без носов; двадцать пять священников были расстреляны в Перми, а епископ Андроник заживо зарыт. Мне обещали дать общий итог убитых и другие подробности, когда они будут собраны» (78).

В разных местах разные категории свидетельств таким образом рисуют нам однотонные по ужасам картины. Эстония, Латвия, Азербайджан – везде, где только шла гражданская война, не представляют в данном случае исключения. О кровавых банях в Валке, Дерпте, в Везенберге и т. д. 1918–1919 гг., говорят нам: «Das wahre Gesicht des Bolschewismus!» (Tatsachen, Berichte, Bilder aus den Baltischen Provinzen. November 1918 – Februar 1919). «Unter der Herrschaft des Bolschewismus.» (Gesammelt von Erich Köhrer, Pressebeirat der deutschen Gesandtschaft bei den Regierungen Lettlands und Estlands) и ряд аналогичных работ, вышедших на немецком

языке. Много материала о Балтике заключается в донесениях, помещенных в «Белой Книге»; здесь рассказывается о сотнях с выколотыми глазами и т. д., и т. д.

Автор воспоминаний о революции в Закавказье¹⁹² говорит о 40.000 мусульман, погибших от руки большевиков при восстании в Елисаветполе в 1920 г. и т. д.

Чтобы понять всю совокупность явления, именуемого «красным террором», нельзя пройти мимо этих фактов, происходивших непосредственно на территории гражданской войны. И даже не в момент боя, не в момент столкновения, когда разгораются звериные страсти человеческой натуры. Нельзя ограничиться отпиской, что все это «эксцессы», при чем эксцессы китайцев или интернациональных батальонов, отличавшихся исключительной жестокостью по отзыву всех решительно свидетелей. Интернациональный полк в Харькове – говорит л. с.-р. Вершинин – творил «такие жестокости, перед чем бледнеет многое, что принято называть ужасом»¹⁹³.

Это не «эксцессы», потому что и здесь жестокость возведена в систему, т. е. в действие планомерное. Тот же Лацис 23-го авг. 18 г., т. е. до покушения на Ленина, в «Известиях» формулировал новые законы гражданской войны, которые должны заменить «установившиеся обычаи» войны, выраженные в разных конвенциях, по которым пленные не расстреливаются и пр. Все это только «смешно»: «Вырезать всех раненых в боях против тебя – вот закон гражданской войны».

Большевики не только разнуздывали стихию, но и направляли ее в определенное русло своей систематической демагогией. Мартовские события 1918 г. на Кубани происходят под флагом резолюций коммунистической партии в Пятигорске: «Да здравствует красный террор!» По истине эпическую сцену рисует нам один из участников гражданской войны на юге со стороны большевиков: в одном месте казаки под стогом сена расстреливают пойманных офицеров. «Это меня обрадовало, значит не игра впустую, а война гражданская. Я подъехал к ним и поздоровался. Казаки узнали меня и прокричали «ура». Один из станичников сказал: «Когда у нас есть красные офицера, нам

не нужны белые и вот мы, товарищ, здесь их добиваем». – «Ладно, ребята, делайте; помните, товарищи, что, только когда их не станет, у нас будет действительная свобода»¹⁹⁴ ...

«Классовый террор»

«Пролетарии помните, что жестокость – остаток рабства потому, что она свидетельствует о присущем в нас самих варварстве»...

Жорес

Цитированные нами материалы из «Белой Книги» рассказывали уже факты, относящиеся к подавлению крестьянских восстаний, которые вспыхивали на территории, куда приходила большевицкая власть. Эти материалы говорят нам о таких же усмирениях рабочих волнений.

«С рабочими, оказывавшими большевикам сопротивление, обходились так же, как с крестьянами» доносит Элиот Керзону 5-го марта 1919 г.¹⁹⁵ «Сто рабочих было расстреляно в Мотовиловке близь Перми в декабре 1918 г. за протест против поведения большевиков».

Но не только в английских донесениях мы найдем бесконечное количество аналогичных фактов. Этих сообщений бездна и в русской печати, да и в официальных органах советской власти. И внутри самой советской России можно зарегистрировать длинный список крестьянских восстаний на почве протеста против деспотического режима большевиков, против отбирания хлеба в связи с налогом и т. д. Все они кровавым путем подавлялись.

История России, в которой крестьянские волнения занимали всегда не последнее место, никогда не видала таких усмирений, которые практиковала советская власть. Ничего подобного не было даже при крепостном праве, ибо при усовершенствованной технике против восставших пускаются в ход броневики, пулеметы и удушливые газы.

У меня лично был собран огромный материал в этой области за 1918–1919 гг., но, к сожалению, он пропал в Москве во время одного из многочисленных обысков.

Вот один красочный документ, подводящий как бы итоги того, что делалось в Тамбовской губернии. Это было до так называемого антоновского восстания, охватившего огромный

район и явившегося скорее ответом на то, что делали большевики во имя «классового террора» с деревней. Документ относится к концу 1919 года. Это – записка, поданная в Совет Народных Комиссаров группой социалистов-революционеров. Дело идет о подавлении «беспорядков» в ноябре 1919 г. Поводы для восстания были разные: мобилизация, реквизиция скота, учет церковного имущества и т. д. Вспыхнув в одной, они быстро, как зараза, распространились по другим волостям и, наконец, охватили целые уезды. «Советская власть двинула на места десятки карательных отрядов, и вот весьма краткий перечень фактов из их кровавой деятельности, перед которыми бледнеют ужасы, творимые когда-то в тех же местах царским опричником Луженовским: В Спасском уезде, во всех волостях, где только появлялись карательные отряды, шла самая безобразная, безсраборная порка крестьян. По селам много расстрелянных. На площади города Спасска публично, при обязательном присутствии граждан-односельчан, было расстреляно десять крестьян вместе со священником, при чем телеги для уборки трупов должны были предоставить граждане-односельчане. Расстрелянных за Спасской тюрьмой 30 человек заставили перед смертью вырыть себе одну общую могилу. В Кирсановском уезде усмирители в своей безумной жестокости дошли до того, что запирали на несколько дней арестованных в один хлев с голодным экономическим хряком; подвергшиеся таким пыткам сходили с ума. Председатель Нащекинского Комитета Бедноты продолжал расстреливать самолично уже после отъезда карательного отряда. В Моршанском уезде сотни расстрелянных и тысячи пострадавших. Некоторые села, как, например, Ракша, почти уничтожены орудийными снарядами. Имущество крестьян не только разграблялось «коммунистами» и армейцами, но и сжигалось вместе с запасами семян и хлеба. Особенно пострадал Пичаевский район, где сжигали десятый двор, при чем женщины и дети выгонялись в лес. Село Перкино участия в восстании не принимало, однако там в это же время переизбрали совет. Отряд из Тамбова весь новый состав совета расстрелял. Из Островской волости в Моршанскую тюрьму доставлено 15 крестьян совершенно изувеченных

усмирителями. В этой же тюрьме содержится женщина, у которой выдраны волосы на голове. Случаи насилия над женщинами надо считать десятками. На кладбище города Моршанска израненные армейцами 8 крестьян (Марков, Сучков, Костяев, Кузьмин и др.) были полуживыми зарыты в могилу. Особенно отличились по Моршанскому уезду следующие усмирители: начальник отряда – Чуфирин – «коммунист», Чумикин (бывш. уголовный), Парфенов (освобожденный из ссылки по ходатайству на Выс. имя), Соколов, бывший фельдфебель и ряд других. В Тамбовском уезде многие села почти уничтожены пожаром и орудийными снарядами. Масса расстрелянных. Особенно пострадали села: Пахотный Угол, Знаменка, Кариан, Бондари, Лаврово, Покровское-Марфино и др. В Бондарях расстрелян весь причт за то, что по требованию крестьян отслужил молебен после свержения местного совета¹⁹⁶. В Кариане вместе с другими арестованными по делу восстания был расстрелян член 1-ой Государственной Думы О. К. Бочаров. С какой вдумчивостью и серьезностью отнеслась губернская власть к усмирению можно видеть из того, что во главе одного отряда стоял 16-летний мальчишка Лебский, а Председателем Районной Чрезвычайной Комиссии Тамбовского уезда состоял и до сих пор состоит А. С. Клинков, бывший крупный купец с. Токаревки, злостный банкрот, до октябрьской революции занимавшийся спекуляцией, круглый невежда, взяточник и пьяница. В его руках находилась жизнь арестованных и он расстреливал направо и налево. Кроме «специальных» карательных отрядов практиковалась также посылка на боевое крещение коммунистических ячеек и эти хулиганские банды устраивали по селам настоящие оргии – пьянствовали, занимались грабежом и поджогами, претворяя таким образом великий принцип «Братства, Равенства и Свободы» в ужас татарского нашествия. Необходимо также отметить кровавую работу латышских отрядов, оставивших после себя долгую кошмарную память. В настоящее время тюрьмы и подвалы чрезвычайек переполнены. Число арестованных по губернии нужно считать тысячами. Вследствие голода и холода среди них развиваются всякие болезни. Участь

большей половины арестованных ясна – они будут расстреляны, если у власти останутся те же комиссары и чрезвычайные комиссии».

Восстания – свидетельствует записка – были также в Козловском, Усманском и Борисоглебском и остальных уездах Тамбовской губернии, при чем относительно усмирения Шацкого уезда очевидцы говорят, что он буквально залит кровью¹⁹⁷.

Крестьянские восстания в своем развитии легко переходили за пределы восстаний только деревенских и захватывали города. В берлинской газете «Руль» было помещено как-то чрезвычайно красочное описание одной очевидицы восстания крестьян в г. Петропавловске. Крестьяне именуются здесь «белыми», но это было подлинное народное движение. Заимствуем из него конец: «Со вступлением «красных» начался «красный террор»; начались массовые аресты и расстрелы без расследований; появились на столбах объявления, гласящие: «...в случае еще одного нашествия белых банд, город будет до основания разрушен «красной» артиллерией».

«Со слов вернувшегося из плена «белых» знакомого врача, можно было заключить, что «красный террор» в деревне был ужаснее, чем в городе: дома все были разграблены, скотина уведена, некоторые семьи целиком были вырезаны, не жалели даже стариков, женщин и детей. В некоторых домах оставались только старики и маленькие дети: мужчины и женщины все ушли с «белыми». По дорогам и в деревнях валялись изуродованные до неузнаваемости трупы крестьян, служившие «для назидания» другим, эти трупы строго запрещено было убирать и хоронить.

«Крестьяне в свою очередь тоже беспощадно расправлялись с коммунистами. В Петропавловском Народном доме в конце февраля, в марте, апреле и далее в мае месяце можно было видеть длинные ряды изуродованных трупов коммунистов, несмотря на то, что еженедельно, каждое воскресенье, их хоронили человек по 50 – 60 – торжественно с музыкой. А на рынке в «мясных (бывших, конечно) рядах» лежали (тоже для назидания) изуродованные трупы заложников, с которыми коммунисты покончили, как только

укрепились в городе. Тут были трупы бывшего городского головы, его заместителя, мирового судьи и многих других видных городских деятелей и торговцев. А сколько человек было расстреляно во дворе Политотдела (Чрезвычайки) и кто именно – неизвестно, но не один месяц ежедневно в любое время дня и ночи там раздавались выстрелы. Кроме того было много случаев, что арестованных зарубливали шашками, и жители слышали только отчаянные крики умирающих. Казнили и архиерея с несколькими священниками из местного собора. Их обвиняли, будто они колокольным звоном встречали «белых» при их приходе в Петропавловск, но коммунисты не приняли во внимание того, что «белые» пришли ровно в 4 часа дня, когда, как всегда, благовестили к вечерне. Труп архиерея долгое время лежал (для назидания) на площади, на пути к вокзалу.

«На вокзале находился «главный штаб войск Восточной Сибири», которому приписывают, что он расстрелял всех заключенных в тюрьме, которые сидели до прихода «белых», арестованные за малейшие провинности сроком на несколько недель или месяцев.

Я покинула Петропавловск 10-го мая. В городе все было спокойно, если не считать громадного количества красноармейцев, какого никогда не бывало. В уезде же восстание все еще не было подавлено, все еще приводили из деревень массы арестованных крестьян, и все еще с музыкой хоронили по праздникам изуродованных коммунистов».

Ожесточение крестьян действительно доходило до таких пределов, что я знаю факт, когда под самой Москвой в Можайском уезде крестьяне пойманного комиссара распиливали деревянной пилой.

Вышедший в январе 1919 г. № 1 «Бюллетень лев. с.-р.», констатирует нам массовые крестьянские расстрелы в ряде губерний в период конца 1918 г. Напр.. в Епифанском уезде Тульской губ. расстреляно – 150, в Медынском уезде Калужской губ. – 170, в Пронском уезде Рязанской губ. – 300, в Касимовском – 150, в Спасском – также сотни, в Тверской губ. – 200, в Велижском уезде Смоленской губ. – 600 и т. д.

В июле 1919 г. происходит «восстание» в деревнях в окружности Кронштадта. Имеем точное свидетельство: в одном селе расстреляно 170, в другом 130; расстреливали попросту через третьего.

Во время Колыванского восстания крестьян в 1920 г. в Томской губ.¹⁹⁸ было расстреляно более 5000 человек. Аналогичное восстание в Уфимской губ., по словам лев. с.-р., было подавлено с такой жестокостью, что по «официальным данным расстреляно было 10 тысяч крестьян, а по неофициальным – 25 и больше»¹⁹⁹. Расстреливают сотнями крестьян в Валковском уезде Харьковской губ., – пишет корреспондент издававшегося в Москве нелегально л. с.-р. «Знамя Труда». В одном селе он насчитывает расстрелянных 140²⁰⁰. А вот описание борьбы с повстанческим движением в Белоруссии в 1921 г. Это также страницы из истории гражданской войны, возникшей исключительно на почве собирания продовольственных налогов. Противодействие вызывает жестокую отместку.

Так почти вся Лясковическая волость Бобруйского уезда сожжена большевиками дотла. Арестованных отправляют в Вологодскую губ. или в голодные места, имущество их конфискуется, берутся десятками заложники в округах, где появляются партизаны. В уезде оперирует карательный отряд некоего Стока – он пытается допрашиваемых, зажимая пальцы рук дверями и т. д.²⁰¹

Приведу еще один лишь документ, относящийся уже к подавлению восстания, возглавляемого Антоновым и вышедшего далеко за пределы Тамбовской губ. Документ издан от «полномочной комиссии В.Ц.И.К.» 11-го июня 1921 г.²⁰²

«1. Граждан, отказывающихся назвать свое имя, расстреливают на месте, без суда.

2. Селянам, у которых скрывается оружие, объявлять приговор о взятии заложников и расстреливать таковых, в случае несдачи оружия.

3. Семья, в доме которой укрылся бандит (т. е... восставший крестьянин) подлежит аресту и высылке из губернии, имущество

ее конфискуется, старший работник в этой семье расстреливается на месте без суда.

4. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать, как бандитские, и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда.

5. В случае бегства семьи бандита, имущество таковой распределять между верными советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать.

6. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно».

Кровью, действительно, оказались залитыми Тамбовская и соседние губернии. Не преувеличивая л. с.-р. Ган мог на суде перед Революционным Трибуналом сказать²⁰³: «Сотни крестьян расстреляны выездными сессиями ревтрибуналов и губчека; тысячи пали безоружными под пулеметами курсантов и красноармейцев и десятки тысяч сосланы в северные губернии с семьями, а имущество их сожжено и разграблено²⁰⁴. Подобные картины по имеющимся у партии л. с.-р. данным могут быть нарисованы по целому ряду губерний: Самарская, Казанская, Саратовская». И эти сведения идут отовсюду: в Бузулуке в 1920 г. расстреляны 4000 повстанцев, в Чистополе – 600²⁰⁵, в Елатье – 300, при чем эти «триста» должны были вырыть себе предварительно могилу²⁰⁶. Все это касается только центра или вернее Великороссии. А Украина? Сибирь?...

Практикуются и массовые фиктивные расстрелы с инсценировкой раздевания, рытья могил, традиционного «пли», выстрелов над головой – о чем рассказывает в своей книге С. С. Маслов²⁰⁷. Эту утонченность при подавлении «восстаний» надо особо подчеркнуть: ведь здесь действует власть, говорящая о великом будущем коммунизма и так часто живописующая зверства «белых». В Арской волости Казанского уезда – свидетельствует все тот же № 1 Бюллетеня лев. с.-р. – ставили подряд 30 крестьян и рубили головы шашками...

А порки? они производятся – утверждает орган лев. с.-р. – повсюду. «Секут розгами, шомполами, палками и нагайками»... «Бьют кулаками, прикладами, револьверами». И идет длинное

перечисление губерний, где зарегистрированы телесные наказания.

Официально можно говорить, что в России розги не применяются, ибо телесное наказание явление позорное там, где власть принадлежит «рабочим и крестьянам». В действительности иное. И. З. Штейнберг в своей книге²⁰⁸ собрал недурной букет сообщений о советских держимордах первоначального периода большевицкого властвования. Что особенно важно – эти сведения почерпнуты из самой большевицкой печати – «Правда» и «Известия». «Держиморды под Советским флагом» – так была озаглавлена даже статья в «Правде»²⁰⁹, повествующая о том, как Николаевская (Вологодской губ.) Ч.К. выколачивала «излишки» хлеба из населения и умиряла восстание «кулаков»: «Чрезвычайка запирала крестьян массами в холодный амбар, раздевала догола и избивала шомполами». В Вольском уезде Витебской губ. крестьян порют по постановлению Исполкома. В с. Урени Костромской губ. мужикам приходилось надевать по пяти и более рубашек для того, чтобы не ощущать порки, но и это мало помогало, так как плети были свиты из проволоки, и случалось, что после порки рубашки врезались в тело и засыхали, так что приходилось отмачивать их теплой водой».

«Ставили нас рядом – добавляет одно частное сообщение, цитированное Спиридоновой в письме к Ц.К. большевиков – целую одну треть волости шеренгой и в присутствии тех двух третей лупили кулаками справа налево, а лишь кто делал попытку улизнуть, того принимали в плети» (дело касается действий реквизиционного отряда).

В Ветлужском и Варнавинском уездах Костромской губ. начальство, приехав в деревню, «целиком ставило сход на колени, чтобы крестьяне почувствовали почтение к советской власти».

«Всыпьте им, пусть помнят советскую власть»...

Что же удивительного, если «под словом коммунист», как признает сама «Правда», «именуют всех хулиганов, лодырей и шарлатанов». «Над нами издеваются, как над бессмысленным скотом»... Чтобы понять террор в деревне, террор

реквизиционных отрядов, террор так называемых «комитетов деревенской бедноты» – хулиганов, сделавшихся вооруженными диктаторами, действительно надо вникнуть в современную бытовую обстановку.

«В старое время – говорят в Макарьеве – становые на мужиках ездили, а теперь коммунисты катаются». Это тоже из «Правды». Приезжает продовольственный отряд в одно село в Хвалынском уезде Саратовской губ. Собирает мужиков ночью, приказывает истопить баню и привести «самых красивых девушек молодых»... А вот приказ продовольственного комиссара комбеду: «объявите вашим гражданам, что я им даю сроку три дня свезти десять тысяч пудов хлеба... За неисполнение такового будут мною поголовно расстреливаться, ибо мною уже сегодня в ночь расстрелян один мерзавец в д. Варваринке. Уполномоченным (таким-то) дается право при неисполнении расстреливать, в особенности подлую волость такую то»²¹⁰.

Расстрел и порка – вот по истине символ «переходной эпохи» к социализму. Что тут говорить о «белых». Никто не перещеголяет большевиков в их кровавом угаре.

Найдем ли мы в жизни и в литературе описание, аналогичное тому, которое приводит Штейнберг о происшествии в Шацком уезде Тамбовской губ. Есть там почитаемая народом Вышинская икона Божьей Матери. В деревне свирепствовала испанка. Устроили молебствие и крестный ход, за что местной Ч.К. были арестованы священники и сама икона... Крестьяне узнали о глумлении, произведенном в Ч.К. над иконой: «плевали, шваркали по полу», и пошли «стеной выручать Божью Матерь». Шли бабы, старики, ребятишки. По ним Ч.К. открыла огонь из пулеметов. «Пулемет косит по рядам, а они идут, ничего не видят, по трупам, по раненым, лезут на пролом, глаза страшные, матери детей вперед; кричат: Матушка, Заступница, спаси, помилуй, все за тебя ляжем»...

Для того чтобы подвести итоги следовало бы сказать еще о массовых высылках крестьян, идущих вслед за расстрелами, контрибуциями, сожжением и конфискацией имущества при местных восстаниях.

Когда мы говорим об усмирениях, связанных с крестьянскими восстаниями; когда мы говорим о расстрелах рабочих в Перми²¹¹ или в Астрахани, ясно, что здесь уже не может идти речь о каком-то специфическом «классовом терроре» против буржуазии. И действительно, террор распространен был с первых дней своего существования на все классы без исключения и, может быть, главным образом на внеклассовую интеллигенцию.

Так и должно было быть. Задача террора – говорила передовая статья в № 1 «Еженедельника» В.Ч.К. – уничтожение идеологов и руководителей врагов «пролетариата» (читай: врагов советской власти). В приговорах Ч.К. и трибуналов говорилось иногда о снисхождении, которое делалось обвиняемому «принимая во внимание его пролетарское происхождение». Но на самом деле это было только вывеской, нужной в видах самой разнузданной демагогии. Конечно, на первых порах эта вывеска обманывала несознательные элементы страны, но скоро, кажется, все уже поняли реальную ценность этой демагогии.

Я думаю, что следователи типа «тов. Трунова», описываемого В. Красновым в его воспоминаниях²¹², были явлением в общем редким и, может быть, только на первых порах, когда интенсивно шла агитация против буржуазии, как таковой. Беседа этого следователя в селе Безопасном, Ставропольской губ. с арестованным сводилась к одной и той же стереотипной фразе: «Покажь руку! Раздеть!» «С узника срывали одежду, толкали к выходу, там подхватывали на штыки и выбрасывали тело в ямы, сохранившие название «чумного база» после чумной эпидемии на рогатом скоте». Примем во внимание, что застенки, где орудовал Трунов был только сельской тюрьмой, правда, в селе большом, – не ясно ли, что прием следователя действительно не более чем ничего не говорящая стереотипная фраза. К той же демагогической фразеологии следует отнести заявление некоего рабочего лефортовского района в Москве Мизикина, на которое впоследствии ссылалась «Правда». При обсуждении в Московском Совете вопроса о прерогативах Ч.К. и тезиса

Лациса о ненужности судебного следствия Мизикин заявил: «К чему даже и эти вопросы? (о происхождении, образовании, занятии и пр.). Я пройду к нему на кухню и загляну в горшок: если есть мясо – враг народа! К стенке!» Руководство в жизни этим «пролетарским» принципом означало бы в 1918 г. расстрел всей привилегированной партии коммунистов; «нетрудящийся да не ест»... и мясо в то время, пожалуй, преимущественно находилось в горшке «коммунистических» хозяйств и, быть может, спекулирующей «буржуазии».

Никто не поверит Лацису, что террор будто бы совсем не трогал «заблудшихся рабочих и крестьян», как никто не поверит Шкловскому, утверждавшему в № 3 «Еженедельника» Ч.К., что «не было ни одного случая, чтобы это угнетение было направлено против рабочего класса». Когда в Одессе В июле 1919 г. начались протесты против массовых расстрелов²¹³, местная губ. Ч.К. издала «приказ», гласивший, что контрреволюционеры распространяют «лживые провокационные слухи о расстреле рабочих»; президиум Ч.К. объявлял, что его не было расстреляно «ни одного рабочего, ни одного крестьянина» – и тут же делалась оговорка «за исключением явных бандитов и погромщиков». Всем желающим «товарищам-рабочим» предлагалось явиться за получением официальных справок о расстрелянных в Ч.К. Затем шли предупреждения: к лицам, уличенным в распространении лживых провокационных слухов, «будет применено самое суровое наказание, которое допускается существующими законами осадного положения». Едва ли кто пошел после этого за «справками»... Астраханские убийства были исключением только в силу своих небывалых еще размеров: напр. 60 представителей рабочих расстреляно в сентябре 1920 г. в Казани за требование только восьмичасового рабочего дня (!), пересмотра тарифных ставок, высылки свирепствовавших мадьяр и проч.²¹⁴. Справедливо говорило воззвание левых с.-р., обращенное в апреле 1919 года к рабочим, с предложением не участвовать в первомайских торжествах: «Коммунистическое правительство за время после октябрьской революции собственноручно расстреляло не одну тысячу трудовых крестьян, солдат, рабочих и моряков»²¹⁵.

«Тюрьма для буржуазии, товарищеское воздействие для рабочих и крестьян» – гласит надпись в одном официальном учреждении. Тот поистине страшный саратовский овраг, о котором мы уже говорили, одинаково был страшен, «как для буржуазии, так и для рабочих и крестьян, для интеллигенции и для всех политических партий, включая социалистов». Также и концентрационный лагерь в Харькове, где работал Саенко, и названный специально лагерем для «буржуев», был переполнен, – как свидетельствует один из заключенных в нем, – представителями всех сословий и в особенности крестьянами.

Кто определит, сколько пролито крови рабочих и крестьян в дни «красного террора»? Никто и, быть может, никогда. В своей картотеке, относящейся только к 1918 г., я пытался определить социальный состав расстрелянных... По тем немногим данным, которые можно было уловить, у меня получились такие основные рубрики, конечно, очень условные²¹⁶. Интеллигентов – 1286 человек; заложников (профессионал.)²¹⁷ – 1026; крестьян – 962; обывателей – 468; неизвестных – 450; преступных элементов (под бандитизм часто, однако, подводились дела, носящие политический характер) – 438; преступления по должности – 187. Слуг – 118; солдат и матросов – 28; буржуазии – 22; священников – 19.

Как ни произвольны все подобные группировки, они опровергают утверждения большевицких вождей и выбивают последний камень из того политического фундамента, который они пытаются подвести под террористическую систему (морального оправдания террору общественная совесть никогда не найдет). Скажем словами Каутского: «это братоубийство, совершаемое исключительно из желания власти». Так должно было быть по неизбежности. Так было и в период французской революции, как в свое время я указывал²¹⁸. Это положение, для меня неоспоримое, вызывает однако наибольшие сомнения. Я уверен, что в будущем мы получим еще много подтверждающих данных. Вот одна лишняя иллюстрация. Один из сидельцев тюрьмы Николаевской Ч.К. пишет в своих показаниях Деникинской комиссии (21-го авг. 1919 г.): «Особенно тяжело было положение рабочих и крестьян, не имевших возможности

откупиться: их расстреливали во много раз больше, чем интеллигенции». И в делопроизводстве этой комиссии имеется документ, цифрами иллюстрирующий этот тезис. В докладе представителей николаевского городского самоуправления, участвовавших в комиссии, имеется попытка подвести итоги зарегистрированным расстрелам. Комиссии удалось установить цифру в 115 расстрелянных; цифру явно уменьшенную – говорит комиссия – ибо далеко не все могилы были обнаружены: две могилы за полным разложением трупов оказались необследованными; не обследовано и дно реки. Вместе с тем Ч.К. опубликовывала далеко не все случаи расстрелов; нет сведений и о расстрелах дезертиров. Комиссия могла установить сведения о социальном составе погибших лишь в 73 случаях; она разбила полученные данные на такие три группы: 1) самая преследуемая группа (купцы, домовладельцы, военные, священники, полиция) – 25, из них 17 офицеров, 2) группа трудовой интеллигенции (инженеры, врачи, студенты) 15, 3) группа рабоче-крестьянская – 33.

Если взять мою рубрику 1918 г., то на группу так называемых «буржуев» придется отнести еще меньший процент²¹⁹.

В последующих этапах террора еще резче выступали эти факты. Тюрмы полны были рабочих, крестьян, интеллигенции. Ими пополняли и число расстреливаемых.

Можно было бы завести за последний год особую рубрику: «красный террор» против социалистов.

Только в целях демагогических можно было заявлять, что красный террор является ответом на белый террор, уничтожение «классовых врагов, замышляющих казни против рабочего и крестьянского пролетариата». Может быть, эти призывы, обращенные к красной армии, сделали на первых порах гражданскую войну столь жестокой, столь действительно зверской. Может быть, эта демагогия, сопряженная с ложью, развращала некоторые элементы. Власть обращалась к населению с призывом разить врага и доносить о нем. Правда, эти призывы и шпионажу сопровождались одновременно и соответствующими угрозами: «всякое недонесение – гласил

приказ²²⁰ председателя чрезвычайного Военно-Рев. Трибунала Донецкого Бассейна Пятакова – будет рассматриваться, как преступление, против революции направленное, и караться по всей строгости законов военно-революционного времени». Доношение является гражданским долгом и объявляется добродетелью. «Отныне мы все должны стать агентами Чека» – провозглашал Бухарин. «Нужно следить за каждым контрреволюционером на улицах, в домах, в публичных местах, на железных дорогах, в советских учреждениях, всегда и везде, ловить их, предавать в руки Чека» – писал «левый» коммунист Мясников²²¹, убийца вел. кн. Михаила Александровича, впоследствии сам попавший в опалу за свою оппозиционную против Ленина брошюру²²². «Если каждый из нас станет агентом чеки, если каждый трудящийся будет доносить революции на контрреволюцию, то мы свяжем последнюю по рукам и ногам, то мы усилим себя, обеспечим свою работу». Так должен поступать каждый честный гражданин, это его «святая обязанность».

Другими словами, вся коммунистическая партия должна сделаться политической полицией, вся Россия должна превратиться в одну сплошную Чека, где не может быть и намека на независимую и свободную мысль. Так, отделение Ч.К. на Александровской ж. д. в Москве предлагало, напр., объявить всем рабочим, что о всех собраниях они обязаны сообщать заранее в Отдел Чека, откуда будут присылаться представители для присутствия на собраниях, а по окончании собрания протокол должен быть немедленно доставлен в Ч.К.²²³

Эти призывы звали не только к доносительству, – они санкционировали самый ужасающий произвол. Если Киевский Рев. Трибунал²²⁴ призывал рабочих, красноармейцев и др. исполнять «великую» миссию и сообщать в следственный отдел трибунала (где бы вы ни были... в городе или в деревне, в нескольких шагах или за десятки верст – телеграфируйте или лично сообщите... немедленно следователи трибунала придут на место), то в том же Киеве 19-го июля 1919 г. губернский комитет обороны разрешает населению «арестовывать всех,

выступающих против советской власти, брать заложников из числа богатых и в случае контрреволюционного выступления расстреливать их; подвергать селения за сокрытие оружия военной блокаде до сдачи оружия; после срока, когда оружие сдается, безнаказанно, производить повальные обыски и расстреливать тех, у кого будет обнаружено оружие, налагать контрибуцию, выселять главарей и зачинщиков восстаний, конфисковывать их имущество в пользу бедноты»²²⁵.

Нередко можно было встретить в провинциальных советских газетах объявление по нижеследующему типу: «Костромская губернская Ч.К. объявляет, что каждый гражданин РСФСР обязан по обнаружении... гр. Смородинова, обвиняемого в злостном дезертирстве... расстрелять на месте». «Ты, коммунист, имеешь право убить какого угодно провокатора и саботажника, – писал «т. Ильин» во Владикавказе²²⁶ – если он в бою мешает тебе пройти по трупам к победе».

Один из южных ревкомов в 1918 г. выдал даже мандат на право «на жизнь и смерть контрреволюционера». Какие-то рабочие союзы и красногвардейцы в Астрахани в июне 1918 г. объявляли, что в случае выстрела по рабочим и красногвардейцам заложники буржуазии будут расстреляны «в 24 минуты».

Произвол Чеки

«Диких зверей просто убивают, но не мучают и не пытаются их».

Я. П. Полонский

Открывая широкий простор для произвола вовне, творцы «красного террора» безграничный произвол установили внутри самих чрезвычайных комиссий.

Если мы проглядим хотя бы официальные отметки, сопровождающие изредка опубликование списков расстрелянных, то перед нами откроется незабываемая картина человеческого произвола над жизнью себе подобных. Людей официально убивали, а иногда не знали за что, да, пожалуй, и кого: «расстреляли, а имя, отчество и фамилия не установлены»...

В своем интервью в «Новой Жизни» 8-го июня 1918 г. Дзержинский и Закс так охарактеризовали приемы деятельности чрезвычайных комиссий: «Напрасно нас обвиняют в анонимных убийствах, — комиссия состоит из 18 испытанных революционеров, представителей Ц.К. партии и представителей Ц.И.К.

Казнь возможна лишь по единогласному постановлению всех членов комиссии в полном составе. Достаточно одному высказаться против расстрела, и жизнь обвиняемого спасена.

Наша сила в том, что мы не знаем ни брата, ни свата, и к товарищам, уличенным в преступных деяниях, относимся с сугубой суровостью. Поэтому наша личная репутация должна быть вне подозрения.

Мы судим быстро. В большинстве случаев от поимки преступника до постановления проходят сутки или несколько суток, но это однако не значит, что приговоры наши не обоснованы. Конечно, и мы можем ошибаться, но до сих пор ошибок не было и тому доказательство — наши протоколы. Почти во всех случаях преступники, припертые к стене уликами, сознаются в преступлении, а какой же аргумент имеет больший вес, чем собственное признание обвиняемого».

На замечание интервьюировавшего сотрудника «Новой Жизни» о слухах относительно насилий, допускаемых при допросах, Закс заявил: «Все слухи и сведения о насилиях, применяемых будто бы при допросах, абсолютно ложны. Мы сами боремся с теми элементами в нашей среде, которые оказываются недостойными участия в работах комиссии».

Это интервью лживо от первого до последнего слова, оно лживо и по отношению к тому времени, о котором говорили оба тогдашних руководителя.

Цинизм в казни

18 человек в Ч.К. решают вопросы о смерти! Нет, решают двое-трое, а иногда и один. Смертный приговор имел право выносить фактически даже народный судья. По этому поводу между двумя подведомственными учреждениями в 1919 г. произошла даже своего рода коллизия. 20-го июня в киевских «Известиях» (№ 70) была опубликована следующая заметка:

«На запросы из уездов киевский губернский юридический отдел разъясняет, что народные суды ни в коем случае не могут выносить смертных приговоров. Смертная казнь, как нормальная мера наказания, не предусмотрена ни одним декретом и идет в разрез с социалистическим правосознанием. В данное же переходное время смертная казнь применяется революционными трибуналами и административными органами, исключительно, как орудие классовой борьбы».

Но через несколько дней мы могли прочесть уже почти противоположное: «В виду запросов с мест о возможности применения Народными судами смертной казни Верховный Судебный контроль разъяснил: что в настоящее время при наличии массовых попыток контрреволюции подорвать всякими способами Советскую власть, право применения смертных приговоров сохраняется и за Народными судами»²²⁷.

«Мы судим быстро»... Может быть, так бывало в дни массовых расстрелов, может быть, эта быстрота в вынесении приговоров отличительная черта производства Ч.К., но... бывает и другое. Длятся месяцы без допросов, годы тянется производство дел и заканчивается... все же расстрелом.

«Нас обвиняют в анонимных убийствах»... В действительности, как мы говорили, огромное большинство расстрелов вовсе не публикуется, хотя 5-го сентября 1918 г., в разгар террора в советской России, советом народных комиссаров было издано постановление о необходимости «опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры». Образчиком выполнения этого распоряжения могут служить публикации, появлявшиеся в

«специальном «Еженедельнике» Ч.К., т. е. в органе, задача которого состояла в руководил и объединении деятельности чрезвычайных комиссий. Мы найдем здесь поучительную иллюстрацию.

В № 6 этого «Еженедельника» (26-го октября) опубликован был через полтора месяца список расстрелянных за покушение с.-р. Каплан на Ленина. Было расстреляно несколько сот человек, фамилий опубликовано было лишь 90. Из этих 90 расстрелянных 67 фамилий опубликованы без имен и отчеств; 2 с заглавными буквами имен, 18 с обозначением приблизительного звания, например: Котомазов, бывший студент, Муратов – служащий в кооперативном учреждении, Разумовский – бывший полковник, и т. д. И только при 10 были обозначения, объясняющие причины расстрела: «явный контрреволюционер», «белогвардеец», «бывш. министр внутр. дел, контр-рев. Хвостов», «протоиерей Восторгов». И читатель сам должен был догадываться, что под «Маклаковым» расстрелян бывший министр внутренних дел. О последнем нетрудно было догадаться, но кто такие разные Жичковские, Ивановы, Зелинские – этого никто не знал, и, быть может, никогда не узнает.

Если так исполнялось распоряжение центральной власти центральным органом, то нетрудно себе представить, что делалось в глухой провинции, где террор подчас принимал исключительно зверский характер. Здесь сообщения (когда они были) о расстрелах были еще глуше: напр., расстреляно «39 видных помещиков (?), арестованных по делу контрреволюционного общества «Защита временного правительства» (Смоленская Обл. Ч.К.); «расстреляно 6 человек слуг самодержавия» (Павлопосадская Чека); публикуется несколько фамилий и затем делается прибавка: и еще «столько то» (Одесса).

Так было и позже, когда окончились «хаотические беспорядки», которые отмечал в В.Ч.К. никто иной, как известный чекист Мороз и в том же официальном органе (№ 6).

Убийства совершались в полном смысле слова анонимно. «Коллегия», выносящая приговор, даже никогда не видит в лицо

обреченного ею на казнь, никогда не слышит его объяснений. Мы же за малым исключением не знаем и имен убийц²²⁸, так как состав судей в Ч.К. не публикуется. Расстрелы без опубликования имен получают даже в Ч.К. технический термин: «расстреливать в глухую» (Одесса). Какое же моральное бесстыдство надо иметь, чтобы дать ответ, подобный тому, который дал Чичерин корреспонденту «Чикаго Трибюн» на вопрос его о числе расстрелянных «по приказу тайных трибуналов» и о судьбе семьи императора Николая II. Комиссар иностранных дел ответил: «Тайных трибуналов в России не существует. Что касается казненных по приказу Че-Ка, то число их было опубликовано» (!!!). Судьба дочерей царя – добавил Чичерин – мне неизвестна. Я читал в газетах (?) будто они находятся в Америке»...(!!)²²⁹

«Собственное признание обвиняемого»... Сколько раз даже я лично наблюдал факты такого рода признаний под влиянием утешений, угроз, под дулом револьвера! Сколько таких заявлений есть со стороны побывавших в стенах Ч.К.!

Все слухи о насилиях «абсолютно ложны»... Мы увидим, что скорее надо признать, что истязания и пытки, самые настоящие пытки, процветают в чрезвычайных комиссиях и не только где-нибудь в глухой провинции.

Да, человеческая жизнь мало стоит в советской России. Ярко это обрисовал уполномоченный Москвы в Кунгурской Ч.К. Гольдин: «Для расстрела нам не нужно доказательств, ни допросов, ни подозрений. Мы находим нужным и расстреливаем, вот и все»²³⁰. И это действительно все! Можно ли лучше охарактеризовать принцип деятельности чрезвычайных комиссий?

Проглядим однако некоторые мотивы расстрелов, насколько они официально или Официозно опубликованы в советской печати. Мы найдем нечто весьма показательное. Среди этих официальных квалификаций мы найдем такие точные наименования совершенного преступления: «тонкий, неуловимый контрреволюционер», «(жена) была в курсе дел мужа», «ряд сыновей и дочерей разных генералов» (Петроград).

Иногда и вина такая, что только удивляешься бесстыдству публикаторов: «крестьяне Горохов и др. за избиение военного комиссара», «торговец Рогов за агитацию в своей лавке против советов». Или просто «расстрелян в порядке красного террора». Немного говорят и такие квалификации: 20 «явных белогвардейцев» (Орел), «Зверев, врач, белогвардеец» (Вологда), 16 «кулаков» (Себеж), «бывший член кадетской партии» (Москва), «контрреволюционные убеждения» и т. д. Эти примеры можно было бы умножить по имеющимся у меня вырезкам из официальных советских газет.

Достаточно просмотреть хотя бы комплект «Еженедельника В.Ч.К.» (шесть номеров). Но вот одна публикация расстрелянных В.Ч.К. в Москве, волнующая по близости лиц, в ней перечисленных, по именам, известным всей образованной России: Н. Н. Щекин, А. Д. и А. С. Алферовы, А. А. Волков, А. И. и В. И. Астровы, Н. А. Огородников, К. К. Черносвитов, П. В. Герасимов, (расстрелян под фамилией Греков), С. А. Князьков и др. Их было перечислено 66 в извещении, которое появилось в московских газетах 23 сентября 1919 г. Наша общественная совесть никогда не найдет примирения с казнью хотя бы А. И. и В. И. Астровых, о которых в официальных публикациях сказано: «шпион Деникина» и затем добавлено: «У Астровых при обыске найдены: проект реорганизации по свержению советской власти судов, транспорта, продовольствия и записка (?) в добровольческую армию».

Морально не примирится она и с расстрелами по мотивам, выставленным в позднейшем таганцевском деле по отношению к Н. И. Лазаревскому, кн. Ухтомскому и др. За что расстреляли этих людей? В официальной публикации (1-го сентября) о Н. И. Лазаревском сказано: «по убеждениям сторонник демократического строя», «к моменту свержения советской власти подготовлял проекты по целому ряду вопросов, как-то: а) формы местного самоуправления в России, б) о судьбе разного рода бумажных денег (русских), в) о форме восстановления кредита в России»; о скульпторе С. А. Ухтомском: доставлял организации для передачи за

границу сведения о музейном (?!) деле и доклад о том же для напечатания в белой прессе». Тогда же был расстрелян и поэт Гумилев.

В публикации о деле Н. Н. Щепкина сказано: «Якубовская Мария Александровна, к. д., учительница, находилась в связи с агентом Колчака» – ее реальная вина была только в том, что она попала в засаду на частной квартире. Киевские «Известия» 29-го авг. 1919 г., почти накануне изгнания большевиков из Киева, опубликовали список в 127 расстрелянных «в порядке красного террора» в ответ «на массовые расстрелы рабочих и коммунистов в местностях, захваченных Деникиным и Петлюрой». Кто были эти расстрелянные в огромном большинстве случаев мы не знаем. Опубликовывались только фамилии, и надо было верить, что «Синюк Иван Панталеймонович», «Смирнов Владимир Васильевич», «Сербин Митрофан Александрович», «Серебряков Александр Андреевич» и т. д. все это «заклятые враги рабочих и беднейших крестьян».

Приведу еще несколько примеров из зарубежной прессы, заимствовавшей их из советских газет юга России. Они аналогичны тем, которые отмечены для центра. Возьмем хотя бы Одессу: – мировой судья Никифоров, служивший сторожем на заводе одесского О-ва Парох. и Торговли, расстрелян за то, что, «уклоняясь от мобилизации и отказываясь работать на благо советской России, поступил на завод для шпионажа и агитации среди несознательного пролетариата»; старушка Сигизмундова, получившая письмо из Варны от сына офицера, расстреляна «за сношения с агентом Антанты и ее приспешника Врангеля»²³¹. В Одессе в 1919 г. ген. Баранов в порядке «красного террора» расстрелян за то, что сфотографировал памятник Екатерины II, стоявший на площади против Ч.К.²³².

Мы уже видели, что даже трибуналы расстреливали за пьянство, незначительные хищения. В действительности расстреливали за найденный при обыске офицерские пуговицы, «за преступное получение трупа сына». Среди расстрелянных найдем мясника с Миусской площади, осмелившегося публично обругать чучелами памятники Марксу и Энгельсу в Москве...

Кронштадтских врачей расстреляли за «популярность среди рабочих». Что удивляться, если Иваново-Вознесенские коммунисты официально грозили расстрелом даже за несдачу (или только за незарегистрирование!) швейных машинок²³³, а владикавказский комендант Митяев обещал «стереть с лица земли» всех, виновных в продаже спиртных напитков. Бакинский комиссар почт и телеграфа в официальном приказе грозил расстрелом в 24 часа телеграфисткам, несвоевременно отвечающим на сигналы или отвечающим грубо²³⁴.

В.Ч.К. ведутся протоколы постановлений о расстрелах. Но неужели недостаточными считает Дзержинский такие протоколы, какие велись, напр. в 1919 году в столичном граде Киеве? Мы опубликовали в № 4 «На чужой стороне» образцы этих по истине изумительных протоколов Киевской Губернской Чрезвычайной Комиссии и Всеукраинской, во главе которой стоял Лацис, истинный творец и осуществитель красного террора на Украине. Протоколы эти с подлинными подписями и печатями, сохранившиеся в архиве Деникинской комиссии, заслуживают быть сфотографированными. В одно заседание Губернская Ч.К. ухитрялась рассмотреть 59 дел. О, смертные приговоры выносились легко! 19 мая 1919 г. Комиссия, помимо всякого рода очередных и хозяйственных дел, рассмотрела 40 личных дел и вынесла 25 смертных приговоров. Приговоры по протоколу чрезвычайно обоснованы – нигде даже не указано вины: Рудаков Петр Георгиевич; Вашин Иван Алексеевич; Рыжковский Викентий Романович и т. д. «применить высшую меру наказания и наличные деньги конфисковать». Мы указывали там же²³⁵ до какого цинизма доходила Всеукраинская Ч.К. и в виде образца приводили журнал ее заседания, где имеется подпись Лациса и нет даже даты, а между тем какой-то несчастный Евгений Токовлодов за контрреволюционные деяния был приговорен к расстрелу с исполнением этого приговора в 24 часа... Мы указывали и на действительно ужасающую простоту в документах, относящихся к расстрелу в Харьковской Ч.К. Здесь чекисты Португейс и Фельдман расстреливали в 1919 г. уже без всяких протоколов: просто-напросто делали чернильным карандашом лаконические и

крайне небрежные надписи: «Баеву, как неисправимую преступницу, расстрелять»²³⁶.

Очевидно на языке чекистов, презревших старую мораль, как буржуазный предрассудок, описанное относится к категории того, что в Одессе называлось «придать делу юридическую форму» и кончить «в духе расстрела». Такие предписания – утверждает допрашиваемый Деникинской комиссией следователь Одесской Ч.К., бывший студент новороссийского университета Сигал – постоянно шли от секретаря комиссии. Или предписывалось: повести дело так, чтобы 15 человек «приставить к стенке».

При неряшливом отношении к человеческой жизни расстреливали однофамильцев – иногда по ошибке, иногда именно для того, чтобы не было ошибки. Напр., известен случай, когда в Одессе расстреляли трех врачей Волкова, Власова и Воробьева²³⁷. В Одессе расстрелян некто Озеров. Следователь обнаруживает ошибочность и – расстреливается тот Озеров, который подлежал действительному расстрелу²³⁸. Такой же случай зарегистрирован Авербухом в книге «Одесская чрезвычайка».

Получен был донос о контрреволюционной деятельности некоего Арона Хусида, без точного указания его местожительства. В тот же день, согласно справкам адресного стола по предписанию следователя Сигала арестовано было 11 человек, носящих фамилии Хусид. И после двухнедельного следствия над ними и различных пыток, несмотря на то, что обвинялось одно лицо, казнено было 2 однофамильца Хусид, так как следствие не могло точно установить, кто настоящий контрреволюционер. Таким образом второй казнен был так себе, на всякий случай...

Авторитетный свидетель, которого нельзя заподозрить в сознательном искажении действительности, утверждает, что в Одессе был расстрелян тов. прокурора Н. С. Баранов вместо офицера с таким же именем; этот свидетель присутствовал в камере, когда требовали на расстрел: «Выводцев Алексей»; был в камере другой Выводцев К. М., получился ответ: «Имя неважно, а нужен именно этот Выводцев». Один из

интеллигентных свидетелей Деникинской комиссии, агроном, говорит о том, как в той же Одессе расстрелян был крестьянин Яков Хромой из деревни Явкино – его смешали с крестьянином той же деревни Яковом, кривым на ногу.

Сколько людей бывало в таком же положении и, быть может, случайно спасалось в самый последний момент. Немало почти аналогичных фактов я лично знаю из деятельности московских розыскных органов. Свои личные наблюдения я в значительной степени оставляю пока в стороне – они войдут в готовящиеся к печати воспоминания. Такие факты имеются и в «Белой книге», и в сборнике Че-Ка.

О расстрелах однофамильцев в Киеве рассказывает и Нилостонский (стр.17)²³⁹.

Сколько случаев расстрела по ошибке! Появляется даже особая категория «ошибочников» на жаргоне чекистов. В Москве в 1918 г. была открыта какая-то офицерская организация «левшинцев». После этого арестованы были все офицеры, жившие в Левшинском переулке. Они сидели в Бутырской тюрьме с арестованными по делу Локкарта. Из 28 сидевших остались в живых только шесть. В провинции было еще хуже. Вот выписка из документа: «в г. Бронницах (под Москвой) комиссарами расстреливались прямо все, чья физиономия им не нравилась. Исполком Совдепа на самом деле не заседал даже, а кто-нибудь из его членов говорил: «мы постановили» и тут уже ничего сделать было нельзя». Брали двух конвойных, арестованного, давали ему лопату и вели во двор Бронницкого манежа, там заставляли рыть себе могилу, затем расстреливали и «закапывали».

Стоит ли вновь удивляться всему этому, если сам Лацис в своих статьях свидетельствует, что расстрел применялся на всякий случай – в целях воздействия на обывателей: «произвести должный эффект», «отбить всякую охоту саботировать и заговоры устраивать». В Ярославле заложников расстреливают вперед, так как готовится «кулацкое восстание».

«Большевики утверждали, что для предотвращения заранее всяких контрреволюционных движений в городе

(Екатеринбург) надо было таким способом терроризировать население» – пишет Эльстон Керзону 11-го февраля 1919 г.²⁴⁰

Самое все-таки неприемлемое остается расстрел заложников из членов семьи; нельзя морально примириться с сообщением, что в Елисаветграде (май 1920 г.) расстреляна семья из 4 девочек 3–7 лет и старухи матери 69 лет за сына офицера...

Почему «контрреволюционер» расстреливался в то или иное время? Это также непонятно. Царские министры расстреливались осенью 1918 г. Был когда-то царским министром внутренних дел Булыгин. Он остался жив в 1918 г., но его почему-то Чека судила 5-го сентября 1919 г. Судили за реакционную политику в 1905 г. Постановлено: «гр. Булыгина расстрелять, имущество, принадлежащее гр. Булыгину, конфисковать и передать в распоряжение исполкома для передачи рабочим государственного завода»²⁴¹. Не такие ли протоколы Дзержинский считал обоснованными в своем интервью?

Истязания и пытки

Если вспомнить все уже сказанное, едва ли явится сомнение в том, что в застенках чрезвычайных комиссий не только могли, но и должны были существовать пытки в полном смысле этого слова. Едва ли было хоть какое-нибудь преувеличение в обращении к общественному мнению Европы Исполнительного Комитета членов бывшего Учредительного Собрания в Париже (27-го октября 1921 г.), протестовавшего против вакханалии политических убийств в России и применения насилия и пыток. Трудно бывает иногда даже разграничить пытку моральную от пытки физической, ибо то и другое подчас сплетается. В сущности длительной своего рода пыткой являются сами по себе условия содержания в большевицкой тюрьме.

Все, что мы знаем о старых русских тюрьмах, о «русской Бастилии», как звалась обычно, напр., Шлиссельбургская крепость – место заключения важных политических преступников – все это бледнеет перед тюрьмами и режимом, установленным коммунистической властью в некоторых местах заключения. Разве не пыткой почти физической является содержание в таких тюрьмах, иногда месяцами без допроса, без предъявления обвинения, под постоянной угрозой расстрела, которая в конце концов и осуществляется. Возрождением пыток назвал П. А. Кропоткин в таких условиях институт заложников. Но этими заложниками фактически являлись и являются все вообще заключенные в тюрьмах.

Когда я был в заключении в Бутырской тюрьме, я встретился здесь с московским доктором Мудровым. Я не знаю, в чем он обвинялся. Но, очевидно, никаких значительных реальных обвинений ему не было предъявлено. Он был переведен из тюрьмы Чека в общую тюрьму и здесь находился уже несколько месяцев. Он обжился как бы в тюрьме, и тюремная администрация с разрешения следователя при отсутствии необходимого в тюрьме медицинского персонала привлекла Мудрова к выполнению обязанностей тюремного

врача. В тюрьме была тифозная эпидемия, и доктор Мудров самоотверженно работал, как врач. Его больше не вызывали на допросы. Можно было думать, что дело его будет ликвидировано, во всяком случае, ясно было, что прошла уже его острота. Однажды, во время исполнения Мудровым своих врачебных обязанностей, его вызвали на допрос в Чека. Он оттуда не вернулся, и мы узнали через несколько дней, что он расстрелян. Казалось, не было повода для такой бессмысленной жестокости. За что расстрелян был доктор Мудров – этого так никто и не узнал. В официальной публикации о нем 17-го октября в «Известиях» было сказано лишь то, что он «бывший член кадетской партии».

Я помню другую встречу, быть может, произведшую на меня еще большее впечатление. Это было уже летом 1922 г. Я был арестован в качестве свидетеля по делу социалистов-революционеров. Однажды меня вызвали из камеры на суд.

Вели меня с каким-то пожилым изнуренным человеком. По дороге мне удалось перекинуться с ним двумя-тремя словами. Оказалось, что это был полковник Перхуров, участник восстания против большевиков, организованного Савинковым в Ярославле в 1918 г. Перхуров сидел в тюрьме Особого Отдела В.Ч.К., – полуголодный, без книг, без свиданий, без прогулок, которые запрещены в этой якобы следственной тюрьме. Забыли ли его, или только придерживали на всякий случай – не знаю. Вели его на суд также, как свидетеля, но... на суде он превратился вновь в обвиняемого. Его перевели в Ярославль и там через месяц, как прочел я в официальных газетных извещениях, он был расстрелян. Один офицер просидел полтора года в этой ужасной по обстановке тюрьме Особого Отдела и, быть может, еженощно ждал своего расстрела.

Я взял лишь два примера, которые прошли перед моими глазами. А таких сотни! И, если это совершалось в центре и в дни, когда анархия начала большевицкого властвования сменилась уже определенно установленным порядком, то что же делалось где-нибудь в отдаленной провинции? Тут произвол царил в ужасающих формах. Жить годами в ожидании расстрела – это уже физическая пытка. Такой же пыткой

является и фиктивный расстрел, столь часто и повсеместно применяемый следователями Ч.К. в целях воздействия и получения показаний. Много таких рассказов зарегистрировал я в течение своего пребывания в Бутырской тюрьме. У меня не было основания не верить этим повествованиям о вынесенных переживаниях – так непосредственны были эти впечатления. Такой пытке подверглись, напр., некоторые подсудимые в деле петербургских кооператоров, рассматривавшемся осенью 1920 г. в Москве в Верховно-Революционном Трибунале. Следствие шло в Петербурге. Одного из подсудимых несколько раз водили ночью на расстрел, заставляли раздеваться до гола на морозе, присутствовать при реальном расстреле других – и в последний момент его вновь уводили в камеру для того, чтобы через несколько дней вновь прорепетировать с ним эту кошмарную сцену. Люди теряли самообладание и готовы были все подтвердить, даже несуществовавшее, лишь бы не подвергаться пережитому. Присужденный к расстрелу по делу Локкарта американец Калматьяно в Бутырской тюрьме рассказывал мне и В. А. Мякотину, как его, и его сопроцессника Фриде, дважды водили на расстрел, объявляя при этом, что ведут на расстрел. Калматьяно осужден был в 1918 г., и только 10-го мая 1920 г. ему сообщали, что приговор отменен. Все это время он оставался под угрозой расстрела.

Находившаяся одновременно со мной в тюрьме русская писательница О. Е. Колбасина в своих воспоминаниях передает о таких же переживаниях, рассказанных ей одной из заключенных²⁴². Это было в Москве, во Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, т. е. в самом центре. Обвиняли одну женщину в том, что она какого-то офицера спасла, дав взятку в 100 тыс. рублей. Передаем ее рассказ так, как он занесен в воспоминания Колбасиной. На расстрел водили в подвал. Здесь «несколько трупов лежало в нижнем белье. Сколько, не помню. Женщину одну хорошо видела и мужчину в носках. Оба лежали ничком. Стреляют в затылок... Ноги скользят по крови... Я не хотела раздеваться – пусть сами берут, что хотят²⁴³. «Раздевайся!» – гипноз какой-то. Руки сами собой машинально поднимаются, как автомат расстегиваешься... сняла шубу.

Платье начала расстегивать... И слышу голос, как будто бы издалека – как сквозь вату: «на колени». Меня толкнули на трупы. Кучкой они лежали. И один шевелится еще и хрипит. И вдруг опять кто-то кричит слабо-слабо, издалека откуда-то: «вставай живее» – и кто-то рванул меня за руку. Передо мной стоял Романовский (известный следователь) и улыбался. Вы знаете его лицо – гнусное и хитрую злорадную улыбку.

«Что, Екатерина Петровна (он всегда по отчеству называет) испугались немного? Маленькая встряска нервов? Это ничего. Теперь будете сговорчивее. Правда?» Пытка то или нет, когда мужа расстреливают в присутствии жены?

Такой факт рассказывает в своих одесских воспоминаниях Н. Давыдова²⁴⁴. «Узнали сегодня, что... баронесса Т-ген не была расстреляна. Убит только муж и несколько человек с ним. Ей велено было стоять и смотреть, ждать очереди. Когда все были расстреляны, ей объявили помилование. Велели убрать помещение, отмыть кровь. Говорят, у нее волосы побелели». В сборнике Че-Ка зарегистрировано не мало аналогичных эпизодов. Все это свидетельства как бы из первоисточника. Вот все тот же Саратовский овраг куда сбрасываются трупы жертв местной Чека. Здесь на протяжении 40 – 50 саженей сотнями навалены трупы. На этот овраг в октябре 1919 г. ведут двух молодых женщин и «у раздетых под угрозой револьверов над зияющей пропастью» требуют сказать, где один из их родственников. Тот, кто рассказывает это, видел двух совершенно седых молодых женщин.

«Хоть и редко, но все-таки, часть несчастных, подвергавшихся физическим и нравственным мукам оставалась жива и своими изуродованными членами и седыми, совершенно седыми не от старости, а от страха и мучений волосами лучше всяких слов свидетельствовала о перенесенном. Еще реже, но и это бывало – узнавали о последних муках перед расстрелом и сообщали те, кому удалось избежать смерти.

Так узнали об ужасной пытке над членом Учредительного Собрания Иваном Ивановичем Котовым, которого вытащили на расстрел из трюма барки с переломанной рукой и ногой, с выбитым глазом (расстрелян в 1918 г.)»²⁴⁵.

А вот Екатеринодарская Чека, где в 1920 г. в ходу те же методы воздействия. Доктора Шестякова везут в автомобиле за город на реку Кубань.

Заставляют рыть могилу, идут приготовления к расстрелу и... дается залп холостых выстрелов. То же проделывается несколько раз с неким Корвин-Пиотровским после жестокого избиения. Хуже – ему объявляют, что арестована его жена и десятилетняя дочь. И ночью проделывают перед глазами отца фальшивую инсценировку их расстрела.

Автор статьи в «Че-Ка» дает яркую картину истязаний и пыток в екатеринодарской Ч.К. и в других кубанских застенках.

«Пытки совершаются путем физического и психического воздействия. В Екатеринодаре пытки производятся следующим образом: жертва растягивается на полу застенка. Двое дюжих чекистов тянут за голову, двое за плечи, растягивая таким путем мускулы шеи, по которой в это время пятый чекист бьет тупым железным орудием, чаще всего рукояткой нагана или браунинга. Шея вздувается, изо рта и носа идет кровь. Жертва терпит невероятные страдания...

В одиночке тюрьмы истязали учительницу Домбровскую, вина которой заключалась в том, что у нее при обыске нашли чемодан с офицерскими вещами, оставленными случайно проезжавшим еще при Деникине ее родственником офицером. В этой вине Домбровская чистосердечно созналась, но чекисты имели донос о сокрытии Домбровской золотых вещей, полученных ею от родственника, какого-то генерала. Этого было достаточно, чтобы подвергнуть ее пытке. Предварительно она была изнасилована и над нею глумились. Изнасилование происходило по старшинству чина. Первым насиловал чекист Фридман, затем остальные. После этого подвергли пытке, допытываясь от нее признания, где спрятано золото. Сначала у голый надрезали ножом тело, затем железными щипцами, плоскозубцами, отдавливали конечности пальцев. Терпя невероятные муки, обливаясь кровью, несчастная указала какое-то место в сарае дома № 28, по Медведевской улице, где она и жила. В 9 часов вечера 6-го ноября она была расстреляна, а часом позже в эту же ночь в указанном ею доме производился

чекистами тщательный обыск, и, кажется, действительно, нашли золотой браслет и несколько золотых колец.

В станице Кавказской при пытке пользуются железной перчаткой. Это массивный кусок железа, надеваемый на правую руку, со вставленными в него мелкими гвоздями. «При ударе, кроме сильнейшей боли от массива железа, жертва терпит невероятные мучения от неглубоких ран, оставляемых в теле гвоздями и скоро покрывающихся гноем. Такой пытке, в числе прочих, подвергся гражданин Ион Ефремович Лелявин, от которого чекисты выпытывали будто бы спрятанные им золотые и николаевские деньги. В Армавире при пытке употребляется венчик. Это простой ременный пояс с гайкой и винтом на концах. Ремнем перепоясывается лобная и затылочная часть головы, гайка и винт завинчиваются, ремень сдавливает голову, причиняя ужасные физические страдания»²⁴⁶. В Пятигорске заведующий оперативным Отделом Ч.К. Рикман «порет» допрашиваемых резиновыми плетями: дается от 10–20 ударов. Он же присудил нескольких сестер милосердия к наказанию в 15 плетей за оказание помощи раненым казакам²⁴⁷. В этой же Ч.К. втыкали шпильки под ногти – «система допросов при помощи кулаков, плетей, шомполов» здесь общепринята. Ряд свидетелей удостоверяют о жестоком избиении при допросе адмирала Мязговского в Николаеве (1919 г.). В «Общем Деле»²⁴⁸ приводятся показания мещанина г. Луганска, как пытали его: здесь и поливание голого ледяной водой, отворачивание плоскозубцами ногтей, поддевание иглами, резанье бритвой и т. д. В Симферополе – рассказывает корреспондент той же газеты²⁴⁹ – в Ч.К. «применяют новый вид пытки, устраивая клизмы из битого стекла и ставя горящие свечи под половые органы». В Царицыне имели обыкновение ставить пытаемого на раскаленную сковороду²⁵⁰, там же применяли железные прутья, резину с металлическим наконечником, «вывертывали руки», «ломали кости».

Пыткам в Одессе посвящена специальная глава в книге Авербуха. Кандалы, арест в темном карцере, телесное наказание розгами и палками; пытки в виде сжимания рук клещами, подвешивания и пр. – все существовало в одесской

Ч.К. Среди орудий сечения встречаем и «палки толщиной в сантиметр» и «сплетенную из ремней плетъ» и пр. По материалам Деникинской Комиссии можно пополнить картину, нарисованную Авербухом. Вот фиктивный расстрел: кладут в ящик, в котором уже лежит убитый, и стреляют. Пожгли даже ухо и уводят, может быть, только до следующего раза; другого заставляют рыть себе могилу в том же погребке, где он сидит – это «камера смертников», есть даже такая надпись: здесь уже зарыто 27 трупов... но все это только прием устрашения; к третьему каждую ночь является палач: «выходи», и на дворе: «веди обратно – пусть еще эту ночь протянет»... В Одессе сотрудники Ч.К. несколько раз в день посещали камеры и издевались над заключенными: «вас сегодня разменяют»²⁵¹. В Москве в период ликвидации Ч.К. крупного политического дела в 1919 г. в камеры заключенных была посажена вооруженная стража; в камеры постоянно являлись коммунистки, заявлявшие страже: это шпионы, при попытке к бегству вы можете их убить.

В Пензе председательницей Чека была женщина Бош, зверствовавшая так в 1918 г., что была даже отозвана центром. В Вологде председатель Ч.К. двадцатилетний юноша любил такой прием (и не в 1918 г. а уже в 20 г.). Он садился на стул у берега реки; приносили мешки; выводили из Ч.К. допрашиваемых, сажали их в мешки и опускали в прорубь. Он признан был в Москве ненормальным, когда слух о его поведении дошел до центра. Знаю об нем от достаточно авторитетного свидетеля.

В Тюмени также «пытки и порка» резиной²⁵². В уральской Ч.К. – как свидетельствует в своем докладе упомянутая уже Фрумкина – допрашивают так: «Медера привели в сарай, поставили на колени к стене и стреляли то справа, то слева. Гольдин (следователь) говорил: «если не выдадите сына, мы вас не расстреляем, а предварительно переломаем вам руки и ноги, а потом прикончим». (Этот несчастный Медер на другой день был расстрелян.) В Новочеркасской тюрьме следователь, всунув в рот дула двух наганов, мушками цеплявшихся за зубы, выдергивал их вместе с десной²⁵³.

Об этих застенках Ч.К. собраны огромные материалы «Особой Комиссией» ген. Деникина. пыткой или нет является та форма казни, которая, как мы уже говорили, была применена в Пятигорске по отношению ген. Рузского и других? «Палачи приказывали своим жертвам становиться на колени и вытягивать шеи. Вслед за этим наносились удары шашками. Среди палачей были неумелые, которые не могли нанести смертельного удара с одного взмаха, и тогда заложника ударяли раз по пяти, а то и больше». Рузского рубил «кинжалом» сам Атарбеков – руководитель Ч.К. Другим «рубили сначала руки и ноги, а потом уже головы»²⁵⁴.

Приведем описание подвигов коменданта Харьковской Ч.К. Саенко, получившего особенно громкую известность при занятии и эвакуации Харькова большевиками в 1919 г. В руки этого садиста и маньяка были отданы сотни людей. Один из свидетелей рассказывает, что, войдя в камеру (при аресте), он обратил внимание на перепуганный вид заключенных. На вопрос: «что случилось?» получился ответ: «Был Саенко и увел двух на допрос, Сычева и Белочкина, и обещал зайти вечером, чтобы «подбрить» некоторых заключенных». Прошло несколько минут, распахнулась дверь и вошел молодой человек, лет 19, по фамилии Сычев, поддерживаемый двумя красногвардейцами. Это была тень, а не человек. На вопрос: «что с вами?» короткий ответ: «меня допрашивал Саенко». Правый глаз Сычева был оплошным кровоподтеком, на правой скуловой кости огромная ссадина, причиненная рукояткой нагана. Недоставало 4 передних зубов, на шее кровоподтеки, на левой лопатке зияла рана с рваными краями; всех кровоподтеков и ссадин на спине было 37». Саенко допрашивал их уже пятый день. Белочкин с допроса был свезен в больницу, где и умер. Излюбленный способ Саенко: он вонзал кинжал на сантиметр в тело допрашиваемого и затем поворачивал его в ране. Все истязания Саенко производил в кабинете следователя «особого отдела», на глазах Якимовича, его помощников и следователя Любарского».

Дальше тот же очевидец рассказывает о казни нескольких заключенных, учиненной Саенко в тот же вечер. Пьяный или

накокаиненный Саенко явился в 9 час. вечера в камеру в сопровождении австрийского штабс-капитана Клочковского, «он приказал Пшеничному, Овчеренко и Белоусову выйти во двор, там раздел их до нага и начал с товарищем Клочковским рубить и колоть их кинжалами, нанося удары сначала в нижние части тела и постепенно поднимаясь все выше и выше. Окончив казнь, Саенко возвратился в камеру весь окровавленный со словами: «Видите эту кровь? То же получит каждый, кто пойдет против меня и рабоче-крестьянской партии». Затем палач потащил во двор избитого утром Сычева, чтобы тот посмотрел на еще живого Пшеничного, здесь выстрелом из револьвера добил последнего, а Сычева, ударив несколько раз ножнами шашки, втолкнул обратно в камеру».

Что испытывали заключенные в подвалах чрезвычайки, говорят надписи на подвальных стенах. Вот некоторые из них: «четыре дня избивали до потери сознания и дали подписать готовый протокол; и подписал, не мог перенести больше мучений». «Перенес около 800 шомполов и был похож на какой-то кусок мяса... расстрелян 26-го марта в 7 час. вечера на 23 году жизни». «Комната испытаний». «Входящий сюда, оставь надежды».

Живые свидетели подтвердили ужасы этой «комнаты испытаний». Допрос, по описанию этих вышедших из чрезвычайки людей, производился ночью и неизменно сопровождался угрозами расстрела и жестоких побоев, с целью заставить допрашиваемого сознаться в измышленном агентами преступлении. Признание своей вины вымогалось при неуспешности угроз битьем шомполами до потери сознания. Следователи Мирошниченко, бывший парикмахер, и Иесель Манькин, 18-летний юноша, были особенно настойчивы. Первый под дулом револьвера заставил прислугу Канишеву «признать себя виновной в укрывательстве офицеров», второй, направив браунинг на допрашиваемого, говорил: «от правильного ответа зависит ваша жизнь». Ко всем ужасам с начала апреля «присоединились еще новые душевные пытки»: «казни начали приводить в исполнение почти что на глазах узников; в камеры явственно доносились выстрелы из надворного чулана-кухни,

обращенного в место казни и истязаний. При осмотре 16 июня этого чулана, в нем найдены были две пудовые гири и отрез резинового пожарного рукава в аршин длиною с обмоткою на одном конце в виде рукоятки. Гири и отрез служили для мучения намеченных чрезвычайкою жертв. Пол чулана оказался покрытым соломой, густо пропитанною кровью казненных здесь; стены против двери испещрены пулевыми выбоинами, окруженными брызгами крови, прилипшими частичками мозга и обрывками черепной кожи с волосами; такими же брызгами покрыт пол чулана».

Вскрытие трупов, извлеченных из могил саенковских жертв в концентрационном лагере в числе 107 обнаружило страшные жестокости: побои, переломы ребер, перебития голени, снесенные черепа, отсеченные кисти и ступни, отрубленные пальцы, отрубленные головы, держащиеся только на остатках кожи, прижигание раскаленным предметом, на спине выжженные полосы, и т. д. и т. д. «В первом извлеченном трупе был опознан корнет 6-го Гусарского полка Жабокритский. Ему при жизни были причинены жестокие побои, сопровождавшиеся переломами ребер; кроме того в 13 местах на передней части тела произвели прижигание раскаленным круглым предметом и на спине выжгли целую полосу». Дальше: «У одного голова оказалась сплющена в плоский круг, толщиной в 1 сантиметр; произведено это сплющение одновременным и громадным давлением плоских предметов с двух сторон». Там же: «Неизвестной женщине было причинено семь колотых и огнестрельных ран, брошена она была живою в могилу и засыпана землею».

Обнаружены трупы облитых горячей жидкостью – с ожогами живота и спины, зарубленных шашками, но не сразу: «казнимому умышленно наносились сначала удары несмертельные с исключительной целью мучительства»²⁵⁵. И где трупы не отыскивались бы в более или менее потаенных местах, везде они носили такой же внешний облик. Будь то в Одессе, Николаеве, Царицыне. Пусть черепа трупов, извлеченных из каменоломен в Одессе, и могли быть разбиты от бросания в ямы; пусть многие внешние признаки истязаний

произошли от времени пребывания тел в земле; пусть люди, исследовавшие трупы, в том числе врачи, не умели разобраться в посмертных изменениях и потому «принимали мацерации за ожоги, а разбухшие от гниения половые органы за прижизненные повреждения» – и тем не менее многочисленные свидетельства и многочисленные фотографии (несколько десятков), лежащие перед нашими глазами, показывают наглядно, что естественным путем эти трупы не могли приобрести тот внешний облик, который обнаружился при их расследовании. Пусть рассказы о физических пытках типа испанской инквизиции будут всегда и везде преувеличены – нашему сознанию не будет легче от того, что русские пытки двадцатого века менее жестоки, менее бесчеловечны.

С некоторым моральным облегчением мы должны подчеркнуть, что все без исключения рабочие анатомического театра в Одессе, куда нередко привозили трупы расстрелянных из Ч.К., свидетельствуют об отсутствии каких-либо внешних признаков истязаний. Но сам по себе этот факт ничего не говорит о невозможности истязаний. Пытали, конечно, относительно немногих, и вряд ли трупы этих немногих могли попасть в анатомический театр.

Многое рассказанное свидетелями в показаниях, данных Деникинской Комиссии, подтверждается из источников как бы из другого лагеря, лагеря враждебной белой армии. Возьмем хотя бы Харьков и подвиги Саенко. Левый соц.-рев., заключенный в то время в тюрьму, рассказывает²⁵⁶: «По мере приближения Деникина, все больше увеличивалась кровожадная истерика чрезвычайки. Она в это время выдвинула своего героя. Этим героем был знаменитый в Харькове комендант чрезвычайки Саенко. Он был, в сущности мелкой сошкой – комендантом Чека, но в эти дни паники жизнь заключенных в Ч.К. и в тюрьме находилась почти исключительно в его власти. Каждый день к вечеру приезжал к тюрьме его автомобиль, каждый день хватали несколько человек и увозили. Обыкновенно всех приговоренных Саенко расстреливал собственноручно. Одного, лежавшего в тифу приговоренного, он застрелил на тюремном дворе. Маленького роста, с блестящими белками и

подергивающимся лицом маньяка бегал Саенко по тюрьме с маузером со взведенным курком в дрожащей руке. Раньше он приезжал за приговоренными. В последние два дня он сам выбирал свои жертвы среди арестованных, прогоняя их по двору своей шашкой, ударяя плашмя.

В последний день нашего пребывания в Харьковской тюрьме звуки залпов и одиночных выстрелов оглашали притихшую тюрьму. И так весь день. В этот день было расстреляно 120 человек на заднем двореке нашей тюрьмы». Таков рассказ одного из эвакуированных. Это были лишь отдельные «счастливыцы» – всего 20–30 человек. И там же его товарищ описывает эту жуткую сортировку перед сдачей города «в течение трех кошмарных часов»²⁵⁷. «Мы ждали в конторе и наблюдали кошмарное зрелище, как торопливо вершился суд над заключенными. Из кабинета, прилегающего к конторе, выбегал хлыщеватый молодой человек, выкрикивал фамилию и конвой отправлялся в указанную камеру. Воображение рисовало жуткую картину. В десятках камер лежат на убогих койках живые люди».

«И в ночной тиши, прорезываемой звуками канонады под городом и отдельными револьверными выстрелами на дворе тюрьмы, в мерзком закоулке, где падает один убитый за другим – в ночной тиши двухтысячное население тюрьмы мечется в страшном ожидании.

Раскроются двери коридора, прозвучат тяжелые шаги, удар прикладов в пол, звон замка. Кто-то светит фонарем и корявым пальцем ищет в списке фамилию. И люди, лежащие на койках, бьются в судорожном припадке, охватившем мозг и сердце. «Не меня ли?» Затем фамилия названа. У остальных отливает медленно, медленно от сердца, оно стучит ровнее: «Не меня, не сейчас!»

Названный торопливо одевается, не слушаются одеревеневшие пальцы. А конвойный торопит. «Скорее поворачивайся, некогда теперь»... Сколько провели таких за 3 часа. Трудно сказать. Знаю, что много прошло этих полумертвых с потухшими глазами. «Суд» продолжался недолго... Да и какой это был суд: председатель трибунала или

секретарь – хлыщеватый фенчмен – заглядывали в список, бросали: «уведите». И человека уводили в другую дверь».

В «Материалах» Деникинской комиссии мы находим яркие, полные ужаса сцены этой систематической разгрузки тюрем. «В первом часу ночи на 9-го июня заключенные лагеря на Чайковской проснулись от выстрелов. Никто не спал, прислушиваясь к ним, к топоту караульных по коридорам, к щелканию замков и к тяжелой тянущейся поступи выводимых из камер смертников».

«Из камеры в камеру переходил Саенко со своими сподвижниками и по списку вызывал обреченных; уже в дальние камеры доносился крик коменданта: «выходи, собирай вещи». Без возражений, без понуждения, машинально вставали и один за другим плелись измученные телом и душой смертники к выходу из камер к ступеням смерти». На месте казни «у края вырытой могилы, люди в одном белье или совсем нагие были поставлены на колени; по очереди к казнямым подходили Саенко, Эдуард, Бондаренко, методично производили в затылок выстрел, черепа дробились на куски, кровь и мозг разметывались вокруг, а тело падало бесшумно на еще теплые тела убиенных. Казни длились более трех часов»... Казнили более 50 человек. Утром весть о расстреле облетела город, и родные и близкие собрались на Чайковскую; «внезапно открылись двери комендатуры и оттуда по мостику направились два плохо одетых мужчины, за ними следом шли с револьверами Саенко и Остапенко. Едва передние перешли на другую сторону рва, как раздались два выстрела и неизвестные рухнули в вырытую у стены тюрьмы яму». Толпу Саенко велел разогнать прикладами, а сам при этом кричал: «не бойтесь, не бойтесь, Саенко доведет красный террор до конца, всех расстреляет». И тот же эвакуированный «счастливец» в своем описании переезда из Харькова к Москве опять подтверждает все данные, собранные комиссией о Саенко, который заведовал перевозкой и по дороге многих из них расстрелял. (Этот свидетель – небезызвестный левый с.-р. Карелин.) «Легенды, ходившие про него в Харькове, не расходились с действительностью. При нас в Харьковской тюрьме он

застрелил больного на носилках». «При нашем товарище, рассказывавшем потом этот случай, Саенко в камере заколол кинжалом одного заключенного. Когда из порученной его попечению партии заключенных бежал один, Саенко при всех застрелил первого попавшего – в качестве искупительной жертвы». «Человек с мутным взглядом воспаленных глаз, он, очевидно, все время был под действием кокаина и морфия. В этом состоянии он еще ярче проявлял черты садизма»²⁵⁸.

Нечто еще более кошмарное рассказывает о Киеве Нилостонский в своей книге «Кровавое похмелье большевизма», составленной, как мы говорили уже, главным образом, на основании данных комиссии Рерберга, которая производила свои расследования немедленно после занятия Киева Добровольческой армией в августе 1919 г. «В большинстве чрезвычайек большевикам удалось убить заключенных накануне вечером (перед своим уходом). Во время этой человеческой кровавой бани, в ночь на 28 августа 1919 г. на одной бойне губернской чрезвычайки, на Садовой № 5 убито 127 человек. Вследствие большой спешки около 100 чел. были просто пристроены в саду губернской чрезвычайки, около 70-ти, – в уездной чрезвычайке на Елисаветинской, приблизительно столько же в «китайской» чрезвычайке; 51 железнодорожник в железнодорожной чрезвычайке и еще некоторое количество в других многочисленных чрезвычайках Киева»... Сделано это было, во первых, из мести за победоносное наступление Добровольческой армии, во вторых, из нежелания везти арестованных с собой.

В некоторых других чрезвычайках, откуда большевики слишком поспешно бежали, мы нашли живых заключенных, но в каком состоянии! Это были настоящие мертвецы, еле двигавшиеся и смотревшие на вас неподвижным, не понимающим взором» (9).

Далее Нилостонский описывает внешний вид одной из Киевских человеческих «боев» (автор утверждает, что они официально даже назывались «бойнями») в момент ознакомления с ней комиссии.

«... Весь цементный пол большого гаража (дело идет о «бойне» губернской Ч.К.) был залит уже не бежавшей вследствие жары, а стоявшей на несколько дюймов кровью, смешанной в ужасающую массу с мозгом, черепными костями, клочьями волос и другими человеческими остатками. Все стены были забрызганы кровью, на них рядом с тысячами дыр от пуль налипли частицы мозга и куски головной кожи. Из середины гаража в соседнее помещение, где был подземный сток, вел желоб в четверть метра ширины и глубины и приблизительно в 10 метров длины. Этот желоб был на всем протяжении до верху наполнен кровью... Рядом с этим местом ужасов в саду того же дома лежали наспех поверхностно зарытые 127 трупов последней бойни... Тут нам особенно бросилось в глаза, что у всех трупов разmozжены черепа, у многих даже совсем расплющены головы. Вероятно они были убиты посредством разmozжения головы каким-нибудь блоком. Некоторые были совсем без головы, но головы не отрубались, а... отрывались... Опознать можно было только немногих по особым приметам, как-то: золотым зубам, которые «большевики» в данном случае не успели вырвать. Все трупы были совсем голы.

В обычное время трупы скоро после бойни вывозились на фурах и грузовиках за город и там зарывались. Около упомянутой могилы мы натолкнулись в углу сада на другую более старую могилу, в которой было приблизительно 80 трупов. Здесь мы обнаружили на телах разнообразнейшие повреждения и изуродования, какие трудно себе представить. Тут лежали трупы с распоротыми животами, у других не было членов, некоторые были вообще совершенно изрублены. У некоторых были выколоты глаза и в то же время их головы, лица, шеи и туловища были покрыты колотыми ранами. Далее мы нашли труп с вбитым в грудь клином. У нескольких не было языков. В одном углу могилы мы нашли некоторое количество только рук и ног. В стороне от могилы у забора сада мы нашли несколько трупов, на которых не было следов насильственной смерти. Когда через несколько дней их вскрыли врачи, то оказалось, что их рты, дыхательные и глотательные пути были наполнены землей. Следовательно, несчастные были

погребены заживо и, стараясь дышать, глотали землю. В этой могиле лежали люди разных возрастов и полов. Тут были старики, мужчины, женщины и дети. Одна женщина была связана веревкой со своей дочкой, девочкой лет восьми. У обеих были огнестрельные раны» (21–22).

«Тут же во дворе, – продолжает исследователь, – среди могил зарытых нашли мы крест, на котором за неделю приблизительно до занятия Киева распяли поручика Сорокина, которого большевики считали добровольческим шпионом».... «В губернской Чека мы нашли кресло (то же было и в Харькове) в роде зубоврачебного, на котором остались еще ремни, которыми к нему привязывалась жертва. Весь цементный пол комнаты был залит кровью, и к окровавленному креслу прилипли остатки человеческой кожи и головной кожи с волосами»...

В уездной Чека было то же самое, такой же покрытый кровью с костями и мозгом пол и пр. «В этом помещении особенно бросалась в глаза колода, на которую клалась голова жертвы и разбивалась ломом, непосредственно рядом с колодой была яма, в роде люка, наполненная до верху человеческим мозгом, куда при размозжении черепа мозг тут же падал»...

Вот пытки в так называемой «китайской» Чека в Киеве: «Пытаемого привязывали к стене или столбу; потом к нему крепко привязывали одним концом железную трубу в несколько дюймов ширины»... «Через другое отверстие в нее сажалась крыса, отверстие тут же закрывалось проволоочной сеткой и к нему подносился огонь. Приведенное жаром в отчаяние животное начинало въедаться в тело несчастного, чтобы найти выход. Такая пытка длилась часами, порой до следующего дня, пока жертва умирала» (25). Данные комиссии утверждают, что применялась и такого рода пытка: «пытаемых зарывали в землю до головы и оставляли так до тех пор, пока несчастные выдерживали. Если пытаемый терял сознание, его вырывали, клали на землю, пока он приходил в себя и снова так же зарывали»... «Перед уходом из Киева большевики зарыли так

многих несчастных и при спешке оставили их зарытыми – их откопали добровольцы»... (23–24).

Автор цитируемой книги, на основании данных той же комиссии, утверждал, что Киев не представлял какого либо исключения. Явления эти наблюдались повсеместно. Каждая Че-ка как бы имела свою специальность.

Специальностью Харьковской Чека, где действовал Саенко, было, например, скальпирование и снятие перчаток с кистей рук²⁵⁹.

Каждая местность в первый период гражданской войны имела свои специфические черты в сфере проявления человеческого зверства.

В Воронеже пытаемых сажали голыми в бочки, утыканые гвоздями, и катали²⁶⁰. На лбу выжигали пятиугольную звезду; священникам надевали на голову венок из колючей проволоки.

В Царицыне и Камышине – пилили кости. В Полтаве и Кременчуге всех священников сажали на кол (26–28). «В Полтаве, где царил «Гришка проститутка» в один день посадили на кол 18 монахов» (28). «Жители утверждали, что здесь (на обгорелых столбах) Гришка-проститутка сжигал особенно бунтовавших крестьян, а сам... сидя на стуле, потешался зрелищем» (28).

В Екатеринославе предпочитали и распятие и побивание камнями (29). В Одессе офицеров истязали, привязывая цепями к доскам, медленно вставляя в топку и жаря, других разрывали пополам колесами лебедок, третьих опускали по очереди в котел с кипятком и в море, а потом бросали в топку (31)²⁶¹.

Формы издевательств и пыток неисчислимы. В Киеве жертву клали в ящик с разлагающимися трупами, над ней стреляли, потом объявляли, что похоронят в ящике заживо. Ящик зарывали, через полчаса снова открывали и... тогда производили допрос. И так делали несколько раз подряд. Удивительно ли, что люди действительно сходили с ума.

О запирании в подвал с трупами говорит и отчет киевских сестер милосердия. О том же рассказывает одна из потерпевших гражданок Латвии, находившаяся в 1920 г. в

заключении в Москве в Особом Отделе и обвинявшаяся в шпионаже. Она утверждает, что ее били нагайкой и железным предметом по ногтям пальцев, заворачивали на голове железный обруч. Наконец, ее втолкнули в погреб! Здесь – говорит рассказчица – «при слабом электрическом освещении я заметила, что нахожусь среди трупов, среди которых опознала одну мне знакомую, расстрелянную днем раньше. Везде было забрызгано кровью, которой и я испачкалась. Эта картина произвела на меня такое впечатление, что я почувствовала, – в полном смысле слова, что у меня выступает холодный пот... Что дальше со мной было, не помню – пришла я в сознание только в своей камере»²⁶².

Почему разные источники разного происхождения, разных периодов рисуют нам столь однородные сцены? Не служит ли это само по себе доказательством правдоподобия всего рассказанного?

Вот заявление Центрального Бюро партии с.-р.: «В Керенске палачи чрезвычайки пытаются температурой: жертву ввергают в раскаленную баню, оттуда голый выводят на снег; в Воронежской губ., в селе Алексеевском и др. жертва голый выводится зимой на улицу и обливается холодной водой, превращаясь в ледяной столб... В Армавире применяются «смертные венчики»: голова жертвы на лобной кости опоясывается ремнем, концы которого имеют железные винты и гайку... Гайка заворачивается, сдавливает ремнем голову... В станице Кавказской применяется специально сделанная железная перчатка, надеваемая на руку палача, с небольшими гвоздями». Читатель скажет, что это единичные факты – добавляет в своей работе «Россия после четырех лет революции» С. С. Маслов. К ужасу человечества – нет. Не единичные. Превращение людей в ледяные столбы широко практиковалось в Орловской губ. при взыскании чрезвычайного революционного налога; в Малоархангельском уезде одного торговца (Юшкевича) коммунистический отряд за «невзнос налога посадил на раскаленную плитку печи» (стр. 193). По отношению к крестьянам Воронежской губ. (1920) за неполное выполнение «продразверстки» употребляли такие приемы

воздействия: спускали в глубокие колодцы и по много раз окунали в воду, вытаскивали наверх и предъявляли требование о выполнении продразверстки полностью. Автор брал свои данные не из источников «контрреволюционных», автор цитирует показания не каких-либо реставраторов и идеологов старого режима, а показания, собранный им в период тюремного сидения, показания потерпевших, свидетельства очевидцев – людей демократического и социалистического образа мысли...

Хотелось бы думать, что все это преувеличено. Ведь мы живем в век высокоразвитой культуры!

Повторяю, я лично готов отвергнуть такие «легенды», о которых повествует крестьянин из с. Белобордки: сажали в большой котел, который раскаливали до красна; помещали в трубу с набитыми гвоздями и сверху поливали кипятком. Пусть даже останется только пытка «горячим сургучем», о которой рассказывают очень многие в своих воспоминаниях о Киеве...

Время течет. На очереди Грузия – страна, где Ч.К. водворяется последней. Осведомленный корреспондент «Дней»²⁶³ так описывает «работу» Ч.К. в Закавказье: «В глухих, сырых и глубоких подвалах помещения Чека целыми неделями держат арестованного, предназначенного для пытки, без пищи, а часто и без питья. Здесь нет ни кроватей, ни столов, ни стульев. На голой земле, по колено в кровавой грязи, валяются пытаемые, которым ночью приходится выдерживать целые баталии с голодными крысами. Если эта обстановка оказывается недостаточной, чтобы развязать язык заключенная, то его переводят этажом ниже, в совершенно темный подвал. Через короткое время у подвергнутого этой пытке стынет кровь и уже бесчувственного его выносят наверх, приводят в сознание и предлагают выдать товарищей и организации. При вторичном отказе его снова ввергают в подвал и так действуют до тех пор, пока замученный арестованный или умирает, или скажет что-нибудь компрометирующее, хотя бы самого неправдоподобного свойства. Бывает и так, что в подвал в час ночи к арестованным внезапно являются агенты – палачи Че-ка, выводят их на двор и открывают по ним стрельбу, имитируя расстрел.

После нескольких выстрелов, живого мертвеца возвращают в подвал. За последнее время в большом ходу смертные венчики, которыми пытали между прочим социал-демократа Какабадзе и вырвали у него согласие стать сотрудником Че-ка. Выпущенный из подвалов на волю, Какабадзе подробно рассказал товарищам обо всем и скрылся»²⁶⁴.

Даже в советскую печать проникали сведения о пытках при допросах, особенно в первое время, когда истязания и насилия в социалистической тюрьме были слишком непривычны для некоторых по крайней мере членов правящей партии.

«Неужели средневековый застенок?» под таким заголовком поместили, напр., московские «Известия»²⁶⁵ письмо одного случайно пострадавшего коммуниста: «Арестован я был случайно, как раз в месте, где, оказалось, фабриковали фальшивые керенки. До допроса я сидел 10 дней и переживал что-то невозможное (речь идет о следственной комиссии Суцего-Мариинского района в Москве)... Тут избивали людей до потери сознания, а затем выносили без чувств прямо в погреб или холодильник, где продолжали бить с перерывом по 18 часов в сутки. На меня это так повлияло, что я чуть с ума не сошел». Через два месяца мы узнаем из «Правды», что есть во Владимирской Ч.К. особый уголок, где «иголками колют пятки»²⁶⁶.

Опять случайно попался коммунист, который взывает к обществу: «страшно жить и работать, ибо в такое положение каждому ответственному работнику, особенно в провинции, попасть очень легко». На это дело обратили внимание, потому что здесь замешан был коммунист. Но в тысячах случаев проходят мимо лишь молчаливо. «Краснею за ваш застенок – писала Л. Рейснер про петербургскую Ч.К. в декабре 1918 г. Но все это «сентиментальности», и редкие протестующие голоса тонули в общем хоре. Петроградская «Правда» в феврале 1919 года очень красочно описывает пользу приемов допроса путем фиктивного расстрела: в одном селе на кулака наложили 20 пудов чрезвычайного налога. Он не заплатил. Его арестовали – не платит. Его повели на кладбище – не платит. Его поставили к стенке – не платит. Выстрелили под ухом. О чудо! Согласился!

Мы имеем в качестве непреложного исторического свидетельства о пытках изумительный документ, появившийся на столбцах самого московского «Еженедельника Ч.К.» Там была напечатана статья под характерным заголовком: «Почему вы миндальничаете?» «Скажите, – писалось в статье, подписанной председателем нолинской Ч.К. и др. – почему вы не подвергли его, этого самого Локкарта самым утонченным пыткам, чтобы получить сведения, адреса, которых такой гусь должен иметь очень много?»²⁶⁷ Скажите, почему вы вместо того, чтобы подвергнуть его таким пыткам, от одного описания которых холод ужаса охватил бы контрреволюционеров, скажите, почему вместо этого позволили ему покинуть Ч.К? Довольно миндальничать!... Пойман опасный прохвост... Извлечь из него все, что можно, и отправить на тот свет»!... Это было напечатано в № 3 официального органа²⁶⁸, имевшего, как мы говорили, своей целью «руководить» провинциальными чрезвычайными комиссиями и проводить «идеи и методы» борьбы В.Ч.К. Что же удивительного, что на съезде советов представители Ч.К. уже говорят: «теперь признано, что расхлябанность, как и миндальничество и лимоничание с буржуазией и ее прихвостнями не должны иметь места».

Ч.К. «беспощадна ко всей этой сволочи» – таков лозунг, который идет в провинцию и воспринимается местными деятелями, как призыв к беспощадной и безнаказанной жестокости. Тщетны при такой постановке предписания (больше теоретические) юридическим отделам губисполкомов следить за «законностью»²⁶⁹. Провинция берет лишь пример с центра. А в центре, в самом подлинном центре, как утверждает одно из английских донесений, пытали Канегиссера, убийцу Урицкого. Пытали ли Каплан, как-то усиленно говорили в Москве? Я этого утверждать не могу. Но помню свое впечатление от первой ночи, проведенной в В.Ч.К. после покушения на Ленина: кого-то здесь пытали – пыткой не давания спать...

Редко проникали и проникают сведения из застенков, где творятся пытки. Я помню в Москве процесс о сейфах, август 1920 г., когда перед Верховным Рев. Трибуналом вскрыта была картина пыток (сажание в лед и др.). Еще ярче картина эта

предстала во время одного политического процесса в Туркестане в октябре 1919 г. «Обвиняемые в количестве свыше десяти человек отrekliсь от сделанных ими на следствии в Чеке показаний, указав, что подписи были даны ими в результате страшных пыток. Трибунал опросил отряд особого назначения при Чеке... Оказалось, что истязания и пытки обычное явление и применялись в Чеке, как общее правило». В зале заседаний раздавались «плач и рыдания многочисленной публики» – передает корреспондент «Воли России»²⁷⁰. «Буржуазные рыдания», как назвал их обвинитель, в данном случае подействовали на судей, и протестовал сам трибунал... Не так давно в московских «Известиях»²⁷¹ мы могли прочесть о заседании омского губернского суда, где 29-го ноября разбиралось дело начальника первого района уездной милиции Германа, милиционера Щербакова и доктора Троицкого, обвинявшихся в истязании арестованных... Жгли горящим сургучем ладони, предплечья, лили сургуч на затылок и на шею, а затем срывали вместе с кожей. «Такие способы воздействия, напоминающие испанскую инквизицию совершенно недопустимы» – морализовал во время процесса председатель суда. Но пытки эти в сущности узаконены. «Социалистический Вестник»²⁷² дает в этой области исключительную иллюстрацию. Корреспондент журнала пишет

«В связи с давними слухами и обнаруживающимися фактами весной этого года губернским трибуналом г. Ставрополя была образована комиссия для расследования пыток, практикуемых в уголовном розыске. В комиссию вошли – общественный обвинитель при трибунале Шапиро и следователь-докладчик Ольшанский.

Комиссия установила, что помимо обычных избиений, подвешиваний и других истязаний, при ставропольском уголовном розыске существуют:

1. «Горячий подвал», состоящий из глухой, без окон, камеры в подвале, 3 шага в длину, 1 ½ в ширину. Пол состоит из двух-трех ступенек. В эту камеру, в виде пытки, заключают 18 человек, так что все не могут одновременно поместиться, стоя ногами на полу, и некоторым приходится повисать, опираясь на

плечи других узников. Естественно, воздух в этой камере такой, что лампа моментально гаснет, спички не зажигаются. В этой камере держат по 2–3 суток, не только без пищи, но и без воды, не выпуская ни на минуту, даже для отправления естественных надобностей. Установлено, что в «горячий подвал», вместе с мужчинами сажали и женщин (в частности, Вейцман).

2. «Холодный подвал». Это – яма от бывшего ледника. Арестованного раздевают почти до нага, спускают в яму по передвижной лестнице, затем лестницу вынимают, а на заключенного сверху льют воду. Практикуется это зимой в морозы. Установлены случаи, когда на заключенного выливали по 8 ведер воды (в числе других этому подвергались Гурский и Вайнер).

3. «Измерение черепа». Голову допрашиваемого туго обвязывают шпагатом, продевается палочка, гвоздь или карандаш, от вращения которого окружность бичевки суживается. Постепенным вращением все сильнее сжимают череп, вплоть до того, что кожа головы вместе с волосами отделяется от черепа.

Рядом с этими пытками для получения сознания, установлены убийства агентами розыска арестантов якобы при попытке побега (так убит в апреле 1922 г. Мاستрюков).

Все эти факты были установлены показаниями потерпевших и свидетелей, данными судебно-медицинской экспертизы, вскрытием трупов и сознанием агентов, производивших пытки и показавших, что действовали по приказу начальника уголовного розыска Григоровича (он же член Ставропольского Исполкома, член Губкома Р.К.П. и заместитель начальника местного Госполитуправления), его помощника Повецкого и юрисконсульта (!!) розыска Топышева. Пытки производились под личным их руководством и при личном участии.

Трибунал постановил привлечь виновных к ответственности и отдал приказ об их аресте. Однако, никого арестовать не удалось, так как начальник губполитуправ. Чернобровый укрыл преступников в общежитии госполитуправления и предъявил секретный циркуляр В.Ч.К., в котором, между прочим,

говорилося, что, если при производстве дознания или предварительного следствия к сознанию обвиняемых не приведут очные ставки, улики и «обычные угрозы», то рекомендуется «старое испытанное средство».

Происхождение этого циркуляра, как передают, таково. В середине 1921 г. на известного следователя М.Ч.К. Вуля поступила жалоба по поводу применения им на допросах пыток и истязаний. Вуль хотел подать в отставку и сложить с себя ответственность за развитие бандитизма в Москве. В виду этой угрозы, якобы Менжинский (?!) разрешил ему продолжать прежние приемы деятельности, а вскоре после этого был разослан циркуляр о «старом испытанном средстве». Финал этой истории обычен. Никого из производивших пытки арестовать не удалось. Зато начались гонения на тех, кто проявлял излишнее усердие и горячность при раскрытии тайн уголовного розыска.

То же с новыми деталями подтвердило и письмо (из Ставрополя, напечатанное в № 1 «Путей Революции» (альманах левых с.-р.). Такой же эпилог был и в Туркестане. Главным деятелем по применению пыток был бывший цирковой клоун, член чрезвычайной комиссии и сам палач Дрожжин. Он был отозван от своей должности и назначен, после обнаружения его деятельности, как следователя, политическим комиссаром в тюрьму²⁷³.

Не надо иметь большего воображения, чтобы представить себе этого циркового клоуна в новой роли. Фактов из его деятельности на новом поприще мы не знаем, но мы найдем иллюстрации в фактах в противоположной Туркестану местности – в Архангельске.

В сборнике «Че-Ка» есть очерк о «холмогорском концентрационном лагере» о том самом, о котором нам уже вскользь приходилось упоминать. Мне лично хорошо известен автор этого в сущности донесения, ездивший с большой трудностью и опасностью для себя специально на далекий север, чтобы собрать сведения об ужасах, о которых доходили слухи в Москву, и чтобы выяснить возможность помочь несчастным заключенным этого «лагеря смерти». Я слышал его

доклад в Москве. В передаче он был еще более страшен. Было действительно жутко, но мы были бессильны оказать помощь. Достаточно два-три штриха, чтобы охарактеризовать условия жизни в холмогорском концентрационном лагере: «В бытность комендантом Бачулиса, человека крайне жестокого, немало людей было расстреляно за ничтожнейшие провинности. Про него рассказывают жуткие вещи. Говорят, будто он разделял заключенных на десятки и за провинность одного наказывал весь десяток. Рассказывают, будто как-то один из заключенных бежал, его не могли поймать, и девять остальных были расстреляны. Затем бежавшего поймали, присудили к расстрелу, привели к вырытой могиле; комендант с бранью собственноручно ударяет его по голове так сильно, что тот, оглушенный, падает в могилу и его, полуживого еще, засыпают землей. Этот случай был рассказан одним из надзирателей.

Позднее Бачулис был назначен комендантом самого северного лагеря, в ста верстах от Архангельска, в Портаминске, где заключенные²⁷⁴ питаются исключительно сухой рыбой, не видя хлеба, и где Бачулис дает простор своим жестокостям. Из партии в 200 человек, отправленной туда недавно из Холмогор, по слухам, лишь немногие уцелели. Одно упоминание о Портаминске заставляет трепетать Холмогорских заключенных – для них оно равносильно смертному приговору, а между тем и в Холмогорах тоже не сладко живется»²⁷⁵. А вот сведения о самом уже Портаминском «монастыре». Частное письмо, полученное в Петербурге, сообщает²⁷⁶: «Однажды в 6 ч. утра выгнали всех на работу. Один из арестованных после сыпняка был настолько слаб, что упал на дворе перед отходом на работу. Комендант не поверил его слабости и, якобы за злостную симуляцию, приказал раздеть его до нижнего белья и посадить в холодную камеру, куда набросали снега. Больной заживо был заморожен». Далее рассказывается, как больного, который был не в состоянии следовать за партией при перегону по этапу, просто застрелили на глазах у всех арестованных.

«До чего доходит издевательство – добавляет другой свидетель²⁷⁷ может дать представление следующий случай... заключенные работали по добыче песку для построек. Работы

шли перед окнами дома коменданта, который, увидав из окна, что рабочие сели на отдых, прямо из окна открыл стрельбу по толпе. В результате несколько убитых и раненых. Заключенные после этого объявили голодовку протеста. Слухи об этом дошли до Москвы, и на этот раз комиссия из центра сместила коменданта. Новый комендант – уголовный матрос с «Гангута» – по зверству ничем не отличается от старого. Расстрел заключенных тут же на месте, на глазах у всех, иногда по простому самодурству любого конвоира – самое обычное явление».

Все это происходило в 1921–1922 гг. Об условиях жизни заключенных сам по себе свидетельствует такой поразительный факт, что на 1200 заключенных за полгода приходится 442 смерти!!

В холмогорском лагере наряду с темным карцером и специальной холодной башней есть еще особый «Белый Дом». Это специальная изоляция для некоторых провинившихся. В маленькой комнате (даже без уборной) заключено бывает до 40 человек. Автор рассказывает о больных сыпным тифом, валявшихся здесь дней по 10 до кризиса без всякой помощи. «Некоторые просидели больше месяца, заболели тифом и кончили психическим расстройством». Это ли не пытка?

По поводу этих фактов нельзя сказать в оправдание даже того, что они были уже давно...

Мы узнаем о всех этих фактах редко и случайно. При безнаказанности начальства заключенным опасно жаловаться даже в тех редких случаях, когда это возможно. Мне лично раз только пришлось присутствовать в Бутырской тюрьме при избиении следователем подсудимого. Я только слышал мольбу последнего – молчать. И врачи без опасения не могут констатировать факт нанесения побоев – доктор Щеглов, выдавший медицинское свидетельство некоторым социалистам, избитым в Бутырской тюрьме, за это был немедленно отправлен в жестокую ссылку²⁷⁸.

До нас доходят сведения, когда жертвами произвола становятся партийные люди. Так мы узнаем, что в Тамбове высекли 18-летнюю с.-р. Лаврову²⁷⁹, что та же судьба постигла

жену с.-р. Кузнецова, когда не удалось узнать местопребывания ее мужа²⁸⁰. Так мы узнаем, что с.-д. Трейгер в Семипалатинске был посажен в «ящик» – длиной в три шага и шириной в два, где он сидел вместе с сумасшедшим китайцем-убийцей²⁸¹. Левый с.-р. Шебалин, в письме, пересланном нелегальным путем, рассказывает, как его истязали в Петербурге: били по рукам и ногам рукояткой револьвера, мяли и давили глаза и половые органы (до потери сознания)²⁸², били особо усовершенствованным способом – так, чтобы не было следов «без крови» (кровь шла горлом)!²⁸³. Я хорошо знаю Шебалина, пробыв с ним более полугода в заключении в Бутырской тюрьме. Это человек, не способный ни ко лжи, ни к преувеличениям. «Не забывайте, что я пишу из застенка, перед которым по своему режиму и применению особых мер воздействия к заключенным бледнеют русские Бастилии – Шлиссельбург и Петропавловка, где в старое время мне пришлось томиться в одном из казематов, как государственному преступнику» – пишет Шебалин. И он рассказывает об особо усовершенствованном изобретении камер «пробок» на Гороховой, т. е. Петроградской Чеки (тесные, холодные одиночки, наглухо закупориваемые, с двойными стенами, обложенными пробками – отсюда никакой звук не доносится). В этих изолированных камерах идут допросы заключенных с «вымораживанием», «прижиганием огнем» и пр. На этом сообщении имеется пометка 9-го апреля 1922 г. В этих «пробках» держат обыкновенно 5–10 дней, но нередко держат и по месяцу²⁸⁴.

«Избиение ногами, винтовкой, револьвером – замечает С. С. Маслов в своей книге²⁸⁵, написанной в значительной степени на основании материала, вывезенного им из России, – в счет не идут, они общеприняты и повсеместны». И автор приводит яркую иллюстрацию, не имеющую в данном случае отношения к политике. Тем характернее она для «коммунистического» правосудия, о новых принципах которого так много пишут хвалебного в советской прессе. Ведь там преступников не наказывают, а исправляют. «В мае 1920 г., – рассказывает С. О. Маслов, – в Москве была арестована группа

детей (карманных воров) в возрасте от 11 до 15 лет. Их посадили в подвал и держали изолированно от других, но всю группу вместе. «Чрезвычайка» решила использовать арест во всю. От детей стали требовать – сначала угрозами и обещаниями награды, выдачи других карманных воров. Дети отзывались незнанием. После нескольких бесплодных допросов в камеру, где сидели дети, вошло несколько служащих и началось жестокое избиение. Били сначала кулаками, потом, когда дети попадали, их били каблуками сапог. Дети обещали полную выдачу. Так как фамилии товарищей дети не знали, то их возили каждый день по улицам в автомобилях, трамваях, водили на вокзалы. Первый день дети попробовали никого не указать. Тогда вечером было повторено избиение еще более жестокое, чем прежде. Дети начали выдавать. Если день был неудачный, и ребенок не встречал или не указывал товарища по ремеслу, вечером он был избиваем. Пытка тянулась две недели. Дети, чтобы избежать битья, начали оговаривать незнакомых и невинных. Через три недели их перевезли в Бутырскую тюрьму. Худые, избитые, в рваном платье, с постоянным застывшим испугом на личиках, они были похожи на затравленных зверьков, видящих неминуемую и близкую смерть. Они дрожали, часто плакали и отчаянно кричали во сне. После 2–3 недельного сидения в Бутырской тюрьме, дети снова были взяты в «чрезвычайку». Долгие тюремные сидельцы говорили мне, что за все время их ареста, за всю жизнь, за время даже царской каторги, они не слышали таких отчаянных криков, как крики этих детей, понявших, что их снова везут в подвал, и не испытывали такой жгучей злобы, как от этого издевательства над ворами-детьми. Тюрьма плакала, когда обезумевших и воющих детей вели по коридорам, потом по двору тюрьмы».

Изменились ли условия? Мы не так давно узнали об убийстве в марте 1923 г. при допросе старого революционера Куликовского агентом иркутского Г.П.У. Корреспондент «Дней» сообщал, что за отказ отвечать на допросе его стали бить рукояткой револьвера, разбили череп и убили...

Разнузданность палачей

Для того, чтобы отчетливее представить себе сущность «красного террора», мы должны воспринять циничность форм, в которые он вылился – не только то, что людей виновных и невинных, политических противников и безразличных расстреливали, но и как их расстреливали. Эта внешняя оболочка, быть может, важнее даже для понимания так называемого «красного террора».

Перед нами прошел уже садист в полном смысле слова – харьковский Саенко. Несколько слов о его помощнике – матросе Эдуарде, рассказывает Карелин: знаменит был тем, что, дружески разговаривая с заключенным, смеясь беззаботным смехом, умел артистически «кончить» своего собеседника выстрелом в затылок.

Таким же зверем изображает осведомленный в одесских делах Авербух председателя местной чеки Калинченко. О его «причудах» и диких расправах рассказывали целые легенды: однажды во время празднования своих именин К. приказал доставить из тюрьмы «трех самых толстых буржуев». Его приказ был выполнен, и он в каком-то пьяном экстазе тут же убивает их из револьвера.

«Мне как-то раз пришлось посетить кафе «Астра» по Преображенской улице, посещаемое исключительно большевицкими служащими» – пишет Авербух²⁸⁶. – «И здесь мне совершенно неожиданно пришлось выслушать рассказ известного палача «Васьки» о том, как он раз расправился с двумя буржуями, как они корчились и метались в предсмертных судорогах, как они целовали у него руки и ноги и как он все-таки исполнил свой революционный долг». Среди одесских палачей был негр Джонстон, специально выписанный из Москвы. «Джонстон был синонимом зла и изуверств»... «Сдирать кожу с живого человека перед казнью, отрезать конечности при пытках и т. п. – на это способен был один палач – негр Джонстон». Он ли один? В Москве на выставке, устроенной большевиками в 1920–1921 гг., демонстрировались «перчатки», снятые с

человеческой руки. Большевики писали о том, что это образец зверств «белых». Но... об этих перчатках, снимаемых в Харькове Саенко, доходили давно в Москву слухи. Говорили, что несколько «перчаток» было найдено в подвале Ч.К. Харьковские анархисты, привезенные в Бутырскую тюрьму, единогласно свидетельствовали об этих харьковских «перчатках», содранных с рук пытаемых.

«Нас упрекают в готтентотской морали», – говорил Луначарский в заседании московского совета 4 декабря 1918 г. «Мы принимаем этот упрек»...

И Саенковские «перчатки» могли фигурировать на московской выставке, как доказательство жестокости противников...²⁸⁷

С Джонстоном могла конкурировать в Одессе лишь женщина-палач, молодая девушка Вера Гребеннюкова («Дора»). О ее тиранствах также ходили целые легенды. Она «буквально терзала» свои жертвы: вырывала волосы, отрубала конечности, отрезала уши, выворачивала скулы и т. д. Чтобы судить о ее деятельности, достаточно привести тот факт, что в течение двух с половиной месяцев ее службы в чрезвычайке ею одной было расстреляно 700 слишком человек, т. е. почти треть расстрелянных в Ч.К. всеми остальными палачами²⁸⁸.

В Киеве расстреливаемых заставляли ложиться ничком в кровавую массу, покрывавшую пол, и стреляли в затылок и размозжали череп. Заставляли ложиться одного на другого еще только что пристрелянного. Выпускали намеченных к расстрелу в сад и устраивали там охоту на людей. И отчет киевских сестер милосердия тоже регистрирует такие факты. В «лунные, ясные летние ночи», «холеный, франтоватый» комендант губ. Ч.К. Михайлов любил непосредственно сам охотиться с револьвером в руках за арестованными, выпущенными в голый виде в сад²⁸⁹. Французская писательница Одетта Кен, считающая себя коммунисткой и побывавшая по случайным обстоятельствам²⁹⁰ в тюрьмах Ч.К. в Севастополе, Симферополе, Харькове и Москве, рассказывает в своих воспоминаниях со слов одной из заключенных о такой охоте за женщинами даже в Петрограде (она относит этот, казалось бы,

маловероятный факт к 1920 г.!!). В той же камере, что и эта женщина, было заключено еще 20 женщин контрреволюционеров. Ночью за ними пришли солдаты. Вскоре слышались нечеловеческие крики, и заключенные увидели в окно, выходящее на двор, всех этих 20 женщин, посаженных голыми на дроги. Их отвезли в поле и приказали бежать, гарантируя тем, кто прибежит первыми, что они не будут расстреляны. Затем они были все перебиты...

В Брянске, как свидетельствует С. М. Волконский в своих воспоминаниях²⁹¹, существовал «обычай» пускать пулю в спину после допроса. В Сибири разбивали головы «железной колотушкой»... В Одессе – свидетельствует одна простая женщина в своих показаниях – «во дворе Ч.К. под моим окном поставили бывшего агента сыскальной полиции. Убивали дубиной или прикладом. Убивали больше часа. И он умолял все пощадить».

В Екатеринославе некий Валявка, расстрелявший сотни «контрреволюционеров», имел обыкновение выпускать «по десять-пятнадцать человек в небольшой, специальным забором огороженный двор». Затем Валявка с двумя-тремя товарищами выходил на середину двора и открывал стрельбу²⁹².

В том же Екатеринославе председатель Ч.К., «тов. Трепалов», ставил против фамилий, наиболее ему непонравившихся, сокращенную подпись толстым красным карандашом «рас», что означало – расход, т. е. расстрел; ставил свои пометки так, что трудно было в отдельных случаях установить, к какой собственно фамилии относятся буквы «рас». Исполнители, чтобы не «копаться» (шла эвакуация тюрьмы), расстреляли весь список в 50 человек по принципу: «вали всех»²⁹³.

Петроградский орган «Революционное Дело»²⁹⁴ сообщал такие подробности о расстреле 60 по Таганцевскому делу.

«Расстрел был произведен на одной из станций Ириновской ж. д. Арестованных привезли на рассвете и заставили рыть яму. Когда яма была наполовину готова, приказано было всем раздеться. Начались крики, вопли о помощи. Часть обреченных была насильно столкнута в яму и по яме была открыта

стрельба. На кучу тел была загнана и остальная часть и убита тем же манером. После чего яма, где стонали живые и раненые, была засыпана землей».

Вот палачи московские, которые творят в специально приспособленных подвалах с асфальтовым полом с желобом и стоками для крови свое ежедневное кровавое дело²⁹⁵. Их образ запечатлен в очерке «Корабль смерти», посвященном в сборнике «Чека» описанию казней уголовных, так называемых бандитов. Здесь три палача: Емельянов, Панкратов, Жуков, все члены российской коммунистической партии, живущие в довольстве, сытости и богатстве. Они, как и все вообще палачи, получают плату поштучно: им идет одежда расстрелянных и те золотые и пр. вещи, которые остались на заключенных; они «выламывают у своих жертв золотые зубы», собирают «золотые кресты» и пр.

С. О. Маслов рассказывает о женщине-палаче, которую он сам видел. «Через 2–3 дня она регулярно появлялась в Центральной Тюремной больнице Москвы (в 1919 г.) с папироской в зубах, с хлыстом в руке и револьвером без кобуры за поясом. В палаты, из которых заключенные брались на расстрел, она всегда являлась сама. Когда больные, пораженные ужасом, медленно собирали свои вещи, прощались с товарищами или принимались плакать каким-то страшным воем, она грубо кричала на них, а иногда, как собак, била хлыстом... «Это была молоденькая женщина... лет 20–22». Были и другие женщины-палачи в Москве. О. С. Маслов, «как старый деятель вологодской кооперации и член Учредительного Собрания от Вологодской губ., хорошо осведомленный о вологодских делах, рассказывает о местном палаче (далеко не профессионале) Ревекке Пластининой (Майзель), бывшей когда-то скромной фельдшерицей в одном из маленьких городков Тверской губ., расстрелявшей собственноручно свыше 100 человек. В Вологде чета Кедровых – добавляет Е. Д. Кускова, бывшая в это время там в ссылке²⁹⁶ – жила в вагоне около станции... В вагонах происходили допросы, а около них расстрелы. При допросах Ревекка била по щекам обвиняемых, орала, стучала кулаками, исступленно и кратко отдавала

приказы: «к расстрелу, к расстрелу, к стенке!» «Я знаю до десяти случаев, – говорит Маслов – когда женщины добровольно «дырявили затылки».

О деятельности в Архангельской губ. весной и летом 1920 г. этой Пластининой-Майзель, бывшей женой знаменитого Кедрова, корреспондент «Голоса России»²⁹⁷, сообщает: «После торжественных похорон пустых, красных гробов началась расправа Ревекки Пластининой со старыми партийными врагами. Она была большевичка. Эта безумная женщина, на голову которой сотни обездоленных матерей и жен шлют свое проклятье, в своей злобе превзошла всех мужчин Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. Она вспомнила все маленькие обиды семьи мужа и буквально распяла эту семью, а кто остался не убитым, тот убит морально. Жестокая, истеричная, безумная, она придумала, что ее белые офицеры хотели привязать к хвосту кобылы и пустить лошадь вскачь, уверовала в свой вымысел, едет в Соловецкий монастырь и там руководит расправой вместе со своим новым мужем Кедровым. Дальше она настаивает на возвращении всех арестованных комиссией Эйдука из Москвы, и их по частям увозят на пароходе в Холмогоры, усыпальницу русской молодежи, где, раздевши, убивают их на баржах и топят в море. Целое лето город стонал под гнетом террора».

Другое сообщение той же газеты добавляет: В Архангельске Майзель-Кедрова расстреляла собственноручно 87 офицеров, 33 обывателя, потопила баржу с 500 беженцами и солдатами армии Миллера и т. д.

А вот другая, одесская, «героиня», о которой рассказывает очевидец 52 расстрелов в один вечер²⁹⁸. Главным палачем была женщина-латышка с звероподобным лицом; заключенные ее звали «мопсом». Носила эта женщина-садистка короткие брюки и за поясом обязательно два нагана. С ней может конкурировать «товарищ Люба» из Баку, кажется, расстрелянная за свои хищения²⁹⁹, или предстательница Унечской Ч.К. «зверь, а не человек», являвшаяся всегда с двумя револьверами, массой патронов за широким кожаным поясом вокруг талии и шашкою в руке. Так описывает ее в своих воспоминаниях одна

из невольных беглянок из России. «Унечане говорили о ней шепотом и с затаенным ужасом». Сохранит ли история ее имя для потомства? В Рыбинске есть свой «зверь» в облике женщины – некая «Зина». Есть такая же в Екатеринославе, Севастополе и т. д.

Как ни обычна «работа» палачей – наконец, человеческая нервная система не может выдержать. И казни совершают палачи преимущественно в опьяненном состоянии – нужно состояние «невменяемости», особенно в дни, когда идет действительно своего рода бойня людей. Я наблюдал в Бутырской тюрьме, что даже привычная уже к расстрелам администрация, начиная с коменданта тюрьмы, всегда обращалась к наркотикам (кокаин и пр.), когда приезжал так называемый «комиссар смерти» за своими жертвами и надо было вызывать обреченных из камер.

«Почти в каждом шкапу – рассказывает Нилостонский про Киевские чрезвычайки³⁰⁰ – почти в каждом ящике нашли мы пустые флаконы из-под кокаина, кое-где даже целые кучи флаконов».

В состоянии невменяемости палач терял человеческий образ.

«Один из крупных чекистов рассказывал – передает авторитетный свидетель³⁰¹ – что главный; (московский) палач Мага, расстрелявший на своем веку не одну тысячу людей (чекист, рассказывавший нам, назвал невероятную цифру в 11 тысяч расстрелянных рукой Мага), как-то закончив «операции» над 15–20 человеками, набросился с криками «раздевайся, такой сякой» на коменданта тюрьмы Особого Отдела В.Ч.К. Попова, из любви к искусству присутствовавшего при этом расстреле. «Глаза, налитые кровью, весь ужасный, обрызганный кровью и кусочками мозга, Мага был совсем невменяем и ужасен» – говорил рассказчик. «Попов струсил, бросился бежать, поднялась свалка и только счастье, что своевременно подбежали другие чекисты и окрутили Мага»...

И все-таки психика палача не всегда выдерживала. В упомянутом отчете сестер милосердия Киевского Красного Креста рассказывается, как иногда комендант Ч. К. Авдохин не

выдерживал и исповедовался сестрам. «Сестры, мне дурно, голова горит... Я не могу спать... меня всю ночь мучают мертвецы»... «Когда я вспоминаю лица членов Чека: Авдохина, Терехова, Асмолова, Никифорова, Угарова, Абнавера или Гусига, я уверена, – пишет одна из сестер, – что это были люди ненормальные, садисты, кокаинисты – люди, лишенные образа человеческого». В России в последнее время в психиатрических лечебницах зарегистрирована как бы особая «болезнь палачей», она приобретает массовый характер – мучающая совесть и давящие психику кошмары захватывают десятки виновных в пролитии крови. Наблюдатели отмечают нередкие сцены таких припадков у матросов и др., которые можно видеть, напр., в вокзальных помещениях на железных дорогах. Корреспондент «Дней»³⁰² из Москвы утверждает, что «одно время Г.П.У. пыталось избавиться от этих сумасшедших путем расстрела их и что несколько человек таким способом были избавлены от кошмара душивших их галлюцинаций».

Среди палачей мы найдем не мало субъектов с определенно выраженными уже резкими чертами вырождения. Я помню одного палача 14 лет, заключенного в Бутырской тюрьме: этот полуидиот не понимал, конечно, что творил, и эпически рассказывал о совершенных деяниях. В Киеве в январе 1922 года была арестована следовательница-чекистка, венгерка Ремовер. Она обвинялась в самовольном расстреле 80 арестованных, преимущественно молодых людей. Р. признана была душевно-больной на почве половой психопатии. Следствие установило, что Р. лично расстреливала не только подозреваемых, но и свидетелей, вызванных в Ч.К. и имевших несчастье возбудить ее болезненную чувственность... Один врач рассказывает о встреченной им в госпитале «Комиссарше Нестеренко», которая, между прочим, заставляла красноармейцев насиловать в своем присутствии беззащитных женщин, девушек, подчас малолетних»³⁰³.

Просмотрите протоколы Деникинской комиссии и вы увидите, как высшие чины Ч.К., не палачи по должности, в десятках случаев производят убийство своими руками. Одесский Вихман расстреливает в самих камерах по

собственному желанию, хотя в его распоряжении было 6 специальных палачей (один из них фигурировал под названием «амур»). Атарбеков в Пятигорске употребляет при казни кинжал. Ровер в Одессе в присутствии свидетеля убивает некоего Григорьева и его 12-летнего сына... Другой чекист в Одессе «любил ставить свою жертву перед собой на колени, сжимать голову приговоренного коленями и в таком положении убивать выстрелом в затылок»³⁰⁴. Таким примерам несть числа...

Смерть стала слишком привычной. Мы говорили уже о тех циничных эпитетах, которыми сопровождают обычно большевистские газеты сообщения о тех или иных расстрелах. Такой упрощенно-циничной становится вся вообще терминология смерти³⁰⁵: «пустить в расход», «разменять» (Одесса), «идите искать отца в Могилевскую губернию», «отправить в штаб Духонина», Буль «сыграл на гитаре» (Москва), «больше 38 я не мог запечатать» т. е. собственноручно расстрелять (Екатеринослав), или еще грубее: «нацокал» (Одесса), «отправить на Машук – фиалки нюхать» (Пятигорск); комендант петроградской Чека громко говорит по телефону жене: «Сегодня я везу рябчиков в Кронштадт»³⁰⁶.

Также упрощенно и цинично совершается, как мы много раз уже отмечали, и самая казнь. В Одессе объявляют о приговоре, раздевают и вешают на смертника дощечку с номером. Так по номерам по очереди и вызывают³⁰⁷. Заставляют еще расписываться в объявлении приговора. В Одессе нередко после постановления о расстреле обходили камеры и собирали биографические данные для газетных сообщений³⁰⁸. Эта «законность» казни соблюдается и в Петрограде, где о приговорах объявляется в особой «комнате для приезжающих». Орган центрального комитета коммунистической партии «Правда»³⁰⁹ высмеивал сообщения английской печати о том, что во время казни играет оркестр военной музыки. Так было в дни террора в сентябре 1918 г. Так расстреливали в Москве «царских министров», да не их одних. Тогда казнили на Ходынском поле и расстреливали красноармейцы. Красноармейцев сменили китайцы. Позже появился специальный как бы институт наемных палачей-

профессионалов, к которым от времени до времени присоединялись любители-гастролеры.

Ряд свидетелей в Деникинской комиссии рассказывает о расстрелах в Николаеве в 1919 г. под звуки духовной музыки. В Саратове расстреливают сами заключенные (уголовные) и тем покупают себе жизнь. В Туркестане сами судьи. Утверждают свидетели уже теперешних дней, что такой же обычай существует в Одессе в губернском суде – даже не в Ч.К. Я не умею дать ответа на вопрос, хорошо или плохо, когда приводит казнь в исполнение тот, кто к ней присудил... К 1923 г. относится сообщение о том, как судья В. непосредственно сам убивает осужденного: в соседней комнате раздевают и тут же убивают... Утверждают, что в Одессе в Ч.К. в 1923 г. введен новый, усовершенствованный способ расстрела. Сделан узкий, темный коридор с ямой в середине. С боков имеются две бойницы. Идущий падает в яму и из бойниц его расстреливают, при чем стреляющие не видят лица расстреливаемого.

Не могу не привести еще одного описания расстрелов в московской Ч.К., помещенного в № 4 нелегального бюллетеня левых с.-р.³¹⁰ Относится это описание к тому времени, когда «велись прения о правах и прерогативах Ч.К. и Рев. Трибуналов», т. е. о праве Ч.К. выносить смертные приговоры. Тем характернее картина, нарисованная пером очевидцев: «Каждую ночь, редко когда с перерывом, водили и водят смертников «отправлять в Иркутск». Это ходкое словечко у современной опричнины. Везли их прежде на Ходынку. Теперь ведут сначала в № 11, а потом из него в № 7 по Варсонофьевскому переулку. Там вводят осужденных – 30 – 12 – 8 – 4 человека (как придется) – на 4-й этаж. Есть специальная комната, где раздевают до нижнего белья, и потом раздетых ведут вниз по лестницам. Раздетых ведут по снежному двору, в задний конец, к штабелям дров и там убивают в затылок из нагана.

Иногда стрельба неудачна. С одного выстрела человек падает, но не умирает. Тогда выпускают в него ряд пуль; наступая на лежащего, бьют в упор в голову или грудь.

10–11 марта Р. Олеховскую, приговоренную к смерти за пустяковый поступок, который смешно карать даже тюрьмой, никак не могли убить. 7 пуль попало в нее, в голову и грудь. Тело трепетало. Тогда Кудрявцев (чрезвычайник из прапорщиков, очень усердствовавший, недавно ставший «коммунистом») взял ее за горло, разорвал кофточку и стал крутить и мять шейные хрящи. Девушке не было 19 лет.

Снег на дворе весь красный и бурый. Все забрызгано кругом кровью. Устроили снеготаялку, благо – дров много, жгут их на дворе и улице в кострах полсаженями. Снеготаялка дала жуткие кровавые ручьи. Ручей крови перелился через двор и пошел на улицу, перетек в соседние места. Спешно стали закрывать следы. Открыли какой-то люк и туда спускают этот темный страшный снег, живую кровь только что живших людей!...»

Большевики гордо заявляют: «у нас гильотины нет». Не знаю что лучше: казнь явная или казнь в тайниках, в подвалах, казнь под звук моторов, чтобы заглушить выстрелы... Пусть ответят на это другие... Но мы отмечали уже и казни публичные.

Не везде расстреливают ночью... В Архангельске расстреливали днем на площадке завода Клафтона и на расстрел «смотреть собиралась масса окрестной детворы»³¹¹. Днем подчас убивали и в Одессе. Почти на глазах у родственников расстреливают и в Могилеве. «К ревтрибуналу 16 армии – рассказывает очевидец³¹² – около 5–7 час. вечера подается грузовик, на который молодецкато вскакивает десяток вооруженных палачей, вооруженных до зубов и с двумя лопатами! На грузовик усаживают смертников и уезжают. Ровно через час грузовик возвращается. Палачи также молодецкато соскакивают, волоча мешки с оставшимися от смертников сапогами, гимнастерками, фуражками и пр... Вся эта процедура происходит днем (часовая стрелка передвинута на 3 часа вперед) на глазах родных и близких, женщин и детей».

Только человек, находящейся во власти совершенно исключительного политического изуверства, потерявший все человеческие чувства, может не отвернуться с отвращением от тех форм, при которых произошло убийство царской семьи в Екатеринбурге. Родители и дети были сведены ночью в одну

комнату и все перебиты на глазах друг у друга. Как описывает красноармеец Медведев, один из очевидцев «казни», в своих показаниях, данных следствию в феврале 1919 г., приготовления к казни шли медленно и «видимо все догадывались о предстоящей им участи». История не знает другой картины убийства, подобной той, которой ознаменовалась екатеринбургская ночь с 16 на 17 июля 1918 г.³¹³

Смертники

Смертная казнь в России действительно стала «бытовым явлением». Мы знаем, что когда-то люди всходили на гильотину с пением марсельезы... В России присужденные к смерти левые с.-р. в Одессе, положенные связанными на грузовик под тяжестью 35 тел, нагруженных поверх, поют свою марсельезу. Может быть, в самой тюрьме эта обыденность смерти ощущается наиболее остро.

В сборнике «Че-Ка» есть яркие страницы, описывающие переживания заключенного, попавшего в камеру смертников³¹⁴.

«В страшную камеру под сильным конвоем нас привели часов в 7 вечера. Не успели мы оглядеться, как лязгнул засов, заскрипела железная дверь, вошло тюремное начальство, в сопровождении тюремных надзирателей.

– Сколько вас здесь? – окидывая взглядом камеру – обратилось к старосте начальство.

– Шестьдесят семь человек.

– Как шестьдесят семь? Могилу вырыли на девяносто человек, – недоумевающе, но совершенно спокойно, эпически, даже как бы нехотя, протянуло начальство.

Камера замерла, ощущая дыхание смерти. Все как бы оцепенели.

– Ах, да, – спохватилось начальство, – я забыл, тридцать человек будут расстреливать из Особого Отдела.

Потянулись кошмарные, бесконечные, длинные часы ожидания смерти. Бывший в камере священник каким-то чудом сохранил нагрудный крест, надел его, упал на колени и начал молиться. Многие, в том числе один коммунист, последовали его примеру. Кое-где слышались рыдания. В камеру доносились звуки расстроенного рояля, слышны были избитые вальсы, временами сменявшиеся разухабисто веселыми русскими песнями, раздирая и без того больную душу смертников – это репетировали культ-просветчики в помещении бывшей тюремной церкви, находящейся рядом с нашей

камерой. Так по злой иронии судьбы переплеталась жизнь со смертью»³¹⁵.

«В камеру доносились звуки расстроенного рояля»... Действительно жутко в «преддверии могилы». И эту «психическую пытку» испытывает всякий, на глазах у кого открыто готовят расстрел. Я помню один вечер в июле 1920 г. в Бутырской тюрьме. Я был в числе «привилегированных» заключенных. Поздно вечером на тюремном дворе, когда он был уже пуст, случайно мне пришлось наблюдать картину – не знаю жуткую или страшную, но по своему неестественному контрасту врезавшуюся в память, как острая игла.

В тюремном коридоре, где были заключенные коммунисты, шло разухабистое веселье – рояль, цыганские песни, рассказчик анекдотов. Это был вечер с артистами, устроенный администрацией для преступников в «доме лишения свободы». Песни и музыка неслись по тюремному двору. Я молча сидел, и нечаянно глаза обратились на «комнату душ». Здесь у решетки я увидел исковерканный судорогами облик, прильнувший к окну и жадно хватавший воздух губами. То была одна из жертв, намеченных к расстрелу в эту ночь. Было их несколько, больше 20, и ждали они своего черед. «Комиссар смерти» увозил их небольшими группами...

Я не помню дальнейшего. Но впредь я боялся выходить в неуказанное время на тюремный двор... Мне вспомнились соответствующие строки из «Бытового явления» В. Г. Короленко, где автор приводит письмо, полученное им от заключенного, присутствовавшего в тюрьме в момент, когда в стенах ее должна была совершиться смертная казнь. Тюрьма затихла. Словно она умерла, и никто не смел нарушить этого гробового молчания. Очерствело ли человеческое сердце от того, что стало слишком уже повседневным, или слишком уже малоценной стала человеческая жизнь, но только и к казни стали привыкать. Вот ужас нашего психического бытия. Я не могу не привести картины, набросанной тем же корреспондентом «Последних Новостей»³¹⁶ из Могилева: «Накануне заседания Гомельской выездной сессии на всех углах были расклеены объявления о публичном суде

дезертиров в здании театра. Я пошел. Сидит тройка и судит сотню дезертиров. Председатель кричит на подсудимого и присуждает к расстрелу. Я выбежал из залы. У входа в фойе наткнулся на публику, преспокойно покупающую билеты на вечерний спектакль»...

А сами смертники? – Одни молчаливо идут на убой, без борьбы и протеста в глубокой апатии дают себя связывать проволокой. «Если бы вы видели этих людей, приговоренных и ведомых на казнь, – пишет сестра Медведева – они были уже мертвы»... Другие униженно, безуспешно молят палачей; третья активно борются и избитые насильно влекутся в подвал, где ждет их рука палача. Надо ли приводить соответствующую вереницу фактов. «Жутко становилось, за сердце захватывало, – пишет Т. Г. Куракина в своих воспоминаниях про Киев³¹⁷ – когда приходили вечером за приговоренными к расстрелу несчастными жертвами. Глубокое молчание, тишина воцарялись в комнате, эти несчастные обреченные умели умирать: они шли на смерть молча, с удивительным спокойствием – лишь по бледным лицам и в одухотворенном взгляде чувствовалось, что-то уже не от мира сего. Но еще более тяжелое впечатление производили те несчастные, которые не хотели умирать. Это было ужасно. Они сопротивлялись до последней минуты, цеплялись руками за нары, за стены, за двери; конвоиры грубо толкали их в спины, а они плакали, кричали обезумевшим от отчаяния голосом, – но палачи безжалостно тащили их, да еще глумились над ними, приговаривая: что, не хочешь к стенке стать? не хочешь, – а придется». Очевидно не из-за страха смерти, а в ужасе перед палачеством многие пытаются покончить с собой самоубийством перед расстрелом. Я помню в Бутырьках татарина, мучительно перерезавшего себе горло кусочком стекла в минуты ожидания увода на расстрел. Сколько таких фактов самоубийств, вплоть до самосожжения, зарегистрировано уже, в том числе в сборнике «Че-Ка», в материалах Деникинской комиссии. Палачи всегда стремятся вернуть к жизни самоубийцу. Для чего? Только для того, чтобы самим его добить. «Коммунистическая» тюрьма следит за тем, чтобы жертва не ушла от «революционного правосудия»...

В материалах Деникинской комиссии зарегистрированы потрясающие факты в этой области. Привезли в морг в Одессе трупы расстрелянных. Извозчик заметил, что одна из женщин «кликает» глазами и сообщил служителю. В морге женщина очнулась и стала, несмотря на уговоры служителя, в полусознании кричать: «мне холодно», «где мой крест?» (Другой очевидец говорит, что она стала кричать, так как рядом увидела труп мужа). Убийцы услышали и... добились. Другой свидетель рассказывает об очнувшемся в гробу – также добились. Третий случай. Крышка одного из гробов при зарытии поднялась и раздался крик: «Товарищи! я жив». Телефонировали в Ч.К.; получили ответ: прикончите кирпичем. Звонят в высшую инстанцию – самому Вихману. Ответ смешливый: «Будет реквизирован и прислан лучший хирург в Одессе». Шлется чекист, который убивает из револьвера недобитого.

Процитирую еще раз строки, которыми закончил свои очерк автор статьи «Корабль смерти»³¹⁸.

«Караящий меч преследует не только прямых врагов большевицкого государства. Леденящее дыхание террора настигает и тех, чьи отцы и мужья лежат уже в братских могилах. Потрясенные нависшим несчастьем и ждущие томительными месяцами катастрофы, матери, жены и дети узнают о ней лишь много спустя, по случайным косвенным признакам, и начинают метаться по чекистским застенкам, обезумевшие от горя и неуверенные в том, что все уже кончено...

Мне известен целый ряд случаев, когда М.Ч.К. для того, чтобы отделаться, – выдавала родным ордера на свидание с теми, кто заведомо для нее находился уже в Лефортовском морге.

Жены и дети приходили с «передачами» в тюрьмы, но, вместо свиданий, им давался стереотипный ответ: В нашей тюрьме не значится. Или загадочное и туманное: Уехал с вещами по городу...

Ни официального уведомления о смерти, ни прощального свидания, ни хотя бы мертвого уже тела для бережного семейного погребения...

Террор большевизма безжалостен. Он не знает пощады ни к врагам, ни к детям, оплакивающим своих отцов».

И когда в таких условиях поднимается рука мстителя, может ли общественная совесть вынести осуждение акту мщения по отношению тех, кто явился творцом всего сказанного? Мне вспоминаются слова великого русского публициста Герцена, написанные более 50 лет тому назад. Вот эти строки: «Вечером 26-го июня мы слышали после победы Национала под Парижем, правильные залпы с небольшими расстановками... Мы все глянули друг на друга; у всех лица были зеленые... «Ведь это расстреливают», сказали мы в один голос и отвернулись друг от друга. Я прижал лоб к стеклу окна. За такие минуты ненавидят десятки лет, мстят всю жизнь. Горе тем, кто прощает такие минуты»³¹⁹.

То были безоружные враги, а здесь... самые близкие родные...

В воспоминаниях С. М. Устинова³²⁰ есть описание жуткой сцены: «на главной улице, впереди добровольческого отряда крутилась в безумной, дикой пляске растерзанная, босая женщина... Большевики, уходя в эту ночь, расстреляли ее мужа»...

Издевательства над женщинами

Прочтите сообщения о насилиях, творимых над женщинами, и удивитесь ли вы неизбежной, почти естественной мести.

В той изумительной книге, которую мы так часто цитируем, и в этом отношении мы найдем не мало конкретного материала. Не достаточно ли сами по себе говорят нижеследующие строки о том, что вынуждены терпеть женщины в Холмогорском концентрационном лагере³²¹. «... Кухарки, прачки, прислуга берутся в администрацию из числа заключенных, а притом нередко выбирают интеллигентных женщин. Под предлогом уборки квартиры помощники коменданта (так поступал, напр., Окрен) вызывают к себе девушек, которые им приглянулись, даже в ночное время... И у коменданта и у помощников любовницы из заключенных. Отказаться от каких-либо работ, ослушаться администрацию – вещь недопустимая: заключенные настолько запуганы, что безропотно выносят все издевательства и грубости. Бывали случаи протеста – одна из таких протестанток, открыто выражавшая свое негодование, была расстреляна (при Бачулисе). Раз пришли требовать к помощнику коменданта интеллигентную девушку, курсистку, в три часа ночи; она резко отказалась идти и что же – ее же товарки стали умолять ее не отказываться, иначе и ей и им – всем будет плохо».

В Особом Отделе Кубанской Чеки, «когда женщин водят в баню, караул устанавливается не только в раздевальне, но и в самой бане»... Припомните учительницу Домбровскую, изнасилованную перед расстрелом... Одну молодую женщину, приговоренную к расстрелу за спекуляцию, начальник контрразведки Кисловодской Ч.К. «изнасиловал, затем зарубил и глумился над ее обнаженным трупом»³²². В черниговской сатрапии, как рассказывает достоверный свидетель в своих ненапечатанных еще воспоминаниях – при расстреле жены ген. Ч. и его двадцатилетней дочери, последняя предварительно была изнасилована. Так рассказывали свидетелю шоферы, возившие их на место убийства...

Вокруг женщин, бившихся в истерике на полу, толпились их палачи. Пьяный смех и матерщина. Грязные шутки, расстегивание платья, обыск... «Не троньте их» – говорил дрожащим от испуга голосом старший по тюрьме, не чекист, а простой тюремный служащий. «Я ведь знаю, что вам нельзя доверять женщин перед расстрелом...» Это из описания ночи расстрела в Саратове 17-го ноября 1919 года. Об изнасиловании двух социалисток в Астрахани мы читаем сообщение в «Революционной России»³²³.

Так повсеместно. Недавно в выходящем в Берлине «Анархическом Вестнике»³²⁴ одна из высланных анархисток рассказывала о вологодской пересыльной тюрьме: «Уходя надзирательница предупреждала нас, чтобы мы были на стороже: ночью к нам может придти с известными целями надзиратель или сам заведующий. Такой уже был обычай. Почти всех приходящих сюда с этапами женщин используют. При этом почти все служащие больны и заражают женщин... Предупреждение оказалось не напрасным»...

Я помню в Бутырках в мужском одиночном корпусе на верхнем этаже, где было отделение строгой тюрьмы Особого Отдела, произошел случай изнасилования заключенной. Конвой объяснил, что арестованная добровольно отдалась за ½ фунта хлеба. Пусть будет так. За пол фунта плохого черного хлеба! Неужели нужны какие-нибудь комментарии к этому факту? Об изнасилованиях в Петербурге говорит Синовари в своих показаниях на процессе Конради.

Но вот материал иного рода из деятельности той же Кубанской Чрезвычайной Комиссии.

«Этот маленький станичный царек, в руках которого была власть над жизнью и смертью населения, который совершенно безнаказанно производил конфискации, реквизиции и расстрелы граждан, был пресыщен прелестями жизни и находил удовольствие в удовлетворении своей похоти. Не было женщины, интересной по своей внешности, попавшейся случайно на глаза Сараеву, и не изнасилованной им. Методы насилия весьма просты и примитивны по своей дикости и жестокости. Арестовываются ближайшие родственники

намеченной жертвы – брат, муж или отец, а иногда и все вместе, приговариваются к расстрелу. Само собой разумеется, начинаются хлопоты, обивание порогов «сильных мира». Этим ловко пользуется Сараев, делая гнусное предложение в ультимативной форме: или отдаться ему за свободу близкого человека, или последний будет расстрелян. В борьбе между смертью близкого и собственным падением, в большинстве случаев жертва выбирает последнее. Если Сараеву женщина особенно понравилась, то он «дело» затягивает, заставляя жертву удовлетворить его похоть и в следующую ночь и т. д. И все это проходило безнаказанно в среде терроризованного населения, лишенного самых элементарных прав защиты своих интересов».

«В станице Пашковской председателю исполкома понравилась жена одного казака, бывшего офицера Н. Начались притеснения последнего. Сначала начальство реквизировало половину жилого помещения Н., поселившись в нем само. Однако, близкое соседство не расположило сердца красавицы к начальству. Тогда принимаются меры к устранению помехи – мужа, и последний, как бывший офицер, значит контрреволюционер, отправляется в тюрьму, где расстреливается.

Фактов эротического характера можно привести без конца. Все они шаблонны и все свидетельствуют об одном – бесправии населения и полном, совершенно безответственном произволе большевицких властей...».

«– Вы очень интересная, ваш муж недостоин вас, – заявил г-же г. следователь чекист, и при этом совершенно спокойно добавил, – вас я освобожу, а мужа вашего, как контрреволюционера, расстреляю; впрочем, освобожу, если вы, освободившись, будете со мною знакомы... Взволнованная, близкая к помешательству рассказала г. подругам по камере характер допроса, получила совет во что бы то ни было спасти мужа, вскоре была освобождена из Чеки, несколько раз в ее квартиру заезжал следователь, но... муж ее все-таки был расстрелян.

Сидевшей в Особом Отделе жене офицера М. чекист предложил освобождение при условии сожительства с ним. М. согласилась и была освобождена, и чекист поселился у нее, в ее доме.

– Я его ненавижу, – рассказывала М. своей знакомой госпоже Т., – но что поделаете, когда мужа нет, на руках трое малолетних детей... Впрочем, я сейчас покойна, ни обысков не боюсь, не мучаешься, что каждую минуту к тебе ворвутся и потащат в Чеку».

Я мог бы пополнить этот перечень аналогичными случаями из практики московских учреждений, и не только московских. Из авторитетного источника я знаю о факте, который свидетельствует, что один из самых крупных чекистов повинен в таком убийстве... Не имея права в данный момент указать источник, не называю и фамилии.

«Каждый матрос имел 4–5 любовниц, главным образом из жен расстрелянных и уехавших офицеров» – рассказывает цитированный нами выше свидетель на лозаннском процессе о крымской эпопее. «Не пойти, не согласиться – значит быть расстрелянной. Сильные кончали самоубийством. Этот выход был распространен». И дальше: «пьяные, осатаневшие от крови, вечером, во время оргий, в которых невольно участвовали сестры милосердия, жены арестованных и уехавших офицеров и другие заложницы – брали список и ставили крест против не понравившихся им фамилий. «Крестники» ночью расстреливались»... В Николаевских Ч.К. и Трибунал – показывает один из свидетелей в Ден. комиссии, – происходили систематические оргии. В них заставляли принимать участие и женщин, приходивших с ходатайством об участии родственников, – за участие арестованные получали свободу. В показаниях киевской сестры милосердия Медведевой той же комиссии зафиксирована редкая по своему откровенному цинизму сцена. «У чекистов была масса женщин», – говорит Медведева. – «Они подходили к женщине только с точки зрения безобразий. Прямо страшно было. Сорин любил оргии. В страстную субботу в большом зале бывш. Демченко происходило следующее. Помост. Входят две просительницы с

письмами. На помосте в это время при них открывается занавес и там три совершенно голые женщины играют на рояле. В присутствии их он принимает просительниц, которые мне это и рассказали».

Тщетны в условиях российского быта объявления каких-то «двухнедельников уважения к женщине», которые пропагандировала недавно «Рабочая газета» и «Пролетарская правда»! Ведь пресловутая «социализация женщин» и так называемые «дни свободной любви», которые вызвали столько насмешки и в большевицкой и в меньшевицкой печати, как факты проявления произвола на местах, несомненно существовали. Это установлено даже документами.

«Ущемление буржуазии»

«Террор – это убийство, пролитие крови, смертная казнь. Но террор не только смертная казнь, которая ярче всего потрясает мысль и воображение современника... Формы террора бесчисленны и разнообразны, как бесчисленны и разнообразны в своих проявлениях гнет и издевательство... Террор это – смертная казнь везде, во всем, во всех его закоулках»... Так пишет в своей новой книге «Нравственный лик революции»³²⁵ один из деятелей октябрьских дней, один из создателей того государственного здания, той системы, в которой «смертная казнь лишь кровавое увенчание, мрачный апофеоз системы», «упорно день за днем» убивающей «душу народа». Как жаль, что г. Штейнберг написал это в Берлине в октябре 1923 г., а не в октябре 1917 г.

Поздно уже говорить о «великом грехе нашей революции» теперь, в атмосфере «неисчерпаемой душевной упадочности», которую мы наблюдаем. Но несомненно, чтобы объять всю совокупность явлений, именуемых «красным террором», надо было бы набросать картины проявления террора и во всех остальных многообразных областях жизни, где произвол и насилие приобрели небывалое и невиданное еще место в государственной жизни страны. Этот произвол ставил на карту человеческую жизнь. Повсюду не только заглушено было «вольное слово», не только «тяжкие цензурные оковы легли на самую мысль человеческую», но и не мало русских писателей погибло под расстрелами в казематах и подвалах «органов революционного правосудия». Припомним хотя бы А. П. Лурье, гуманнейшего нар. соц., расстрелянного в Крыму за участие в «Южных Ведомостях», с.-р. Жилкина, редактора архангельского «Возрождения Севера», Леонова – редактора «Северного Утра», Элиасберга – сотрудника одесских газет «Современное Слово» и «Южное Слово», виновного в том, что «дискредитировал советскую власть в глазах западного пролетариата», плехановца Бахметьева, расстрелянного в Николаеве за сотрудничество в «Свободном Слове»; с.-д.

Мацкевича – редактора «Вестника Временного Правительства»; А. С. Пругавина, погибшего в Ново-Николаевской тюрьме, В. В. Волк-Карачевского, умершего от тифа в Бутырках, Душечкина – там же. Это случайно взятые нами имена. А сколько их! Сколько деятелей науки! Те списки, которые были недавно опубликованы за границей союзом академических деятелей, неизбежно страдают большой неполнотой.

Оставим пока эти тяжелые воспоминания в стороне. Мы хотим остановиться лишь еще на одной форме терроризирования населения, в своей грубости и бессмысленности превосходящей все возможное. Мы говорим о так называемом «ущемлении буржуазии». Этим «ущемлением буржуазии», распространявшимся на всю интеллигенцию, отличался в особенности юг³²⁶. Здесь были специально назначаемые дни, когда происходили поголовные обыски и отбиралось даже почти все носильное платье и белье – оставлялось лишь «по норме»: одна простыня, два носовых платка и т. д. Вот, например, описание такого дня в Екатеринодаре в 1921 г., объявленного в годовщину парижской коммуны³²⁷: «Ночью во все квартиры, населенные лицами, имевшими несчастье до революции числиться дворянами, купцами, почетными гражданами, адвокатами, офицерами, а в данное время врачами, профессорами, инженерами, словом «буржуями», врывались вооруженные с ног до головы большевики с отрядом красноармейцев, производили тщательный обыск, отбирая деньги и ценные вещи, вытаскивали в одном носильном платье жильцов, не разбирая ни пола, ни возраста, ни даже состояния здоровья, иногда почти умирающих тифозных, сажали под конвоем в приготовленные подводы и вывозили за город в находившиеся там различные постройки. Часть «буржуев» была заперта в концентрационный лагерь, часть отправлена в город Петровок на принудительные работы (!!) на рыбных промыслах Каспийского моря. В продолжении полутора суток продолжалась кошмарная картина выселения нескольких сот семей... Имуущество выселенных конфисковалось для раздачи рабочим. Мы не знаем, попало ли оно в руки рабочих, но хорошо знаем, что на рынок оно попало

и покупалось своими бывшими владельцами у спекулянтов, а угадывание своих костюмов у комиссаров, на их женах и родственниках сделалось обычным явлением».

Мы должны были бы нарисовать и картины произвольных контрибуций, особенно в первые годы большевицкого властвования, доходивших до гиперболических размеров. Невнесение этих контрибуций означало арест, тюрьму, а, может быть, и расстрел, при случае, как заложников.

Я думаю, что для характеристики этих контрибуций – «лепты на дело революции» – достаточно привести речь прославленного большевицкого командующего Муравьева при захвате в феврале 1918 г. Одессы, произнесенную им перед собранием «буржуазии»³²⁸.

«Я приехал поздно – враг уж стучится в ворота Одессы... Вы, может быть, рады этому, но не радуйтесь. Я Одессы не отдам... в случае нужды от ваших дворцов, от ваших жизней ничего не останется... В три дня вы должны внести мне десять миллионов рублей... Горе вам, если вы денег не внесете... С камнем я вас в воде утоплю, а семьи ваши отдам на растерзание».

Может быть, все это и действительно не так было страшно. Это пытается доказать А. В. Пешехонов в своей брошюре: «Почему я не эмигрировал?» Теория от практики отличалась, и Муравьев не утопил представителей одесской буржуазии и общественности. Но по описанию того, что было, напр., в Екатеринодаре, подтверждаемое многими рассказами очевидцев, мною в свое время записанными, ясно, что так называемое «ущемление буржуазии» или «святое дело восстановления прав пролетариев города и деревни» не такое уже явление, над которым можно было лишь скептически подсмеиваться. У Пешехонова дело идет об объявленном большевиками в Одессе через год после экспериментов Муравьева (13-го мая 1919 г.) «дне мирного восстания», во время которого специально сформированными отрядами (до 60) должны были быть отобраны у «имущих классов» излишки продовольствия, обуви, платья, белья, денег и пр. В книге Маргулиеса «Огненные годы» мы найдем обильный материал

для характеристики методов осуществления «дня мирного восстания», согласно приказу Совета Рабочих Депутатов, который заканчивался угрозой ареста неисполнивших постановления и расстрела сопротивляющихся. Местный исполком выработал детальнейшую инструкцию с указанием вещей, подлежащих конфискации – оставлялось по 3 рубахи, кальсон, носков и пр. на человека.

«Иной черт «вовсе не так страшен, как малюют», – пишет по этому поводу А. В. Пешехонов.

«Обыватели пришли в неопишное смятение и в ужасе метались, не зная, что делать, куда спрятать хотя бы самые дорогие для них вещи. А я только посмеивался: да ведь это же явная нелепица! Разве можно обобрать в один день несколько сот тысяч людей и еще так, чтобы отыскать запрянные ими по разным щелям деньги?! Неизбежно произойдет одно из двух: либо большевицкие отряды застрянут в первых же домах, либо организованный грабеж превратится в неорганизованный, в нем примет участие уличная толпа, и большевикам самим придется усмирять «восставших». Действительно, отряды застряли в первых же квартирах, а тут произошла еще неожиданность: в рабочих кварталах их встретили руганью, а затем дело очень скоро дошло и до выстрелов. Большевикам пришлось спешно прекратить свое «мирное восстание», чтобы не вызвать вооруженного восстания пролетариата... В 1920 г. им, кажется, удалось осуществить «изъятие излишков» в Одессе, но меня уже там не было и, как оно было организовано, я не знаю. Вероятно, многим так или иначе удалось уклониться от него. В Харькове же и в 1920 году отобрание излишков не было доведено до конца. Сначала шли по всем квартирам сплошь, на следующую ночь обходили уже по выбору, отыскивая наиболее буржуазные квартиры, а затем – в виду влиятельных протестов и бесчисленных жалоб на хищения – и вообще обход прекратили. До квартиры, где я жил, так и не дошли» (стр. 15).

Не вышло в действительности и в Одессе. «Дело в том, – пишет Маргулиес – что большевики сделали огромную тактическую ошибку, не освободив от обысков квартир рабочих, мелких советских служащих и т. д.»... «когда о мирном

восстании стало известным во всем городе – началась страшная паника. Я не говорю о буржуазии, а именно о рабочих... Большинство заводов прекратило работу, и «коммунисты» разбежались по своим домам защищать свою собственность от незаконного посягательства. Разыгрывались дикие сцены; комиссии, состоявшие по преимуществу из мальчишек и подозрительных девиц, встречались проклятиями, бранью, а во многих случаях дело доходило даже до применения физического воздействия и кипятка... Страсти разгорелись... Ничего другого не оставалось, как с болью в сердце реквизиции приостановить; иначе отдельные случаи сопротивления могли вылиться в подлинный народный бунт.

В час дня («мирное восстание» началось в девять) появилась экстренная летучка с приказом приостановить обыски. На другой день исполком обратился со специальным воззванием к рабочим: ...«Больно сознавать, что рабочие как бы заступились за буржуазию». Да, не так страшен черт, как его малюют! Исполком пояснял, что в «инструкции нельзя было указать, что в «рабочих кварталах обысков не будет, потому что тогда буржуазия кинулась бы туда прятать награбленное и запрятанное ею! Произошло «печальное недоразумение, которое сорвало важное для рабочих дело».

За месяц перед тем на Одессу была наложена контрибуция в 500 мил. Что же это, тоже была лишь фикция? Выселение из домов в Одессе, как и в других городах, в 24 часа также далеко не фикция. Не фикцией было то, что во Владикавказе на улицах ловили насильно женщин для службы в лазаретах; не фикцией были и те принудительный работы, которые налагались на буржуазию в Севастополе и в других городах Крыма. Мы найдем яркое описание этих работ в Деникинских материалах. «На работы были отправляемы – рассказывает один из свидетелей – все мужчины, носящие крахмальные воротнички, и все женщины в шляпах». Их ловили на улицах и партиями выгоняли за город рыть окопы. «Впоследствии ловлю на улицах заменили ночные облавы по квартирам. Захваченных «буржуев» сгоняли в милиционные участки и утром мужчин, не считаясь с возрастом, отправляли десятками на погрузку вагонов и на

окопные работы. Работать с непривычки было тяжело, работа не спорилась не по лености, а по слабости, неумелости и старости работников, и все же ругань и плеть надсмотрщиков постоянно опускалась на спину временному рабочему.

Женщины посылались чистить и мыть солдатские казармы и предназначенный для въезда комиссаров и коммунистических учреждений помещения. Наряды на работу молодых девушек, из одного желания поглумиться над ними, были сделаны в Совастополе в первый день Святой Пасхи. Девушки были днем внезапно вызваны в участки и оттуда их направили мыть, убирать и чистить загрязненные до нельзя красноармейские казармы. Девушкам-гимназисткам по преимуществу не позволяли ни переодеть свои праздничные платья, ни взять какие-либо вспомогательные предметы для грязной уборки. Комиссары револьвером и нагайкой принудили их очистить отхожие места руками»³²⁹.

Неделя «отбирания излишек» была проведена и в Киеве.

Прав бывший комиссар большевицкой юстиции, утверждающий в своей книге, что произвольные, диктуемые неизвестными нормами выселения, реквизиции, конфискации «лишь по виду цепляющиеся за сытых и праздных, а по существу бьющие по голодным и усталым» сами по себе являются формой проявления террора, когда эти контрибуции сопровождаются приказами типа приказа № 19, изданного 9-го апреля 1918 г. во Владикавказе: «Вся буржуазия, как внесшая, так и невнесшая контрибуцию обязана явиться сегодня в 8 час. вечера в здание Зимнего театра. Неявившиеся подвергнутся расстрелу» – это уже террор в самом прямом смысле этого слова. Недостаточно ли привести цитаты из «беседы» Петерса с коммунистическими журналистами, напечатанной в киевских «Известиях» 29-го августа 1919 г. «Я вспоминаю – говорил Петерс – как питерские рабочие откликнулись на мой призыв – произвести в массовом масштабе обыски у буржуазии. До двадцати тысяч рабочих, работниц, матросов и красноармейцев приняли участие в этих облавах. Их работа была выше всякой похвалы... У буржуазии, в результате всех обысков, было найдено приблизительно две тысячи бомб (!!), три тысячи

призматических биноклей, тридцать тысяч компасов и много других предметов военного снаряжения. Эти обыски дали возможность попасть на след контрреволюционных организаций, которые потом были раскрыты во всероссийском масштабе»...

К сожалению – говорил дальше Петерс – у нас в Киеве этого порядка нет... Мародеры и спекулянты, вздувающие цены, прячут продовольствие, которое так необходимо городу. Вчера во время обысков были найдены продовольственные запасы. Владельцы их, не исполнявшие моего приказа о регистрации этих запасов, будут подвергнуты высшей мере наказания».

Это уже не фикция. И в том же № «Известий» дана наглядная иллюстрация в виде 127 расстрелянных. Не фикцией были и заложники, которых брали и которые так часто расплачивались в дни гражданской войны своею жизнью. И не только при эвакуациях, но и при обнаружении фиктивных, провокационных или действительных заговоров против Советской власти.

Тюрьма и ссылка

Заложники и те, кого можно назвать фактическими «заложниками», переполняют тюрьмы и всякого рода концентрационные лагеря. Как там живут?

Это мы видели уже из описания подобного лагеря на далеком севере. Допустим, что этот «дом ужасов» все же исключение. Ведь нельзя себе представить, что только такие ужасы царят в стране. Но и обыденная тюремная жизнь в Советской России, и особенно в тюрьмах, находящихся в непосредственном ведении Чрезвычайных Комиссий, подчас какой-то сплошной кошмар: «так не делали с нами на каторге в дни царского режима» – писала в 1919 г. левая с.-р. Спиридонова, та самая, которая подняла знамя поддержки большевиков в дни октябрьского переворота в 1917 г. Нетрудно, конечно, себе представить, как должна идти жизнь, каково должно быть содержание заключенных в саратовских и царицынских «барках», превращенных за переполнением мест заключения во временные тюрьмы.

В этих тюрьмах, в этих концентрационных лагерях их создатели словно нарочно измышляли меры издевательства над людьми. Никогда прежняя тюрьма не знала столь изоощренных издевательств, которые имеют место в настоящее время пишут составители меморандума о советских тюрьмах в 1921 г.³³⁰ Кара, Зарентуй, Сахалин бледнеют при свете современности. Все действительно меркнет перед фактами, когда заключенных гоняют на принудительные работы по закапыванию трупов расстрелянных³³¹; когда женщин заставляют отмывать кровь в камерах после расстрелов, мыть стены с остатками человеческих мозгов – быть может, их родственников: это уже своего рода пытки. Но издеательства ежечасны – например, заставляют чистить отхожие места голыми руками; об этом свидетельствуют все решительно показания, данные в Деникинской Комиссии. Для черных работ в Одессе специально требовали «буржук с французского бульвара»; когда тошнило и рвало при уборке нечистот столь

примитивными, специально избираемыми способами, тогда «били прикладами». Чистка клоак голыми руками являлась обычным приемом и в других местах: не избег этой участи и ген. Рузский. Политических помещают в заразные бараки (были и такие случаи); в Феодосии «буржуев», выводимых для подметания улиц, наряжают в реквизированные цилиндры, в Пятигорске кричат на заключенных: «пошли в свои конуры, барбосы» и т. д.

Издевательства, действительно, как бы специально изобретаются. Ночные допросы, ночные обыски. Возьмут ночью и неожиданно переведут всю камеру в подвал. Продержат два дня и ведут назад. Это рассказывается про одесское тюремное бытие... Эти ночные обыски, эти ночные переводы из камеры в камеру и т. д. мы испытывали и на себе в Москве. Все это было бы бессмысленно, если бы это не было особой формой издевательства над заключенными, особой формой воздействия на психику.

«Концентрационные лагеря – говорили однажды заключенные с.-р. в заявлены В.Ц.И.К. – «места дикой расправы, очаги небывалых эпидемий, массового вымирания». И снова здесь нет преувеличения со стороны потерпевших. Мы приводили выше статистику смерти в Холмогорском лагере. В Архангельском лагере в 1922 г. из 5000 заключенных в нем кронштадтцев осталось всего 1500³³². Таким образом и без расстрелов из тысяч остаются сотни.

На бывших тюрьмах часто можно прочесть теперь надпись: «Советский дом лишения свободы», в действительности это нечто гораздо худшее, чем прежний «каторжный централ», хотя бы по внешним условиям быта. Когда в какой тюрьме висели правила, запрещавшие не только чтение, но и прогулки «как правило»?!

Таковы официальные правила так называемой внутренней тюрьмы Особого Отдела В.Ч.К. в Москве, где придуманы еще особые железные щиты (помимо решетки), которые с внешней стороны закрывают окна – отсюда всегдашняя полутемнота в камерах. Одиночки на Гороховой улице в Петрограде, где помещается тюрьма местной Ч.К., представляют собой как бы

«деревянные гробы» (камера 3 арш. длины и 1 ½ – ширины, без окон, таким образом без дневного света). Там, где при самодержавии было 3 одиночки, теперь сделано 13 с нагрузкой до 24 человек³³³. Режим здесь такой же, как в «Особом Отделе В.Ч.К.» в Москве. В Киеве в карцер превращен стенной шкаф, где одна из сестер милосердия однажды нашла запертыми трех арестованных: старика, его дочь и мужа ее, офицера. А сырые, темные подвалы? С.-р. Самородову в Баку в 1922 г. держали около месяца «буквально в склепе, в глубоком подвале, без окон, в абсолютной темноте день и ночь». В таких же «зловонных подвалах, без окон, без света» в период следствия сидели и другие обвиняемые (и рабочие и интеллигенты) по бакинскому с.-р. процессу. 16-летний гимназист «на сутки поставлен был в подвал с мазутом на битое стекло и гвозди»...³³⁴

В старых тюрьмах арестованных хотя бы кормили. А здесь? В 1918 г. в московских местах заключения давали одну восьмушку хлеба и баланду с миниатюрными дозами полугнилой картошки и капусты³³⁵. При этом повсеместно практикуется способ «наказания» и способ добиться нужных показаний – запрещение в течение месяцев передачи каких-либо продуктов съестных от родственников³³⁶.

Следствием этого была колоссальная смертность от прямого истощения – до 75% в тюремной больнице. Начальник Таганской тюрьмы официально доносил, и большевики печатали³³⁷, что 40% смертей от голода. Печатали в те дни, когда нашлось несколько «сентиментальных» большевиков, пришедших в смятение от того, что им пришлось узнать и увидеть. «Кладбище живых» – так была озаглавлена статья Дьяконова, напечатанная в «Известиях»³³⁸. Автор писал о камерах подследственного Отделения в Таганской тюрьме: «Несколько камер переполнены больными с температурой до 38–40°. Здесь все вместе: сыпной тиф и «испанка». Эти полумертвые существа лежат по неделе и больше; в больницу не отправляют. Температура в камере 5–7 градусов, доходит и до 3-х. Некоторые больные прикрыты тонким одеялом, а у некоторых и того нет; прикрываются шинелями. Простынь нет,

наволлок тоже; на грязных досках лежит что-то в роде матрасика без соломы. На теле до 2-х месяцев не смененное белье. Лица изможденные, тела словно тени. Выражение глаз – людей, ждущих очереди смерти. Хотя бы один санитар на всех больных количеством до 100 человек – никого.

Сопровождающий врач, который провел в этой тюрьме до 20 лет, служивший при всяких режимах, говорит, что случаи голодной смерти в последнее время часты. Тиф и «испанка» каждый день получают дань в несколько человек.

Во всех остальных корпусах и одиночках та же грязь, те же изнуренные лица; из-за железных клеток голодные, молящие глаза и протягивающиеся исхудавшие руки. Страдальческий стон почти тысячи людей об амнистии и о том, что они сидят без допроса 2 – 3 месяца, без суда свыше года, превращает виденное в жуткую картину какого-то кошмарного видения.

Но довольно фактов.

Пусть способные хоть немного понять человеческие страдания дополнят это видение муками, которые переживает гражданин, попавший в этот дом ужаса. Да, живая душа, пробывшая там месяц за железными решетками и глухими стенами, испустила самое гнусное преступление.

А сколько сидит в заключении невинных!

Разве можно придумать более совершенную пытку, нежели бросить человека в клетку, лишить его тепла, воздуха, свободы двигаться, отдыха, изредка кормить его и дать его живым на медленное съедение паразитам, от которых может спасти сама только смерть...

Это позор для нашей коммунистической республики, безобразие, которое мы больше не потерпим.

Контролеры, судьи, комиссары, коммунисты, просто чиновники и все, все. Вы слышите?

Спешите скорей, не ждите кровавых трагедий, разройте могилы с заживо погребенными. Если ничего не можете сделать срочно, пользуйтесь амнистией.

Нам не столь опасны те сотни преступников, выпущенные на свободу, сколь опасно существование подобной тюрьмы.

Коммунизм и революция в помощи таких «мертвых домов» не нуждается. Найдем иные средства защитить ее».

В другой статье тот же автор писал: «Письма из других мест заключения Москвы и провинции рисуют ту же жуткую картину «мертвых домов».

«Безобразия этого мы больше не потерпим»... Хорошо сказано в то время, когда людей, заключенных в казематах Ч.К., просто содержат, как скот – иногда по несколько сот в помещении, рассчитанном на несколько десятков, среди миллиарда паразитов, без белья и пищи...

Один из самых видных и заслуженных русских публицистов, уже в преклонном возрасте арестованный в Крыму в 1921 г., был заключен в подвал, где мужчины сидели вместе с женщинами. Он пробыл здесь шесть дней. Теснота была такая, что нельзя было лечь. В один день привели столько новых арестованных, что нельзя было даже стоять. Потом пачками стали расстреливать и стало свободнее. Арестованных первые дни совсем не кормили, (очевидно, всех, попавших в подвал, считали обреченными). Холодную воду давали только раз в день. Передачи пищи вовсе не допускали, а родственников, ее приносивших, разгоняли холостым залпом в толпу...

Постепенно тюрьма регламентировалась, но в сущности мало что переменилось. «Кладбища живых» и «мертвые дома» стоят на старых местах, и в них идет та же жизнь прозябания. Пожалуй, стало в некоторых отношениях хуже. Разве мы не слышим постоянно сообщений о массовых избиениях в тюрьмах, об обструкциях заключенных³³⁹, о голодовках и таких, о которых мы не знали в царское время, (напр., с.-р. Тарабукин 16 дней) о голодовках десятками, сотнями и даже больше – однажды голодала в Москве вся Бутырская тюрьма: более 1000 человек; о самоубийствах и пр. Ошибочно оценивать эту большевицкую тюрьму с точки зрения личных переживаний. Люди нашего типа и в царское время всегда были до некоторой степени в привилегированном положении. Было время, когда социалисты, по крайней мере, в Москве пользовались особыми перед другими льготами. Они достигли этого протестами, голодовками, солидарным групповым действием они сломали

для себя установившийся режим. До времени – ибо жестоко расплатились за эти уступки и эти льготы.

Перед нами записка ныне официально закрытого в Москве политического Красного Креста, поданная в 1922 г. в Президиум В.Ц.И.К. Эта записка начинается словами: «Политический Красный Крест считает своим долгом обратить внимание Президиума на систематическое ухудшение в последнее время положения политических заключенных. Содержание заключенных вновь стало приближаться к практике, которую мы наблюдали в первые дни острой гражданской борьбы, происходившей на территории Советской России... Эксцессы, происходившие в нервной атмосфере 1918 г. ... теперь вновь воспроизводятся в повседневной практике»...

В России люди привыкли ко всему, привыкли и к тюрьме. И сидят эти сотни и тысячи заключенных, иногда безропотно, с «серым землистым опухшим лицом», с «тусклыми и безжизненными глазами»; сидят месяцами и годами в подвалах и казематах (с особыми железными щитами от света и воздуха) бывших Чрезвычайных комиссий, а ныне Отделов Государственного Политического Управления. «Всякий дух неповиновения и самостоятельности свирепо и беспощадно преследуется». И это положение одинаково будет для Одессы, Орла, Москвы и Петербурга, не говоря уже о глухой провинции.

Вот яркое описание политической ссылки Г. М. Юдович, отправленной осенью 1921 г. из Москвы в г. Устусольск Северо-Двинской губ., повествующее о странствованиях по провинциальным тюрьмам³⁴⁰.

«Поздно ночью прибыли мы в Вологодскую пересыльную тюрьму...

«Начальство встретило нас с первой же минуты самой отборной трех-этажной руганью. – Стань сюда!... Не смей! Не ходи! Молчать!...

Стали отбирать многие вещи. В нашем и без того крайне тяжелом, беспомощном положении каждая вещь – какая-нибудь лишняя ложка или чашка – имела важное значение. Я начала возмущаться и протестовать. Это, конечно, ни к чему не привело.

Затем стали «загонять» нас по камерам. Подошла я к двери предназначенной мне общей женской камеры и ахнула. Нет слов, чтобы передать этот невероятный ужас: в почти полной темноте, среди отвратительной клейкой грязи копошились 35–40 каких-то полуживых существ. Даже стены камеры были загажены калом и другой грязью...

Днем – новый ужас: питание. Кормят исключительно полусгнившей таранью. Крупы не выдают – берут себе. Благодаря тому, что Вологодская тюрьма является «центральной» и через нее непрерывной волной идут пересылаемые во все концы, – толчее происходит невероятная, и кухней никто толком не занимается. Посуда не моется. Готовится все пополам с грязью. В котлах, где варится жидкая грязная бурда, именуемая «супом», черви кишат в ужасающем количестве»...

За Вологодой Вятка.

«Условия здесь показались мне несколько лучше Вологодских. Камеры больше, и не такие уж загаженные. Я потребовала, было, умыться; но мне предложили, прежде всего, зайти в камеру, «а там видно будет»...

В большой женской камере – 40 человек. «Политическая» – я одна. В камере 9 откидных кроватей-коек, выложенных досками. Ни матрацев, ни подушек, ничего. На койках и просто на полу лежат оборванные, – некоторые почти голые, – полутрупы... Пол цементный. Почти никогда не моется...

Не припомню другой такой кошмарной ночи, как проведенная в Вятской тюрьме. Насекомых мириады. Заключение женщины мечутся, стонут, просят пить... У большинства – высокая температура. К утру 17 человек оказываются заболевшими тифом. Подымаем вопрос о переводе их в больницу – ничего не можем добиться...

В 8 час. веч. принесли «суп». Ничего подобного я еще не видала: суп сварен из грязных лошадиных голов; в темной вонючей жидкости плавают куски лошадиной кожи, волосы, какая-то слизь, тряпки... Картошка в супе нечищенная. Люди с звериной жадностью набрасываются на это ужасное хлебово,

глотают наперебой, дерутся из-за картофельной шелухи... Через несколько минут многих рвет.

Так заканчивается день, и снова наступает кошмарная ночь»...

В своих воспоминаниях Г. М. Юдович упоминает о том, что перед отправкой в ссылку была больна и поэтому подавала соответствующее заявление с указанием на то, что «раздета и следовательно на север ехать не может». Ответом на это заявление – была «немедленная отправка на север». И так всегда. Это как бы особая форма издевательств, которые производят над заключенными. Напр., 19-го октября 1920 г. из Ивановского лагеря в Москве поздно вечером экстренно была вызвана партия приговоренных к «принудительным работам» для отправки в Екатеринбург. Среди отправляемых были общественные деятели, известные всей интеллигентной России. Возьмем несколько хотя бы штрихов из описания этой поездки, составленного одним из ее непосредственных участников. «Среди отправленных (их было 96) были люди в возрасте 60–70 лет совершенно больные; все их просьбы об оставлении были напрасны. В довершение всего многие (пожалуй, большинство) не имели теплой верхней одежды, так как стояли сравнительно теплые дни, и 19-го как раз выпал первый большой снег сопровождавшийся вьюгой, у многих не было обуви, кроме лаптей, очень многие не имели никакого продовольствия. Со сборами страшно торопили, так что многие оставляли у себя в камере самые необходимые вещи. Часам к 8–8 $\frac{1}{2}$ отправляемым велено было выйти в стеклянную галерею, где было очень холодно, там ожидали более часа, потом там же произвели обыск увозимых вещей, потом вывели на двор, где после нескольких перекличек под усиленным конвоем отряда вохры вывели на улицу и шествие направилось к товарной станции Север. жел. дор. (Ярослав. вокзала). Во время пути конвой обращался с заключенными грубо, требовал идти скорее, хотя некоторым – старикам, обремененным вещами – идти быстро было трудно. В начале первого часа ночи пришли к вокзалу. Здесь ввиду неподготовленности вагонов и отсутствия лица, который должен принять заключенных и рассадить по

вагонам, нас заставили более трех с половиной часов простоять на открытом месте, на ветру, под вьюгой и снегом (стоял мороз в 10–15 гр.). Около часу ночи или позже была приведена партия заключенных из Андроньевского лагеря (около 30 чел.), которых поставили на некотором расстоянии от нас. Среди них мы узнали некоторых заключенных, за несколько недель перед тем отправленных из Ивановского лагеря в Андроньевский, якобы для переправки на родину (кстати в числе 96 чел. отправленных в ночь с 19 на 20 в Екатеринбург было 30–35 поляков, большинство которых принадлежало к категории «гражданских военнопленных»). В половине четвертого началась посадка в вагоны. Поезд тронулся в путь, однако, только в 9 – 10 часов утра, 20-го октября, так что непонятно, зачем нужна была такая спешка со сборами и мучительное ожидание на морозе на путях Сев. жел. дор.

Поезд состоял приблизительно из 60 вагонов, так как кроме заключенных из Ивановского лагеря и Андроньевского этим эшелоном отправляли около 100 чел. из Ордынского лагеря, по несколько десятков из Ново-Песковского и Покровского лагерей. Сверх того этим эшелоном отправлены были около 500 чел. слушателей политических курсов красных командиров (бывшие белые офицеры Колчаковской и Деникинской Армии) и 450 кандидатов к ним. (Всего, следовательно, арестованных, считая эти две последние категории, было от 1400 – 1500 чел.). Относительно курсантов и кандидатов к ним в пути и уже в Екатеринбург нам удалось узнать следующее. На краткосрочные (шестинедельные) политические курсы красных командиров отправлялись белые офицеры, которые в принципе допущены к занятию должностей в Красной Армии; до занятия последних они должны пройти эти курсы, на которых видные деятели Р. К. П. знакомят их с принципами сов. власти и коммунизма. Курсанты, отправленные в Екатеринбург, почти уже закончили курс, им оставалось всего несколько дней до окончания и до занятия должностей в Красной Армии. Они не считались арестованными, жили в помещении быв. Александровского военного училища. Накануне или утром 19 они внезапно были переведены в Кожуховский лагерь (12–15 в. от Москвы) без

объяснения причин перевода и в ночь с 19 на 20 присоединены к эшелону, отправленному в Екатеринбург. Что касается кандидатов, то они, привезенные из различных провинциальных лагерей для зачисления на те же курсы, ожидали своей очереди, т. е. окончания курса курсантами. Они были свободны. Часть жила в специальных общежитиях, другая же – жила на частных квартирах, лишь ежедневно являясь на регистрацию. В этот день, т. е. 19, явившихся на регистрацию задержали в том виде, в каком они были, т. е. без верхних вещей, не позволили собраться вместе с жившими в общежитиях, отправили на вокзал для отсылки в Екатеринбург. Вагоны, из которых состоял поезд, были простые товарные (даже не теплушки).

Питание арестованных соответствовало всем другим условиям поездки... За 12 дней проведенных нами в вагоны был выдан всего 8 раз хлеб (иногда не более $\frac{1}{2}$ фунта), 2 раза сырое мясо (хорошо, что собственными усилиями добыли печи) по небольшому кусочку, 2–3 раза по несколько ложек крупы, 2–3 раза по ложке растопленного масла, 2–3 раза по 3–4 картофелины, 2 раза по кусочку селедки, 2 раза кофе, 2 раза песку сахарн., 1 раз соли и 1 раз махорки (по 2 папиросы на человека) и одну коробку спичек на вагон. Даже при наличии печек не все могли готовить: не все имели с собой для этого котелки; на печке готовить на всех 35 человек требовало очень много времени и при долгом ожидании получения продуктов некоторые буквально более суток ничего не ели, наконец, не всегда была вода для кипячения. Положение некоторых облегчалось тем, что они смогли захватить с собой кое-какие продукты из лагеря и этим дополнить казенную пищу. Тем, которые таких продуктов не имели, приходилось или голодать или, если имели деньги или лишние вещи для обмена (что было далеко не у всех), покупать или обменивать их на продукты (начиная с 3–4 дня пути, когда въехали в хлебобродную полосу Вятской губ.). На деньги почти ничего приобрести было нельзя. В товарообмен пускали все, начиная с ниток, мыла, карандашей, медной и жестяной посуды, лишнего белья и кончая буквально рубашкой, снятой с тела за неимением лишней, тужурками, одеялами, простынями. В результате такого

товарообмена и утоления голода на несколько часов люди продолжали это путешествие без последних предметов теплой одежды»³⁴¹.

Я думаю, что человеку, недостаточно знакомому с условиями политического быта России наших дней, трудно себе даже вообразить большевицкую тюрьму с заключенными младенцами 3 лет до старцев 97 лет (в Бутырках сидел восьмилетний шпион); эти толпы ссыльных – мужчин, женщин, детей и стариков...

Тюрьма в теперешней России действительно один сплошной ужас. И не только для самих заключенных; быть может, еще больше для их родных. Они случайно узнают о смерти близких. Сколько родителей и до сих пор не знают: погибли ли их дети или нет. И живут надеждой открыть дорогое существо в каком-нибудь заброшенном концентрационном лагере севера. Родственники лишены даже последнего утешения – похоронить труп любимого человека.

Бывает и другое. Я знаю случай в Москве, зарегистрированный официальным документом 1920 года, когда родителям Ч.К. сообщила, что их 16-летний сын, арестованный по делу о клубе лаунтенистов, расстрелян 4 декабря. Между тем точно установлено, что он был расстрелян лишь 22-го. Такую справку дали, чтобы родители «не хлопотали» за сына. Хлопоты, по мнению Лациса, мешают планомерной работе – поэтому Лацис нередко спешил расстрелять тех, о которых ходатайствовали.

Родные обивают пороги чекистских учреждений в надежде что-либо узнать о заключенных, а сведений им не дают – даже о том, где находятся заключенные. «Справки о заключенных в В.Ч.К. вообще перестали давать родственникам» – говорится в упомянутой бумаге Красного Креста. «В положении полного неведения относительно арестованных находятся родственники иной раз целые недели; например, родственники лиц, арестованных 14 – 15 апреля (1921 г.) распоряжением Секретного Отдела в количестве многих десятков людей (до 400) в течение трех недель не могли передать своим близким

вещей (т. е. прежде всего еду) и даже узнать о их местопребывании».

Вообразите себе психологию этих лиц, ищущих заключенных в дни, когда идут расстрелы? А ведь эти дни так часто повторяются! Что же это не пытка своего рода, распространенная с индивидуума еще на ряд близких ему людей?

Трудно представить себе все разнообразие поводов для арестов, иногда массовых, которые практикуются Чрезвычайными Комиссиями. Показывая гуманность Советской власти, Лацис в своей статистике приводит цифру арестов Ч.К. на 1918–1919 гг. в 128 т. человек. «И это по всей широкой Советской России! Где же тут тот необузданный произвол, о котором при каждом удобном случае кричат наши обыватели!» Если принять во внимание, что по официальным же сведениям вместимость тюрем в России в 1919 г. равнялась 36 т. человек, то и цифра, приведенная Лацисом, будет не мала. Но как и статистика смертей, так и статистика арестов, несмотря на ее внешнюю разработанность и рубрикацию до нельзя миниатюрны. И в самом деле, если какая-нибудь маленькая Кинешма имеет концентрационный лагерь на 1000 заключенных (тюрьмы теперь никогда не пустуют³⁴²; если около одного Омска концентрационные лагеря числят 25 т. заключенных, то ясно, что приходится говорить о сотнях тысяч, раз речь заходит о всей России, где едва ли не большинство прежних монастырей превращены в тюрьмы.

При своеобразном методе арестов, практикуемом Ч.К., или все равно Г.П.У., когда арестовываются сотни невиновных людей на всякий случай, тюрьмы всегда должны быть переполнены.

В своих статьях Лацис отмечал, что в 1918–19 гг. более половины арестованных были освобождены, «но нас спросят, откуда же такая масса невинно арестованных?» «Происходит это потому, что когда целое учреждение, полк или военная школа замешаны в заговоре, то какой другой способ, как арестовать всех, чтобы предупредить возможную ошибку и в

процессе тщательного разбора дела выделить и освободить невинных?»

Вероятно, к такому методу выяснения виновных во всем мире пришла только большевицкая власть. Что же касается так называемой неприкосновенности личности, то ведь это не больше, как «буржуазный предрассудок». Целый полк, целое учреждение... И мы в Москве являлись свидетелями того, как действительно арестовывается в одну ночь, например, 1000 служащих Жилищных Отделов за злоупотребления, или в какой-нибудь квартире или учреждении арестовывается сотня попавших в засаду³⁴³. «Нельзя не указать на уродливые формы, в который выливается иногда широко применяющаяся система засад, когда схватывается масса случайных людей, не имеющих никакого отношения к политике, при чем люди эти надолго задерживаются в тюрьме. Мы можем привести большое количество случаев, когда арестованные в засадах более месяца не подвергались допросу», – так говорилось в докладной записке Политического Красного Креста. Так, например, при засаде в магазине художественных вещей Дациаро в Москве в Ч.К. привели 600 покупателей. В Бутырскую тюрьму как-то привели целую свадьбу – с гостями, извозчиками и т. д. По делу о столовой на Никитском бул., где происходила спекуляция, захватили до 400 человек. Так было во всех городах. Эти облавы иногда принимали характер гиперболический. Напр., говорят, что в Одессе в июле 1921 г. было арестовано при облаве до 16 тысяч человек. Арестованных держали три дня. Корреспондент «Общего Дела»³⁴⁴ объясняет эти массовые аресты желанием устранить нежелательные элементы во время выборов в Совет. «Последние Новости»³⁴⁵ со слов прибывшего из Новороссийска передавали, что в этом городе периодически устраивался особый «день тюрьмы», когда никто из обывателей не имел права выходить из своего жилища. В этот день производились массовые аресты и целые толпы людей всех возрастов и состояний отводились в чрезвычайки.

В «Советской России» – писал в официальном документе Раковский – люди арестовываются только за определенный

поступок. Так можно было писать только в официальном документе. Жизнь ни на одну иоту, конечно, не соответствует этому утверждению.

«Постановление Президиума В.Ц.И.К. 1-го февраля 1919 г. – констатирует записка Красного Креста – по которому следователям В.Ч.К. предписывалось оканчивать следствия по делам в течение месячного срока, решительно не соблюдается».

Так было всегда. Так было в 1918 г., когда Петерс заявлял, что из 2000 арестованных (29 окт.) все допрошены, и когда в действительности люди месяцами сидели без допросов, а сама Ч.К. в существующем хаосе не могла разобраться; так было в 1919 г.³⁴⁶, так было и при реорганизации в 1922 г. Ч.К. в Государственное Политическое Управление. Так осталось и теперь, хотя официально в соответствующем декрете В.Ц.И.К. провозглашалось, что арестованные должны быть допрошены в течение 48 часов, что им не позднее двух недель со дня ареста должно быть предъявлено обвинение, что в течение двух месяцев должно быть закончено следствие и арестованный или освобожден или предан суду, что для задержания на срок, больший, чем два месяца, должно быть испрошено специальное постановление высшего законодательного органа в Советской России.

Наивен будет тот, кто поверит советскому «habeas corpus act». В этой области нет даже исключений. Пожалуй и не может быть.

Что касается статистики арестов, то даже официальные данные самих большевиков, как они не преуменьшены³⁴⁷, показывают, что произвол в области арестов нисколько не уменьшается. Из данных докладов Комиссариата Внутренних Дел и Комиссариата Юстиции, представленных к 10-у съезду Советов, вытекает, что на 1 декабря 1922 года числилось в административной ссылке 10.638 политических; политических заключенных считалось 48819 человек³⁴⁸. Эти сведения касаются лишь центральной России. На 1 июля 1923 года по спискам Главного Управления мест заключения арестованных считалось 72.685 – из них две трети приходилось на

политических³⁴⁹. Не изменился в сущности и состав заключенных по сравнению с нашей статистикой смерти в 1918 г. Из осужденных 40% приходилось на рабочих и крестьян³⁵⁰. Террор и до наших дней не носит классового характера. Это лишь система властвования, отмечающая деспотию.

Ссылка с 1922 г. стала принимать небывалые размеры³⁵¹. восстановлено все старое. И Туруханский и Нарымский край, и Соловецкие острова. «На дальнем севере или в голодном Туркестане, в глухих городишках и деревнях, оторванные от близких, лишенные хлеба и элементарных признаков культуры, многие ссыльные буквально обречены на гибель» – говорит последнее воззвание берлинского Общества помощи политическим заключенным и ссыльным в России.

«Еще недавно всеобщее внимание было привлечено Портаминским концентрационным лагерем, расположенным на берегу Северного моря. Туда с конца прошлого (1922 г.) года начали свозить большие партии заключенных из Москвы и других городов.

Вот как описывают ссыльные общие условия жизни в Портаминске: «Лагерь устроен в старом полуразвалившемся здании бывшего монастыря, без печей, без нар, без пресной воды, которую выдают в очень ограниченном количестве, без достаточного питания, без всякой медицинской помощи». Два раза в год Портаминск во время распутицы долгими неделями отрезан от всякого сообщения и ссыльные обречены на полную оторванность от близких»....³⁵²

Но Портаминск оказался недостаточным. Центральным местом ссылки за последний год стали Соловецкие острова. Вот описание нового места ссылки, где сейчас томится свыше 200 заключенных.

«Заключенным отведена на острове одна десятая земли; выход за ее пределы строго запрещен и страже отдан приказ стрелять без предупреждения в нарушителей этого правила...

С прекращением навигации остров будет отрезан от всего прочего мира.

Обрекая людей на физическую и духовную смерть, власть «коммунистическая» с особой жестокостью создает условия существования, неслыханные даже в трагической истории русской каторги и ссылки».

Характеристику этой «красной каторги» на Соловецких островах мы найдем в письме из России, напечатанном в № 31 «Революционной России»³⁵³.

«Главное ее отличие от дореволюционной каторги состоит в том, что вся администрация, надзор, конвойная команда и т. д. – все начальство от высшего до низшего (кроме начальника Управления) состоит из уголовных, отбывающих наказание в этом лагере. Все это, конечно, самые отборные элементы: главным образом чекисты, приговоренные за воровство, вымогательство, истязания и прочие проступки. Там, вдали от всякого общественного и юридического контроля, в полную власть этих испытанных работников отдано бесправное и безгласное население «красной» каторги... Эти ходят босые, раздетые и голодные, работают минимум 14 ч. в сутки и за всякие провинности наказываются по усмотрению изобретательного начальства: палками, хлыстами, простыми карцерами и «каменными мешками», голодом, «выставлением в голом виде на комаров»...

Саватьевский скит, где заключены социалисты, находится в глубине острова, он занимает десятину земли и кусочек озера и окружен колючей изгородью. «Там, в доме, рассчитанном человек на 70, живет в настоящее время 200 человек социалистов разных оттенков и анархистов. В пределах этого загона им предоставлена полная свобода: они могут голодать, болеть, сходить с ума и умирать совершенно беспрепятственно, без малейшей попытки администрации вмешаться в их внутренние дела. Разговоры с начальником управления Ногтевым до последней степени просты, откровенны и циничны. На попытку предъявить ему требования он ответил приблизительно так: «Вам давно пора понять, что мы победили, а вы – побежденные. Мы совсем и не собираемся устраивать так, чтобы вам было хорошо, и нам нет дела до вашего недовольства». На угрозу массовой голодовки он ответил: «По-

моему вам гораздо проще сразу повеситься, до такой степени это безнадежно». Трудность и продолжительность пути на Соловецкие острова лишает родственников возможности оказывать им сколько-нибудь существенную материальную поддержку, а казенного пайка хватает только, чтобы не умереть с голоду. Тяжело больные и помешанные совершенно лишены возможности пользоваться медицинской помощью и находятся в общих камерах, среди шума и тесноты. Добиться же их перевода на материк совершенно безнадежно. На острове имеется больница, но врачи в ней опять-таки штрафные чекисты...

Но страшнее всего для заключенных не условия содержания, а ожидание прекращения сношений с миром на 8 месяцев. Что произойдет за это время, неизвестно. И теперь письма из Соловков почти не доходят по назначению. И теперь с.-р. сибиряков связанными увезли насильно на другой остров, в пустынный скит, где они совершенно отрезаны от товарищей из Савватиева»...

Прошло лишь полтора месяца после выхода моей книги. И ожидавшееся «страшное» совершилось. Мы узнаем о самоубийстве на Соловках; мы узнаем даже из официального извещения о массовых избиениях со смертными исходами. В № 34 «Известий» за нынешний год (10-го февраля) мелким шрифтом напечатано сообщение «по поводу событий в Соловках»: «19-го декабря 1923 г. в 18 ч. во дворе Савватьевского скита соловецкого лагеря имел место печальный инцидент, выразившийся в столкновении заключенных с отрядом красноармейцев, карауливших названный скит, в котором помещаются заключенные». В результате столкновения – как сообщает председатель комиссии по расследованию происшествия, член Президиума Ц.И.К. С.С.С.Р. Смирнов – шесть человек убито и умерло от ран; двое ранено «не опасно».

Из факта создания специальной комиссии по расследованию и ее краткого официального сообщения мы можем судить о действительных размерах трагедии, разыгравшейся там, на далеком, оторванном от всего мира,

Севере. Такова судьба социалистов. А судьба других политических заключенных на Соловках?...

Нам все скажет описание, даваемое корреспондентом «Социалистического Вестника»³⁵⁴.

«Кроме концентрационных лагерей для социалистов на Соловках существует еще особая тюрьма, так наз. «Кремль»... «Кремль», совершенно отделенный от мест заключения социалистов, это – совсем особый мир. Здесь сосредоточена старая уголовщина с ее старым бытом, старыми нравами и старою моралью. Сюда направляют и так называемых «экономистов», т. е. людей, осужденных по «хозяйственным делам» за взяточничество, хищения и т. д. Но здесь же помещаются и политические: священники, «контрреволюционеры» и т. д.

Ужасы режима в «Кремле», несмотря на открытые камеры, превосходят всякое описание. Бьют нещадно. Бьют работающих за малейшее упущение. Палками снабжены не только надзиратели, но и старосты работающих партий. Наказания инквизиторские: ставят «под комаров» голыми (летом) или сажают на неделю-две в темное помещение, где нельзя лечь (так оно узко) или зимою в башню, где держится лед от холода. Кормят ужасно, ибо паек раскрадывается.

Положение женщин поистине отчаянное. они еще более бесправны, чем мужчины, и почти все, независимо от своего происхождения, воспитания, привычек, вынуждены быстро опускаться. они – целиком во власти администрации, которая взимает дань «натурой»... Женщины отдаются за пайки хлеба. В связи с этим страшное распространение венерических болезней, наряду с цингой и туберкулезом.

Одним словом – самый настоящий рабовладельческий лагерь с полным бесправием заключенных, с самыми ужасными картинами быта, с голодом, с побоями, истязаниями, надругательствами...

Этот режим – величайший позор для большевиков, даже если бы он применялся лишь к самым тяжким уголовным преступникам. Когда же в такие условия ставятся побежденные

политические враги, то нет достаточно негодующих слов, которыми можно было бы заклеить эту подлость.

И эти люди смеют судить за поругание человеческого достоинства политических заключенных – каких-то Сементовских и Ковалевых! Да чем же они сами лучше этих палачей?»

Нет хуже, во сто крат хуже! Там по крайней мере не было столь грубого лицемерия. А здесь судят «палачей царской каторги», посылают торжественные протесты «против насилий и репрессий», имевших место в Финляндии, Латвии, Польше, Франции и т. д.; пишут громовые статьи о насилиях над коммунистами в буржуазных тюрьмах и... творят неслыханные по размерам насилия над человеческой личностью и человеческой жизнью!...³⁵⁵

В Соловках восстановлены знаменитые «каменные мешки», существовавшие в монастыре чуть ли не со времен Грозного. В эти мешки (узкие и глубокие отверстия в каменных стенах, совершенно без света, куда втиснуть человека можно только «под углом»), сажают ныне заключенных на «неделю, а иногда и на две»³⁵⁶.

Невольно хочется сопоставить слова, взятые из дневника поэта Полонского и относящиеся к турецким зверствам 1876 г. и постановленные нами в качестве эпиграфа к страницам, на которых излагались кошмарные насилия, с заявлением французского коммуниста Паскаля в брошюре о России, изданной коммунистическим Интернационалом в Петрограде: «Террор кончен» – писал он.

«Собственно говоря, его никогда и не было. Это слово террор, представляющее для француза такое определенное понятие, всегда вызывает у меня смех, когда я наблюдаю сдержанность, кротость, – я бы сказал – добродушие этой «ужасной чрезвычайки». «На человеческой бойне» – назвал свою статью по поводу моей книги А. С. Изгоев³⁵⁷. «Когда вы читаете этот синодик человеческого зверства... у вас колеблются самые основы понятий о человечности и человеческом обществе»... Как убедился, я думаю, читатель, жестоко ошибалась столь чуткая всегда к человеческому

насилию Е. Д. Кускова, писавшая 6-го сентября 1922 г. в. «Последних Новостях»: «Вот уже два года, как прекратились открытые ужасы».

«Краса и гордость»

«Растленное всех партий и оттенков естественно стекается и бродит в тюльерийском дворце».

Герцен. 1850 г.

«Чрезвычайная Комиссия краса и гордость коммунистической партии» – сказал однажды Зиновьев. Всякие оценки субъективны, и нам кажется, что более прав Лацис, констатировавший, что «чрезвычайка это лучшее, что наши советские органы могут дать». С нашей точки зрения это приговор всему большевицкому режиму.

Бесспорно, те цинические формы самого безудержного произвола и насилия, в который вылилась повсеместно на практике деятельность Чрезвычайных Комиссий, в значительной степени объясняется личным составом работающего в них персонала. Никаким политическим фанатизмом нельзя объяснить то, что мы могли прочесть на предшествующих страницах. Только маньяки и садисты по природе, только отверженные жизнью общественные элементы, привлеченные алчностью и возможностью властвования, могли идти и творить свое кровавое дело в таких размерах. Я думаю, что и здоровая психика должна была надорваться в удручающей атмосфере кровавых оргий, ареной которых была Россия за истекшие пять лет.

Для психолога, да и для историка, представляет, конечно, исключительный интерес изучение тех типов чекистов и чекисток, которые дала нам жизнь. Все эти Яковлевы, Стасовы, Самойловы, Островские и др. – идейные коммунисты и коммунистки, облекшиеся в чекистские тоги³⁵⁸, пожалуй, представляют собой еще недостаточно изученную страницу общественной психологии и общественной патологии. Но эти вопросы не входят пока в сферу нашего, скорее статистического изложения. Только садист, творя свое кровавое дело, может услаждаться еще этой кровью и воспевать ее в стихах, как сделал это автор тифлисского прославленного ныне навеки сборника «Улыбка Чека». Для него

Нет больше радости, нет лучших музык,
Как хруст ломаемых жизней и костей.
Вот отчего, когда томятся наши взоры,
И начинает буйно страсть в груди вскипать,
Черкнуть мне хочется на вашем приговоре
Одно бестрепетное: «К стенке! Расстрелять!»
Чувствительность и жестокость так часто сопряжены друг с другом. И Эйдук* – поэт, склонный к лирической сентиментальности, может во имя «революционного дела» собственноручно убивать людей...

Особую главу из истории общественной патологии могли бы составить характеристики другого типа чекистов, вышедших из кругов аристократии и буржуазии. И такие есть. Но, может быть, о них еще преждевременно говорить, так как ошибки здесь могут быть роковыми.

Несомненно только то, что Чрезвычайные Комиссии неизбежно должны были пропитаться с первых дней своего существования преступными, просто-напросто уголовными элементами.

Карательный аппарат «революционной власти» – говорил Дзержинский в своей записке от 17-го февраля 1922 г. – «должен был представлять кристально-чистый институт народно-революционных судей и следователей, снабженных чрезвычайной властью». Слишком поздно было уже в 1922 г. говорить о том, что должно было быть, следовало уже говорить о том, что вышло. «Сотрудники Ч.К.» – утверждал дальше шеф этого института – «выбирались заботливо из состава партии и состояли из идейно чистых и в своем прошлом безукоризненных лиц, ибо только при таком качественно-преобладающем элементе своих служащих Ч.К. была в состоянии выполнить порученный ей революционным пролетариатом (?!) обязанности». Даже, если бы это было так в действительности, то атмосфера произвола, установленная самими творцами новой политической полиции в России, неизбежно развратила бы лучшие даже элементы. Историограф Ч.К. Лацис сам должен был признать, что необходима постоянная смена работающих: «как бы честен не был человек, каким хрустальным сердцем он

не обладал, работа Ч.К., протекающая в условиях, исключительно действующих на нервную систему и притупляющих чувства этические, дает себя знать. Только редкие сотрудники вне влияния этих условий работы». Деятельность Ч.К., по свидетельству Лациса, повлияла разлагающим образом «на многих, не окрепших характером молодых коммунистов».

В Ярославской губ. Ч.К. был следователь, бывший водопроводчик. В начале он «работал хорошо, а потом начал пить». «Был у него друг-гармонщик, с которым они вместе пьянствовали. Вот он напьется и идет допрашивать арестованных. А чтобы ему не скучно было, он с собой и друга своего брал. Этот допрашивает, а тот на гармошке наигрывает... Был он малограмотный. Писать настоящего заключения не мог и только выводил каракулями: «белай расхот». Эта эпическая картина из быта Ч.К. нарисована одним из бывших следователей той же Ярославской губернской Ч.К., сидевшим в подвале губчеки с автором статьи «Штрихи тюремного быта» в сборнике «Че-ка»...

Чекисты – это привилегированные во всех отношениях элементы нового «коммунистического» общества – и не только по полноте власти, но и по внешним материальным условиям быта.

В.Ч.К. в Москве это своего рода государство в государстве. У нее целые кварталы реквизированных домов – несколько десятков. Есть своя портняжная, прачечная, столовая, парикмахерская, сапожная, слесарная и пр. и пр. В подвалах и складах огромные запасы съестных продуктов, вин и других реквизированных вещей, идущих на потребу служащих и часто не подвергающихся даже простому учету... В голодные дни каждый чекист имел привилегированный паек – сахар, масло, белая мука и пр. Каждый театр обязан присылать в В.Ч.К. даровые билеты и т. д.

И в других городах мы можем, конечно, наблюдать аналогичное. Ч.К. повсюду занимает лучшие дома. Если Ч.К. появляется в Севастополе, то, конечно, в гостинице Киста. В Одессе также образовался «чекистский городок», где находятся

все нужные для его обитателей учреждения, не исключая парикмахерской, кинематографа и пр. В Житомире Ч.К. имеет даже свою театральную труппу.

«Типы пьяного матроса-чекиста и юнца с огромным револьвером за поясом писали как-то «Общему Делу» – скоро станут достоянием истории. Их заменяют изысканно вежливые следователи из юристов и недоучившихся студентов». Это соответствует, пожалуй, действительности – постепенно изменяется состав чекистов, особенно в провинции. Но тем отвратительнее теперь эти «холеные, лощеные, с иголки одетые», столь выделяющиеся на общем фоне обнищания, люди, «свободно располагающие жизнью и смертью своих пленников».

«Имя Ч.К. должно быть не только громко, но и чисто»... Могло ли это быть тогда, когда в одной Москве числилось по разным учреждениям в общем чуть ли не 20.000 (!) этих агентов с привилегированным пайком? Только в одной В.Ч.К. непосредственных служащих в 1919 г. было более 2000, из них три четверти латышей. Латыши вообще занимают особое положение в учреждениях Ч.К. Они служат здесь целыми семьями и являются самыми верными адептами нового «коммунистического строя». Это своего рода «чужеземная опричнина» – в Москве Ч.К. называли «вотчиной латышей». Бюллетень левых с.-р. так характеризует эту тягу к Ч.К. со стороны латышских элементов: «В Москву из Латвии в В.Ч.К. едут, как в Америку, на разживу». Латыши и латышки, зачастую почти не владея русским языком, ведут иногда допросы, производят обыски, пишут протоколы и т. д. Рассказывают «забавные» истории, но далеко не забавные для тех, кто является объектом их.

Звали идейных людей, а в огромном большинстве шло отребье. В Ч.К. проникают «преступные элементы» – констатировал Крыленко. И слишком много и повсеместно. Так должно было быть неизбежно³⁵⁹. Туркестанский цирковой клоун или содержатель публичного дома не являются исключением на общем фоне, характеризующем состав деятелей Чрезвычайных Комиссий. Но ведь они могли быть и не преступниками, как им

не был, может быть, бывший кучер в. кн. Владимира Александровича Пузырев, сделавшийся в Одессе следователем Ч.К. Зато сплошь и рядом среди видных следователей оказывались разоблаченные потом бандиты, убийцы, воры и мошенники. Фактов слишком много. Мы их могли бы привести десятками. Их не мало и в сборнике «Че-Ка». Например, притоном оперировавшей в Екатеринодаре шайки грабителей оказалась квартира следователя Чеки Климова; агент секретно-оперативного отдела той же Чеки Альберт, делегированный Союзом Молодежи в число студентов Кубанского Университета, оказывается также главарем шайки грабителей. О том же можно найти массу данных в опубликованных уже материалах «Особой Комиссии»: перед нами пройдет целая галерея и бывших и настоящих грабителей. И в Москве деятели Ч.К. оказались прикосновенными к «бандитизму». В Одессе – свидетельствует один из служащих Ч.К. в 1919 г., – среди сотрудников оперативного Отдела было «много уголовных преступников», которые «сами писали ордера для обысков, вымогали и похищали». Мы этих бандитов найдем и среди ответственного персонала советской администрации. Одесса, очевидно, по своей южной экспансивности дала особо яркие примеры. Один из допрашивавшихся Деникинской Комиссией юристов рассказывает: «Преступные элементы быстро освоились с советской властью и очень тесно сошлись... В городе пошли слухи, что секретарь Чека, т. Михаил, является никем иным, как известным налетчиком Мишкой Япончиком, но 25-го мая (1919 г.) в № 47 «Известий С. Р. Д.» появилось официальное опровержение этого слуха, причем в этом опровержении Мишка Япончик именовался «небезызвестным грабителем». Прошло несколько дней и в газетах, кажется в «Коммунисте», было напечатано письмо Михаила Винницкого, он же Мишка-Япончик, что он всю жизнь боролся за идеалы коммунизма, что он грабил только буржуев, а еще через короткое время т. Михаил Винницкий начал делать большую карьеру; свою шайку воров и грабителей обратил в специальный полк, 54 Советский, и был назначен командиром этого полка... Когда же началась мобилизация коммунистов, то политкомом в полк Япончика был

назначен сам т. Фельдман, душа и главная творческая сила Исполкома»³⁶⁰.

Одесский же разбойник Котовский является перед нами в виде начальника красной дивизии. Этот Котовский выделяется среди других своей терпимостью³⁶¹. Но другие люди-звери зверями и остаются. Таков бывший глава царицынской советской администрации некий Осип Летний, ставший впоследствии начальником банды, совершившей бесчисленные убийства и грабежи. Таков председатель революционного Трибунала в Баку Хаджи-Ильяс и его товарищи, члены местной Ч.К., расстрелянные в январе 1921 года по обвинению в участии в организации, которая под видом борьбы с контрреволюцией занималась грабежами и вымогательствами. Хаджи-Ильяс, конечно, судил по революционной своей совести, единолично выносил смертные приговоры и сам эти приговоры приводил в исполнение. Называют совершенно чудовищную цифру этих убийств³⁶².

«Взятки и подлог, два неперенных спутника прежнего буржуазного «строя» – писали как-то в 1918 г. в «Еженедельнике» Ч.К. Едва ли стоит повторять это теперь, когда советской власти приходилось не так давно объявлять специальные «недели» борьбы со взятками!

Достаточно, пожалуй, указать на процесс в Верховном Революционном Трибунале некоего Косарева, занимавшего ответственную должность члена контрольно-ревизионной комиссии, которая имела целью проверку закономерности действий всех остальных органов Ч.К. Оказалось, что раньше он был приговорен к 10 годам каторги за убийство старухи с целью грабежа. В 1920 г. Косарев судился за доставку вагона дров вместо вагона замороженной дичи. В 1922 г. в Московском Революционном Трибунале рассматривалось дело коменданта одного из провинциальных трибуналов, Тарабукина, оказавшегося в своем прошлом бандитом. Его судили за вымогательство. Тарабукин со своим помощником убил ювелира и присвоил себе ценностей на 20 миллионов.

Иногда и в порядке административном большевицкая власть свирепо расправлялась со своими агентами,

попавшимися в слишком вопиющих взятках, циничных грабежах и т. д. И все-таки все это было лишь исключением из общего правила полной безнаказанности. Можно было призывать к беспощадному истреблению этих «гадин», портящих весь советский аппарат, как это делал Закс в период своего заместительства Дзержинского³⁶³ и в то же время прекрасно сознавать, что без этих «гадин» аппарат существовать не может. И сколько случаев можно зарегистрировать, когда присуждаемые за уголовные деяния к расстрелу выпускались из тюрьмы и получали немедленно крупное назначение.

«Старые способы охраны – провокация, осуждены членами комиссии» – гордо говорил еще в октябре 1918 г. в Петрограде на собрании конференции чрезвычайных комиссий Северной области руководитель петроградской Ч.К. В действительности, начиная с дела английского консула в Москве Локкарта, который был приглашен по инициативе Петерса на заседание фиктивного «комитета белогвардейцев», (как-то впоследствии признала сама «Правда»), вся деятельность чекистского «аппарата» строилась на самой грубой провокации, которой давалась санкция свыше. 5-го декабря 1920 г. за подписью Дзержинского «Особым Отделом» был разослан специальный секретный приказ, в пункте пятом которого рекомендовалось «устройство фиктивных белогвардейских организаций в целях быстрее выяснения иностранной агентуры на нашей территории».

Очевидно в силу этого циркуляра сам Лацис был творцом гнусной политической провокации в Киеве с фальшивыми чилийскими и бразильскими консулами, набранными из чекистов, устраивавшими якобы побег за границу и затем предававшими спровоцированных лиц «революционному правосудию», как контрреволюционеров. В № 1 «Красного меча»³⁶⁴, органа Политотдела Особого Корпуса войск В.У.Ч.К. (т. е. всеукраинской Ч.К.) было опубликовано даже официальное сообщение о «грандиозном», обнаруженном в Киеве, заговоре, во главе которого стоял граф Альберт Петрович Пирро, представитель Бразильской республики при Советском Правительстве Украины. Расстрелянными по официальным

сведениям оказался сам Пирро и еще четверо: «об остальных лицах, связанных с этой организацией следствие продолжает вестись» – заканчивало официальное сообщение. Среди расстрелянных оказалась некая Р. Л. Поплавская, виновная в том, что «собиралась ехать во Францию для предупреждения Клемансо о том, что выезжает инкогнито группа коммунистов с агитационной целью». Гр. Пирро, конечно, не был расстрелян, ибо, как теперь это известно, он был лишь провокатором. Но кто из чекистов принял облик не существовавшего гр. Пирро – так и остается еще невыясненным³⁶⁵. Зарубежные газеты³⁶⁶ сообщали сведения о некой «баронессе Штерн», подвизавшейся в 1920 г. в Одессе. Это также небезинтересная и характерная страничка для большевических провокаторских приемов. Баронесса Штерн прибыла из Константинополя в качестве убежденной коммунистки по словам корреспондентов цитируемых газет, о ней писали местные «Известия», ее чествовали большевические главари... Германскому консульскому агенту она вскрыла свое «настоящее» лицо: она де представительница Международного Красного Креста, прибывшая из Германии, чтобы вывезти всех немецких подданных. Заодно вывозились под фальшивыми паспортами и русские. В виду возможности «изъятия» ценностей их предлагалось передать на хранение баронессе Штерн. В назначенный день уезжающие были арестованы Ч.К. по указанно «баронессы Штерн». «В Одессе вообще часто прибегали к провокации» – говорят нам показания в Деникинской Комиссии. О, конечно, все это выдумки! – скажет скептик. Не выдумкой однако оказался бразильский «консул Пирро»? В Москве был свой «представитель» датского или шведского Красного Креста – некий датчанин, который крайне интересовался «белогвардейцами». Я знаю лиц, с которыми он пытался войти в сношения, и были такие, которые по своей, быть может, наивности попадались на удочку.

Исключительно провокацией было создано то Анапское дело, о котором нам уже приходилось говорить³⁶⁷ – здесь было расстреляно, по постановлению Терской Областной Ч.К., 62 человека, пытавшихся при содействии агентов Владикавказской

Ч.К. бежать из Анапы в Батум. Дело весьма характерно по своей обстановке. Первая партия в 12 беглецов во главе с полковником бар. Зюссерманом была гостеприимно принята во Владикавказе, через который они ехали в Батум: им отвели помещение, кормили, поили и даже водили в театры и кинематографы. Сам Зюссерман с семьей будто бы даже жил, не подозревая того, на квартире председателя Ч.К.! Тем временем была организована уже большая партия в 100 человек... «Комедия» кончилась... кончилась всегда неизбежными расстрелами ... Корреспондент «Последних Новостей»³⁶⁸ передает, что на пограничной полосе с Бессарабией в 1921 г. «очень распространен был такой способ уловления бегущих «буржуев» и «белогвардейцев»: сидящие в Бессарабии родственники посылают за кем-либо «верного человека». Случайно или нет, но «верный человек» вместе с рекомендательным письмом попадает в Румчека. Агент последней является с письмом, организует путешествие и, когда все доказательства на лицо, арестовывает «преступника».

Утверждают³⁶⁹, что провокатором оказался и комиссар той медицинской, приемной комиссии, по делу которой летом 1920 г. в Москве происходили столь вопиющие расстрелы; организатором так называемого «Евстафьевского заговора» в Одессе в август 1921 г. был комендант зданий одесской Ч.К.³⁷⁰; не обошлось без провокации и петербургское Таганцевское дело – чекистским агентом был матрос Паньков³⁷¹. Определенная провокация была в деле петербургских кооператоров. Спровоцирован был огромный «заговор» в пользу Польши в 1921 г. в Смоленске, по которому, как говорили, арестовано было свыше 1500 человек.

Во время крестьянского восстания в Ишимском уезде в 1921 г. очевидцы рассказывают о появлении агентов-провокаторов из Омской Ч.К., одетых в офицерскую форму. Такая же провокация была в «эсеров-меньшевистском восстании» в марте 1921 г. в Саратове³⁷².

Характерно дело анархистов Льва Черного, Фани Барон и др., расстрелянных в 1921 г. за уголовные преступления – печатание фальшивых советских денег. По этому поводу

берлинские анархисты в своей брошюре³⁷³ пишут: «Установлено не только то, что казненные товарищи не имели никакого отношения к уголовным делам, за которые их казнили, но также и то, что идее печатания фальшивых советских денег исходила из Московской Чека. Два ее агента – Штейнер (Каменный) и шофер-чекист – связались с некоторыми уголовными элементами, вошли в знакомство с целью предательства с некоторыми анархистами и начали затевать дело печатания фальшивых денег и экспроприации. Делалось это с ведома и под руководством М.Ч.К.».

Припомните вышеприведенные телеграммы Ленина об анархистах – и дело станет более, чем правдоподобным.

«Че-Ка» – это старая охранка со всеми ее приемами, со всеми ее методами психологического воздействия, как отметил в своих исключительно правдивых очерках о России немецкий коммунист Фридрих Минк³⁷⁴. «В Одессе образовалось новое филиальное отделение В.Ч.К. – сообщают «Общему Делу»³⁷⁵. – На Фонтанной дороге, на даче-особняке Конельского, открылся официально: Статистический Отдел Наркомздрава Р.С.Ф.С.Р. (Народного Комиссариата Здравоохранения), прямое назначение которого – заграничный шпионаж и внутренняя борьба с военной контрреволюцией. Во главе этого учреждения стоит Член Коллегии Одесской Губчека и Член Особого Отдела В.Ч.К. «знаменитый» Заковский (латыш). Громкий и весьма ответственный пост «Резидента Бессарабии, Польши и Галиции» занимает московский «чекист», специально командированный в Одессу, как «спец», Михайловский. Его сожительница Ксения Владимировна Михайловская (урожденная фон-Гернгросс), дочь полковника, носящая кличку «Лялька» и «Адочка», занимает также не менее ответственный пост; она помощник Резидента и член Всероссийского «Региступа» (Регистрационное Управление – военный шпионаж).

В руках руководителей этого учреждения вся сеть шпионажа в Бессарабии и пограничной Польше.

Отдел наркомздрава, живет широко, ни в чем себе не отказывая. Время от времени создают, чтобы отличиться пред центром, – искусственные заговоры против советской власти.

Так, недавно ими была раскрыта белогвардейская шпионская организация, ими же инсценированная. «Адочка», благодаря своему миловидному личику, знакомится с офицером, наивно рассказывает ему о существовании офицерской организации, для вящего доказательства предлагает читать подпольную прокламацию, призывающую к сплочению всех противобольшевицких сил для свержения ненавистой советской власти, час падения которой близок (наступление Врангеля из Румынии?), услужливо заготовленную на пишущей машинке в «Стат Отделе Наркомздрава», и если наивный офицер относится еще с недоверием, то предлагаемые «Адочкою» денежные суммы, якобы от имени организации на поддержку бедствующих офицеров, пленяют наивного окончательно и тот, с своей стороны, посвящает некоторых приятелей в существование «организации». Таким образом, составляется группа желающих вступить в члены «организации» или хотя бы одобряющих идею существования таковой. Цель достигнута, на сцену появляется Михайловский, Заковский и отряд «чекистов». Группа арестовывается. Следствия для военной контрреволюции не существует и невинные жертвы гнуснейшей провокации расстреливаются».

«Ч.К. на страже революции»... И когда в большевицких кругах идут разговоры о ее сокращении, о введении в норму – тогда на сцену появляется старый прием устрашения, выработанный долгой практикой Департамента Полиции. Раскрывают существующее и несуществующие контрреволюционные заговоры: «Ч.К. на страже революции»! Может быть, появится и свой «коммунистический» Азеф!

В Москве при В.Ч.К. существует особый штаб «проституток». Специально используются дети 12–14 лет, которые за свою работу получают деньги, подарки, сладости. Сотням предлагают купить свою жизнь, приняв на себя функции тайных агентов Ч.К. Сколько трагедий на этой почве! Вот некая В. под угрозой расстрела отца соглашается на предложение Ч.К. Укоры совести ведут к самосожжению...³⁷⁶ Аналогичную историю самоубийства одной женщины, повесившейся после оговора невинных людей, рассказывает корреспондент «Times»

в своих известных очерках «Russia to-day». «Надо проследовать в дебри средневековья, – добавляет он – чтобы найти что либо подобное Г.П.У.»³⁷⁷.

Провокация процветает в низах. Недаром, как свидетельствует сама «рабочая оппозиция» коммунистической партии, в рабочих кругах комячейки называются «комищайками». Тюремны полны так называемыми «наседками»³⁷⁸. бесконечное количество крупных дел о взятках, подлогах, хищениях и пр., оканчивавшихся смертным приговором, сфабрикованы были самими агентами Ч.К., заинтересованными лично в процентном отчислении с каждого дела (за раскрытие дел о спекуляции следователь получал 5% суммы). Я знаю, напр., одно дело, начатое в Москве местной Ч.К. при характерных бытовых обстоятельствах. У некоего Р. кутили два следователя, арестовавших разоткровенничавшихся хозяина и гостей. Жена Р. обратилась к прис. пов. П. Тот написал в президиум Ч.К. бумагу с изложением дела. Финал был неожиданный. П. был арестован, так как у него не было «права» обращаться в Ч.К. В результате он попал в Новоспасский концентрационный лагерь.

Система массовых обысков, арестов, облав и засад – это особый способ «самоснабжения чекистов», по словам одного из составителей сборника «Че-Ка». Что же это неправда? Ответом может служить характерное объявление самого Московского Совета, помещенное в газетах 9-го декабря 1919 г.: здесь признавалось, что все квартиры, где были засады, подверглись «полнейшему разгрому» – «обворовывались до основания».

Да, многие чекистские организации действительно были «бандитскими и мародерскими», как их назвал первый большевицкий комиссар юстиции левый с.-р. Штейнберг. И когда начинали обличать эти «бандитские и мародерские организации», они находили авторитетных защитников в лице истинных вдохновителей и руководителей Чрезвычайных Комиссий. Так выступил на их защиту еще 22-го сентября 1918 г. сам Петерс: «За последнее время – писал он в № 2 «Еженедельника В.Ч.К.» – враги советской власти снова начинают распространять гнусную клевету о взятках, подкупах,

ложных доносах»... «Нечего падать в обморок – продолжал он – если было несколько случаев злоупотреблений: новые люди не привыкли к юридической мудрости». Все обвинения объявлялись «бессовестной ложью буржуазии».

А другой чекист в № 5 «Еженедельника» в ответ на обличения выступает с такого рода успокоительным заявлением: «А значит мы сильны, ибо жулики народ практический и к слабым не примазываются». Стоит ли удивляться после этого, что в одном из донесений Эльстона Керзону³⁷⁹ говорится об общеупотребительном приеме в Перми: местные купцы арестовываются, выпускаются за деньги, опять арестовываются и, наконец, расстреливаются.

Кубанская Ч.К. создала целый промысел из системы заключения в тюрьму в целях получения соответствующих денежных сумм.

За крупные суммы освобождали в Одессе – говорят показания многих в Деникинской Комиссии. А в Москве? И она не представляла исключения.

Тираспольская Ч.К., да и другие, пограничные с Бессарабией, создала в 1920 – 21 гг. целый промысел по переправке беглецов за границу. Некто С. М. С. довольно образно описывает эту деятельность местной чрезвычайной комиссии³⁸⁰. Во главе стоит комендант Особого Отдела Румчека.

«Все приднепровские городки и местечки кишат поэтому маклерами, предлагающими перевезти в Бессарабию, «как на дредноуте». Счастье тому, кто попадает на обыкновенного маклера, работающего «честно», т. е. передающего взятку какому-нибудь влиятельному чекисту. Сплошь и рядом, однако, под видом посредников работают очень удачно сами чекисты. В последний момент, когда жертва уже идет к берегу, «неожиданно» появляется засада и хватает беглеца и его имущество. Так как последнее – обычно иностранная валюта или золото – является главным вещественным доказательством неудавшегося государственного преступления, то обычно начинается торг, и беглец отпускается»...

«Особенно грязную роль во всех этих историях играют наравне с чекистами так называемые «подпольники». Официально это агитаторы и пропагандисты, отправляемые советской властью в Бессарабию для подпольной работы. Фактически это контрабандисты.

Они же являются и главными «переправщиками». Один из них в минуту откровенности рассказывал, как он сам переправляется: «являешься в Румчека, показываешь мандат, там тебя регистрируют, дают материалы, румынский паспорт и валюту и указывают точно час и место, где надо переходить. Румынскому патрулю надо лишь предъявить членский билет коммунистической партии».

«Каждый из больших городов Украины имеет свой пограничный городок, свое собственное «окно в Европу».

«Окно» на время затворяется.

В начале 1921 года и в Одессе, и в Киеве пользовались большой популярностью приграничные местечки Подольской губернии. Весной все Приднепровье облетела весть о найденных вблизи одного из этих местечек (Каменки) в пещере восьмидесяти разложившихся трупов. Оказалось, что это беженцы, относительно которых думали, что они давно в Бессарабии.

Но там, где чрезвычайка еще не подкормилась и нуждалась в богатой клиентуре, поездка совершалась очень гладко. Уже с утра весь городок знал, что «будет переправка». К 3 часам дня на улицах появлялись целые семьи с вещами, мешками и т. д., направлявшиеся к известному всему городу сборному пункту. Являлся официальный представитель чрезвычайки и пересчитывал число голов (2 детей за 1 взрослого). Затем нагружалась большая подвода, усаживались женщины и дети и ехали через весь город к месту переправы.

Так продолжалось 2 – 3 месяца, пока в один прекрасный день начальство не решало, что довольно поработали».

В целях контроля в Тирасполе по ночам производилась форменная охота на несчастных, пытавшихся перебежать по льду в Бессарабию, не заплатив предварительно Ч.К. по установленной таксе (4 – 5 тысяч Романовскими с человека)».

Пойманных «закаляют», чтобы «другой раз не замерзли на морозе»; выводят голыми на мороз и бьют по спине палками и нагайками. Здесь махровым цветом распускается и провокация...

16-го февраля 1923 г. в Москве на Никитском бульваре, по сообщению корреспондента «Последних Новостей», покончил с собой выстрелом в висок один из ревизоров правительственной комиссии по обследованию Госполитуправления, Скворцов (бывший рабочий). При нем найден незапечатанный пакет с запиской на имя президиума Центрального Комитета Р.К.П. следующего содержания: «Товарищи! Поверхностное знакомство с делопроизводством нашего главного учреждения по охране завоеваний трудового народа, обследование следственного материала и тех приемов, которые сознательно допускаются нами по укреплению нашего положения, как крайне необходимые в интересах партии, по объяснению товарища Уншлихта, вынудили меня уйти навсегда от тех ужасов и гадостей, которые применяются нами во имя высоких принципов коммунизма и в которых я бессознательно принимал участие, числясь ответственным работником компартии. Искушая смертью свою вину, я шлю вам последнюю просьбу: опомнитесь, пока не поздно, и не позорьте своими приемами нашего великого учителя Маркса и не отталкивайте массы от социализма».

Следует ли что-нибудь добавлять к этой «исповеди?»...

Были совестливые большевики и раньше, особенно на первых порах, когда еще слишком непривычны были прежней интеллигентской психике, некоторых по крайней мере, те циничные формы, в которые вылилась деятельность Чрезвычайных Комиссии. На первых порах люди со слабыми нервами, «мягкотелые», по характеристике Петерса, не выдержали как бы моральной ответственности за кровавую бойню, организованную не только от имени коммунистической партии, но и от имени всего пролетариата. Были выступления и в печати в первые месяцы 1919 г., когда сам творец исторического циркуляра о заложниках Петровский должен был признать, что Чрезвычайные Комиссии вне организационной

зависимости в дело строительства советской власти вносят «только разврат».

Чрезвычайные Комиссии в своих действиях руководятся своим революционным опытом и совестью, а не статьей закона, как мы знаем, заявлял Петерс в декабре 1918 г. Что это значит? – Об этом ранее сказал сам Ленин: «Во имя достижения своих революционных целей, своих желаний все дозволено»³⁸¹. «Нам все разрешено – повторял самодовольно эти слова в № 1 «Красного Меча» Лев Крайний, редактор этого органа – ибо мы первые в мире подняли меч не во имя закрепощения и угнетения кого-либо, а во имя раскрепощения и освобождения от рабства всех». Повернулось колесо историческое, изменилась правда и мораль. «Наша мораль новая»... И мы видим то небывалое в мире рабство, которое появлялось в России в результате поворота этого исторического колеса.

«Пора прекратить болтовню о том, что правовые гарантии – буржуазные предрассудки»... «Разве вы не слышите – писал в феврале 1919 г. Дьяконов, с именем которого мы встречались уже при протесте против тюремных «кладбищ живых» – раздающихся из мест заключения, с фабрик и заводов голосов не каких-либо контрреволюционеров, а самых настоящих рабочих и крестьян и даже коммунистов, требующих устранения порядков, при которых могут человека в тюрьме держать, по желанию предать в Трибунал, а захотят – расстреляют»...

Это «самосуд и беззаконие», при чем автор статьи заранее оговаривался, что было время, когда революция давала право на убийство.

«Можно быть разных мнений о красном терроре – писал старый большевик Ольминский³⁸², – но то, что сейчас творится в провинции, это вовсе не красный террор, а сплошная уголовщина». Он указывал, напр., на явление, когда мальчик 16 лет, бывший «вор и хулиган», получал право в деревне убивать людей.

Характерно, как отнеслись к этой критике сами представители учреждения, названного Зиновьевым «красой и гордостью коммунистической партии». Слова Ольминского им кажутся лишь лепетом «трусливого дитяти»³⁸³: «Нужно сказать

прямо и откровенно, что интеллигенции нечего стало делать, все переговорила и все переписала, не с кем стало вести полемику... так давай искусственно создавать грызню между ведомственную, тогда будет около чего почесать язык»... «Междуведомственная» грызня заключалась в постановке вопроса об ограничении права Ч.К. выносить самостоятельно смертные приговоры, о подчинены ее контролю комиссариатов внутренних дел и юстиции, т. е. о введении ее деятельности в некоторые хотя бы ограничивающие рамки. «Нелепо ввести деятельность Ч.К. в юридические рамки» – отвечает один из чекистов Шкловский в «Еженедельнике». Тот, кто требует поставить Че-ку в зависимость от мертвого закона, тот «подкуплен буржуазией». В этих спорах принимал горячее участие и Крыленко – создатель революционных Трибуналов, конкурировавших с Чрезвычайными Комиссиями в их кровавой деятельности.

Под знаменем ли введения законности в «революционное правосудие» в конце концов шла эта партийная распря? Административная расправа заменилась «комедией суда», в котором решали вопросы жизни и смерти те же члены Чрезвычайных Комиссий. Дело только в форме, которая больше удовлетворяла вкусы главного государственного обвинителя, на совести которого так много невинно пролитой крови... Трибуналы лишь «бледные копии» чрезвычайек – констатирует прежний большевицкий комиссар юстиции Штейнберг. «Трибунал – расправа с врагами советской власти» – гласит официальная надпись над входом в житомирский трибунал.

Как фактически в свое время реагировала Ч.К. на эти теоретические споры, показывают усиленные расстрелы, происходившие в дни споров в центре, и в том числе именно тогда были расстреляны в Петрограде великие князья Николай³⁸⁴ и Георгий Михайловичи, Дмитрий Константинович и Павел Александрович... В большевицкой печати были споры: кто победил в борьбе – Ч.К. или ее противники? Жизнь дала определенный ответ. Происходили реформы, но сущность оставалась все одна и та же, и форма «красного террора» не изменялась. И если мы вспомним слова одного из видных

чекистов Мороза³⁸⁵: «Нет той области жизни, где Ч.К. не приходилось бы иметь своего зоркого глаза». – то поймем моральную и психическую обстановку жизни в современной России, где действуют отделения Г.П.У. с особыми уже инструкциями для политического шпионажа, со специальными курсами обучения этому шпионажу³⁸⁶ – точь в точь, как в старых охранных и жандармских отделениях периода царизма. Утверждают, что много выучеников этих учреждений состоит активными работниками Ч.К. Это последнее надо отнести еще к загадочным страницам нашей современности. Здесь правильнее будет пока поставить один вопрос: «правда ли?», как сделало это «Общее Дело»³⁸⁷ к столь же пикантным сообщениям об отношении между «большевиками и монархистами» в связи с арестом комиссара «для особых поручений» при В.Ч.К. Игн. Арцишевского и монархического агента какого-то капитана Михайлова. Мы не сомневаемся только в одном: азефщина во всех ее видах, согласно вышеприведенному циркуляру Дзержинского, должна была свить себе прочное гнездо.

«Житье у нас ужасное – писал в мае 1921 г. корреспондент «Рижского Курьера» из Пскова, – «в каждом доме, в каждой квартире и на улице кишат, как муравьи, шпионы... В каждом доме живут коммунисты, которые жадно наблюдают за жильцами... Все чувствуют себя точно в тюрьме, боятся друг друга, даже в своей семье брат косится на брата, не будучи уверен в том, не коммунист ли тот. Мы все измучены и устали, барахтаясь в этом проклятом муравейнике шпионажа». В дополнение можно привести характерный, уже официальный документ, именующийся «задания секр. уполномоченным на янв. 1922 г.»

Документ этот предписывает агентам:

1. Следить за Администрацией фабрик и интеллигентными рабочими, точно определять их политические взгляды и во всех их Антисоветских Агитациях и пропаганде доносить.
2. Следить за всеми сборищами под видом картежной игры, пьянства (но фактически преследующих другие цели), по

возможности проникать на них и доносить о целях и задачах их и имена и фамилии собравшихся и точный адрес.

3. Следить за интеллигенцией, работающей в сов. учреждениях за их разговорами, улавливать их политическое настроение, узнавать о их месте пребывания в свободное от занятий время и о всем подозрительном немедленно доносить.

4. Проникать во все интимные кружки и семейные вечеринки господ интеллигентов, узнавать их настроение, знакомиться с организаторами их и целью вечеринок.

5. Следить, нет ли какой-либо связи местной интеллигенции, уездной, центральной и заграницей и о всем замеченном точно и подробно доносить³⁸⁸.

Зиновьев в день пятилетнего кровавого юбилее Чрезвычайных Комиссий писал: «Меч, вложенный в руки В.Ч.К., оказался в надежных руках. Буквы Г.П.У. не менее страшны для врагов, чем буквы В.Ч.К. Это самые популярные буквы в международном масштабе»... когда-то в «Черном Переделе» переименование III Отделения в Департамент Государственной Полиции называли актом «величайшего посмеяния над русским обществом». Как назвать «реформу» превратившую В.Ч.К. в Г.П.У., итоги которой так отчетливо подвел Зиновьев?... В России на обывательском языке буквы В.Ч.К. переводились словами: «всякому человеку капут». Мы не знаем, как переведет обывательское острословие новые буквы Г.П.У.³⁸⁹. Но в международном масштабе это символ той, по словам Каутского, «Головы Медузы», от которой с отвращением должна отворачиваться вся демократия. Наша совесть не имеет права успокоиться на скепсис Ан. Франса: «все революции поднимают бессмысленные жертвы».

Как-то московская «Правда»³⁹⁰, повторяя более раннее обещание Троцкого «перед уходом хлопнуть дверью на весь мир», писала: ...»тем, кто нас заменит, придется строить на развалинах, среди мертвой тишины кладбища».

В России установилась уже эта мертвая тишина кладбища.

«И мы знаем своим потрясенным разумом и мы видели своими помутившимися глазами то, чего не знали и не видели десятки прошлых поколений, о чем смутно будут догадываться,

читая учебники истории, длинные ряды наших отдаленных потомков...

Нас не пугает уже таинственная и некогда непостижимая Смерть, ибо она стала нашей второй жизнью. Нас не волнует терпкий запах человеческой крови, ибо ее тяжелыми испарениями насыщен воздух, которым мы дышим. Нас не приводят уже в трепет бесконечные вереницы идущих на казнь, ибо мы видели последние судороги расстреливаемых на улице детей, видели горы изуродованных и окоченевших жертв террористического безумия, и сами, может быть, стояли не раз у последней черты. Мы привыкли к этим картинам, как привыкают к виду знакомых улиц, и к звукам выстрелов мы прислушиваемся не больше, чем к звуку человеческих голосов.

Вот почему перед лицом торжествующей Смерти страна молчит, из ее сдавленной груди не вырывается стихийный вопль протеста или хотя бы отчаяния. Она сумела как-то физически пережить эти незабываемые четыре года гражданской войны, но отравленная душа ее оказалась в плену у Смерти. Может быть, потому расстреливаемая и пытаемая в застенках Россия сейчас молчит...».

Так писал автор замечательного очерка «Корабль Смерти»³⁹¹.

Мы молчим, но за нас немолчно говорят мертвецы из саратовского оврага, харьковских и кубанских застенков, холмогорского «лагеря смерти».

Нет! мертвые не молчат!

Несколько слов о процессе Конради (Вместо послесловия)

Фактически я участия в лозаннском процессе не принял. Но когда в связи с этим процессом защитник Полунина Aubert обратился ко мне с запросом: не могу ли я дать материал для характеристики террора в России, – у меня не было никаких сомнений, ни принципиальных политических, ни моральных, в том, что я обязан сообщить то, что я знаю³⁹², совершенно безотносительно к тому, как я лично отношусь к убийству Воровского: буду ли я рассматривать поступок Конради, как акт личной мести или как акт политический. Для моего морального чувства было безразлично, кто с кем будет сводить свои политические счета на суде. «Страшная правда, но, ведь, правда», и при всех политических условиях надо эту «правду» говорить открыто. Демократия, именно она, должна первая осознать этот великий закон человеческой чести.

Люди нечестные назвали эту точку зрения подстрекательством к убийству³⁹³. У меня не было охоты полемизировать с писателями, которых я глубоко презираю, ибо они отбросили основное credo писательской чести – независимость мысли и слова; у меня не было охоты убеждать и тех, которых убедить нельзя, ибо – сказал еще Герцен – «мало можно взять логикой, когда человек не хочет убедиться».

Но теперь приходится сказать несколько слов.

В действительности только люди, которые, называя «моральными слепцами» других, сами не могут еще перебороть в вопросах общественной морали своих политических предрассудков, способны низводить общественное значение лозаннского суда на простое «сведение политических счетов», как это сделало, напр., недавнее обращение партии социалистов-революционеров к социалистам Западной Европы по поводу угрозы Москвы расправиться с заложниками из числа социалистов-революционеров. В том поединке «между лагерем русской контрреволюции, стоявшим за Полуниним и Конради, и лагерем большевицкого искажения революции, стоявшим за

телом убитого Воровского – писали заграничные организации партии с.-р. – нам, русским социалистам-революционерам, нечего было делать». «Мы непримиримые враги большевицкого режима произвола и красного террора... Мы не раз звали большевиков к ответу перед судом общечеловеческой совести за воскрешение – лишь для субъективно иных целей (sic!) – тех же методов управления, которые были при самодержавии вековым проклятием нашей родины; за проведение в жизнь великих лозунгов социализма (!) методами, убийственно противоречащими всему их духу. Но мы не признаем этого права (!) за теми, кто поднимает голос и вооруженную руку против новорожденного деспотизма большевиков лишь во имя исконного, освященного веками, деспотизма старого режима. Конради и Полунин были для нас не героями, а моральными слепцами, преступно злоупотребившими для сведения политических счетов тем священным правом убежища, которое предоставляют всем гонимым свободные демократические государства»...

Можно и, быть может, должно относиться с решительным осуждением ко всякому политическому убийству, сеющему «ядовитые семена новых ужасов и новых убийств»; может быть, та этика, которая отвергает насилие, никогда и ни при каких условиях не даст морального оправдания акту мести или возмездия, во имя чего бы он ни совершался; может быть, к страшным вопросам смерти человек не имеет даже и права подходить с точки зрения целесообразности... Но наша обыденная, житейская психология во всяком случае даст нравственное оправдание лишь тому убийце, который, совершая свое преступление против человеческой совести, сам идет на смерть. Поэтому тот, кто имеет смелость и мужество взять на свою ответственность пролитие человеческой крови, тот, кто считает себя в праве совершить этот акт отмщения, должен мстить там, где происходит насилие; может быть, человек, вступающий на путь террористической борьбы, и не имеет права уже в силу этого нарушать «священные права убежища».

Но почему однако та политическая партия, которая в своей политической борьбе искони шла по пути террористической борьбы, считает, что ей одной только принадлежит «право» выявлять «общечеловеческую совесть»?

И кто дал нам право отнимать у Конради стимул того, возможно преступного, героизма, который влечет русского гражданина и патриота на отмщение за те тысячи мучеников, за те тысячи жертв террора, кровью которых обильно орошена русская земля? бесспорно, убийца Воровского мстил не за ложные методы «проведения в жизнь великих лозунгов социализма». Но в человеческой жизни есть нечто более могучее, и кто дал право отнимать у Конради чувство любви к поруганной родине, во имя которой он совершал, по его словам, свое преступление? Кто дал право Ф. Дану назвать Конради «ополоумевшим мстителем за претерпленные личные обиды и страдания»?

«Мещанская» идеология присяжных заседателей швейцарского демократического суда, несмотря на всю трудность политического международного положения, сумела возвыситься до понимания высшей объективной правды и вынести оправдательный приговор убийцам, независимо от политических симпатий или антипатий судей к подсудимым.

Почему? По той самой причине, думается, по которой берлинский окружный суд оправдал в 1921 году убийцу великого визиря Турции Талаат-Паши, молодого армянского студента, Тальирия, – и тогда этот приговор приветствовался с.-р. печатью, приветствовался и демократической печатью самой Германии, как приговор официального суда, совпавший с правовым сознанием народных масс.

Слишком ужасна оказалась и та действительность, которая раскрылась перед глазами лозаннского суда: судили – во всяком случае судьи – не «политическую тяжбу контрреволюции и революции», а большевицкую действительность³⁹⁴ «Человеческая совесть», заключенная в юридические формы, может быть, только впервые вынесла гласно свое осуждение большевицкому террору. И это оправдание должно служить

memento mori для тех, кто еще продолжает творить свое насилие.

Оставим лучше в стороне столь любимые некоторыми ссылки на глас «многомиллионных трудовых масс». Кто только на них не ссылается! Это – спекуляция на народное мнение, как когда-то сказал Луи Блан.

Возможно, что лично я и плохой «демократ» и плохой «социалист», ибо по мнению г. Дана³⁹⁵, всякий демократ должен был приложить все усилия к тому, чтобы «именно контрреволюция была посажена на скамью подсудимых и пригвождена к позорному столбу» – но для меня органически непонятна эта «демократическая» позиция, и я не боюсь в таком случае отказаться от «демократических» и «социалистических» предрассудков.

Я вспоминаю слова французской писательницы Odette Keun, почти коммунистки, закончившей недавно свою книгу о России знаменательными строками: «я убеждаю европейские правительства во имя еще живущих среди этих ужасов в России, при переговорах с советской Россией поставить предварительное требование ослабить существующей режим, воплощающий и даже превышающий ад средневековья». Перед моими глазами в данный момент проходит только эта действительность, а не проклятое, быть может, прошлое и загадочное, скорее сумрачное будущее. «В такой момент молчать – заканчивается процитированное выше обращение к социалистам Европы – значит, быть может, стать попустителем новых жестокостей, новых преступлений. Пусть же властный голос мировой общечеловеческой совести остановит – пока не поздно – руку палачей, уже начавших злобно играть веревкой над головами давно и хладнокровно обреченных им жертв».

В такой момент гипноз «фашизма» может лишь ослабить наши призывы к «мировой общечеловеческой совести».

Почему? (По поводу воззвания Мартова против смертной казни)

«Какое счастье – говорил Мирабо 27 июня 1789 года, – что великая революция обойдется без злодеяний и без слез. История слишком часто повествовала о деяниях хищных зверей. Мы можем надеяться, что начнем историю людей».

Как ошибался Мирабо. Как ошибался Жорес, писавший, что слова «великого трибуна» должны сделаться гуманным лозунгом для грядущей пролетарской революции. «Пролетарии, помните», добавлял Жорес по другому поводу, вспоминая слова Бабефа, «что жестокость – остаток рабства, потому что она свидетельствует о присутствии в нас самих варварства, присущего угнетающему режиму!»...

Но «история людей» не началась еще и в наши дни. Так остро это ощущаешь, когда вновь перечитываешь яркое воззвание Ю. О. Мартова против смертной казни, выпущенное редакцией «Социалитического Вестника» отдельным изданием. Это – документ, написанный по истине «кровью сердца и соком нервов». «Всю силу своего желания, страсти, негодования, бичующего сарказма» – говорит редакция – Мартов бросил «в лицо палачам, чтобы остановить их преступную руку».

Хотелось бы строка за строкой вновь повторить статью Мартова, еще раз выписать сильные места, написанные им в защиту того учения, которое провозгласило «братство людей в труде высшею целью человечества», и именем которого совершается «кровавый разврат» террора в современной России.

Возьмем лишь последние строки. Мартов кончал: «Нельзя молчать. Во имя чести рабочего класса, во имя чести социализма и революции, во имя долга перед родной страной, во имя долга перед Рабочим Интернационалом, во имя заветов человечности, во имя ненависти к виселицам самодержавия, во имя любви к теням замученных борцов за свободу – пусть по всей России прокатится могучий клик рабочего класса:

Долой смертную казнь!

На суд народа палачей-людоедов!»

Нельзя молчать! Каждое слово этого воззвания действительно «бьет, как молот; гудит, как призывный набат». И тем не менее воззвание Мартова «не было услышано».

Друзья покойного вождя русской социал-демократии дают свое объяснение этому факту: «сдавленный империалистической интервенцией и блокадой, угрожаемый реставрационными и контрреволюционными полчищами, рабочий класс был парализован в своей борьбе против террористической диктатуры».

Так ли это? Не лежат ли объяснения в иной психологической плоскости? Редакция «Социалистического Вестника» вольно или невольно сделала большую хронологическую ошибку. Она отнесла воззвание Мартова к осени 1918 года, а между тем оно написано весной этого года в связи со смертным приговором, вынесенным Верховным Революционным Трибуналом капитану Щасному. Он был убит 28-го мая. Этой только хронологической датой и объясняется, вероятно, то, что в своем воззвании Мартов почти умалчивает о деятельности чрезвычайных комиссий.

Где же тогда были эти реставрационные и контрреволюционные полчища? В чем проявлялась империалистическая интервенция и блокада? Но не в этой хронологической ошибке сущность дела. Было внутреннее противоречие между обращенным к рабочему классу пламенным призывом Мартова: «дружно и громко заявить всему миру, что с этим террором, с варварством смертной казни без суда не имеет ничего общего пролетарская Россия», – и той двойственной позицией, которую занимало в то время большинство руководителей рабочей партии.

Нельзя клеймить «презрением», призывать к активному протесту и в то же время находить нити, которые так или иначе связывают с партией, именуемой в воззвании «всероссийским палачеством». Эти нити так охарактеризовал Р. Абрамович в своем предисловии к книге Каутского «От демократии к государственному рабству»: «Мы все эти годы, однако, никогда не упускали из виду», что большевики «выполняют», хотя и не

марксистскими методами, историческую задачу, объективно стоящую перед русской революцией в целом».

Еще ярче определил эти задачи в 1921 г. Горький в своем письме к рабочим Франции по поводу голода: «по непреклонной воле истории русские рабочие совершают социальный опыт»... и голод «грозит прервать этот великий опыт»...

«Твоим именем совершают этот разврат, российский пролетариат» – писал Мартов, бичуя в связи с делом Щасного «кровавую комедию хладнокровного человекоубийства». «Нет, это не суд»... И я никогда не забуду гнетущего впечатления, которое испытал каждый из нас через два года в заседании того же верховного революционного трибунала, когда меня, брата Мартова (Цедербаума-Левицкого), Розанова и др. судили по делу так называемого «Тактического Центра». Многие из нас стояли перед реальной возможностью казни и, может быть, только случай вывел нас из объятий смерти.

В один из критических моментов «комедии суда» перед речью обвинителя Крыленко в президиум трибунала подается присланное на суд заявление центрального комитета меньшевиков о том, что Розанов и др. исключены из партии за свое участие в контрреволюции. Заявление это было публично оглашено. «Социалисты» поспешили перед приговором отгородиться от «контрреволюционеров» в целях сохранения чистоты «социалистической» тактики.

Те, которые творили суд, были «клятвopеступники» перед революцией, кощунственно освящавшие «хладнокровные убийства безоружных пленников». В руки им давалось оружие: тех, кого вы судите, мы сами считаем предателями социализма. Этого момента я никогда не забуду. И не с точки зрения личных переживаний...

Гипноз от контрреволюции, гипноз возможности реставрации затемнил сознание действительности той небывалой в мире реакции, которую явил нам большевизм. Не пережитая еще в психологии социалистических кругов традиция мешала усвоить истину, столь просто сформулированную недавно Каутским: важно дело контрреволюционеров, а не их происхождение; и не все ли равно – приходят они из среды

пролетариата и его глашатаев или из среды старых собственников? Да, можно расстреливать целые «толпы буржуев» и делать контрреволюционное дело... Этой элементарной истины не могли понять, да, пожалуй, не понимают и теперь некоторые русские социалисты. Что же удивляться, если их протесты против террора так долго не встречали отклика среди социалистов Западной Европы или, если и встречали, то соответствовали той половинчатой позиции, которую занимали протестанты. Во время доклада Мартова в 1920 г. при упоминании о заложниках, которые расстреливаются в «отместку за поступки отцов и мужей», собравшиеся в Галле могли кричать: «палачи, звери»³⁹⁶ и в то же время признавать, что официальный протест «может быть истолкован, как сочувствие контрреволюционным элементам». Это одинаково будет и для британской «Labor Party» и для французской Конфедерации Труда... «Если некоторые социалисты остаются все же немymi свидетелями этого преступления – писал 10-го марта 1921 г. И. Церетелли в письме к социалистам по поводу завоевания Грузии – то это можно было объяснить лишь двумя основаниями: не знают правды или боятся, что их протест будет истолкован, как акт вмешательства в русские дела»... Преступление совершилось и началась расправа. И вновь центральный комитет грузинской с.-д. партии взывает к «совести мирового пролетариата» и просит его помощи: «После попрания свободы и независимости грузинской республики теперь физически истребляют лучшие силы грузинского рабочего класса. Единственное средство спасти жизнь грузинских борцов – это вмешательство европейского пролетариата. Допустит ли пролетариат Европы, чтобы тысячи его товарищей по классу, жертвовавших своей жизнью делу свободы и социализма, были загублены жестокими завоевателями»? Того отклика, которого ждали и не могло быть, ибо кто, как не социал-демократы – и русские и грузинские, выступали перед демократией самыми горячими пропагандистами идеи невмешательства в период гражданской войны, формулы, оправдывающей то нравственное безучастие, с которым мир в большинстве случаев относился к известиям

об ужасах террора. В сущности это недавно признала и редакция «Социалистического Вестника», писавшая в статье «Признание и террор»: «В героическую эпоху большевизма, в период гражданской войны западноевропейские социалисты даже весьма умеренного толка были склонны снисходительно относиться к большевицкому террору»³⁹⁷.

«Никакая всемирная революция, никакая помощь извне не могут устранить паралича большевицкого метода» – писал Каутский в «Терроризме и коммунизме». «Задача европейского социализма по отношению к коммунизму – совершенно иная: заботиться о том, чтобы моральная катастрофа одного определенного метода социализма не стала катастрофой социализма вообще, чтобы была проведена резкая различительная грань между этим и марксистским методом и чтобы массовое сознание восприняло эти различия».

Плохо понимает интересы социальной революции – добавлял Каутский – та радикальная социалистическая пресса, которая внушает мысль, что теперешняя форма советской власти – действительно осуществление социализма. Может быть, этот предрассудок уже изжит: «пусть никто не смешивает более большевицкий режим с рабочими массами в России и ее великой Революцией – гласило воззвание союза международных анархистов, напечатанное 24 июля 1922 г. в брюссельском «Peuple». Но все же еще осталось умолчание – в сущности форма той же категории. Массовое же сознание может быть воспитано лишь при определенном и безоговорочном осуждении зла.

Разве мы не чувствовали еще этой боязни осуждения со стороны известных групп социалистов хотя бы на последнем гамбургском съезде, боязни сказать всю правду, чтобы не сыграть тем самым на руку мировой реакции?

А половинчатая и искаженная правда, действительно, подчас хуже лжи. Чем по существу отличается позиция представителей английской рабочей партии, уклонившейся от голосования по русскому вопросу на гамбургском съезде, от откровенного заявления Фроссара на орлеанском конгрессе Генеральной конфедерации Труда: «если бы я знал что-нибудь

плохое о советской России, то никогда бы не позволил себе огласить, чтобы не повредить русской революции?»

И только тогда, когда будет изжит этот исторический уже предрассудок, который до наших дней заставляет искать моральное оправдание террору даже в период французской революции, только тогда будет действен призыв: «Долой смертную казнь!»; «На суд народа палачей-людоедов!».

К сожалению, он не изжит еще и в руководящих кругах. Не понят и не осознан массовой психологией.

Мы и в наши дни еще встречаемся с попытками в литературе ослабить впечатление от «режима ужаса» ссылкой на то, что на другом фронте творится – или, вернее, творилось – не лучшее.

«Но разве воровство может быть оправдано тем, что другие воруют?» – спрашивал Каутский.

Для того «исторического объективизма», которой, наш Герцен назвал «ложной правдой», нет и не может быть места в наше время. Он не может прежде всего создать пафоса, столь нужного современности.

Западноевропейский пролетариат – замечает Каутский в своем ответе Троцкому – с восторгом приветствовавший большевиков, «как Мессию», теперь «с возмущением отворачивается от этой ужасной головы Медузы». И надо не бояться сказать всю правду, как не боится ее говорить Каутский. Он писал 29 сентября 1922 г. в предисловии к русскому изданию «Пролетарская революция и ее программа»: с московскими палачами никакая партия, борющаяся за освобождение пролетариата, не может иметь ничего общего.

И только действительная непримиримость может положить конец красному террору.

«Зверь лизнул горячей человеческой крови»... Но мы люди! «Долой смертную казнь! На суд народа палачей-людоедов!»

Р. С. «Наша партия никому не уступит чести борьбы против большевицкого террора» – писал недавно в «Социалистическом Вестнике» Ф. Дан по поводу участия «демократов и социалистов» в процессе Конради. «В дни самого свирепого разгула его, она поднимала свой обличающий и протестующий

голос и становилась на защиту жертв его, не спрашивая ни о классовом происхождении, ни о политической окраске этих жертв. Только покойный Ю. Мартов нашел в себе мужество открыто выступить в Советской России с негодующим протестом против расправы с домом Романовых». Не уменьшая заслуг Мартова в этом отношении, все же необходимо внести здесь оговорку: не один Мартов находил мужество протестовать, – другие за этот протест платились жизнью; но один только Мартов мог легально выступать в печати, ибо лишь орган партии меньшевиков был допущен к изданию большевиками.

Сколь же двойственна была в то время борьба против террора в самой партии с.-д. меньшевиков, поскольку речь шла не о социалистах, видно хотя бы из статьи харьковского органа этой партии «Наш Голос». 28-го марта 1919 г. редакция посвящает передовую статью «красному террору». Устарелыми уже ссылками на прежние исторические работы Каутского и на слова Маркса перед кельнским судом: «мы беспощадны и не требуем пощады для нас», «Наш Голос» доказывал, что история оправдала якобинский террор, «направленный против свергнутых классов общества». «Классическая эпоха террора великой французской революции – добавляла газета – и до сих пор вызывает моральное негодование буржуазных историков... Наша оценка тех или других террористических мероприятий никогда не исходила из маниловской сентиментальщины. Мы их оправдывали и осуждали только с точки зрения революционной целесообразности и вреда».

Эта позиция более характерна для известного рода социалистов, чем минутные увлечения страсти и негодования против насилия над человеческой жизнью. Общественно аморальна однако самая уже постановка вопроса о целесообразности террора. От этой двойственности и должны избавиться прежде всего те, которые хотят быть действительно демократией будущего. Для того, чтобы представлять демократию, мало еще ссылаться «на многомиллионные трудящиеся массы».

Примечания

¹ - П. А. Сорокин в своих показаниях по делу Конради напомнил статистику казней в дни первой революции и последующей реакции: 1901–1905 гг. – 93; 1906 г. – 547; 1907 г. – 1139; 1908 г. – 1340; 1909 г. – 771; 1910 г. – 129; 1911 г. – 73.

² - См. в послесловии о моем участии в этом процессе.

³ - Такую же приблизительно характеристику «красного» и «белого» террора дал в «Руле» и проф. Н. С. Тимашев. Статья его вызвала в «Днях» (27-го ноября) со стороны Е. Д. Кусковой горячую реплику протеста против якобы попытки «расценивать людодержство». «Его надо уничтожить. Уничтожить без различия цвета» – писала Е. Д. Кускова. Позиция, единственно возможная для писателя, отстаивающего позиции истинной гуманности и демократизма. Но, мне кажется, почтенный автор приписал проф. Тимашеву то, чего последний и не говорил. Разная оценка «людодержства» далеко не равнозначуща признанию лучшими тех или иных форм террора. Не то мы называем и террором; террор – система, а не насилие само по себе. Неужели Е. Д. Кускова назовет правительство так называемого Комуча, при всех его политических грехах, правительством террористическим? А между тем г. Майский, бывший с.-д. и бывший член этого правительства, в свое время в московских «Известиях» привел немало фактов расстрелов на территории, где правил Комитет Членов Учредительного Собрания. Правда, предателям не во всем приходится верить и особенно такому, который выступил со своими изобличениями в момент с.-р. процесса, т. е. в момент, когда при большевицком правосудии прежние товарищи стояли под ножом гильотины... Все-таки факты остаются фактами. И однако же это очень далеко от того, что мы называем «террором».

⁴ - Я не говорю уже о тех, кто по своим коммерческим соображениям применяют в этом отношении принцип: *do ut des*, недавно столь откровенно провозглашенный Муссолини. К этой позиции в сущности близка и якобы «левая» позиция французских радикалов во главе с Эррио, не прикрытая даже

стыдливым флером какой-либо общественной принципиальности. См. напр., статью Charles Gide в «Le Quotidien» 18 янв. 1924 г. О книге Эррио «La Russie nouvelle», чрезвычайно ярко вскрывающей его позиции, я писал в № 3 «На чужой стороне»: «Из сменовеховской литературы».

⁵ - «Руль» 19-го октября. Речь шла об индивидуальном спасении известных общественных деятелей.

⁶ - Цитирую по статье А. Б. Петрищева «Вопросы», «Право Лиду». «Дни», 8 фев. 1924 г.

⁷ - «Общее Дело» 17-го июля 1921 г.

⁸ - Напомним о Фридрихе Адлере, который выставял требование «освобождения из большевицких тюрем всех томящихся там сознательных пролетариев без различия направления».

⁹ - 28-го декабря 1922 г.

¹⁰ - Едва ли не впервые на последнем международном конгрессе лиг прав человека, очевидно, под влиянием выступления П. И. Милюкова, избранного вице-президентом конгресса, была принята резолюция по поводу положения политических заключенных в России. Милюков закончил свою речь на конгрессе словами: «мы только хотим... чтобы симпатии мировой демократии не были на стороне злоумышленников. Пусть не дают санкции, ни моральной, ни юридической, тираническому правительству, которое никогда не будет признано своим народом. Пусть одним словом станут на сторону великой нации в ее борьбе против тиранов за самые элементарные права народа». Но как скромна, и по содержанию и по тону, принятая резолюция! «Международный съезд Лиг защиты Прав Человека, которому нейтральный комитет передал список, заключающий в себе около 1000 (!) русских граждан, приговоренных с 1920 г. или к смертной казни или к нескольким годам заключения в тюрьмах и в концентрационных лагерях за политические преступления, считает своим долгом настаивать перед советскими властями на отмене смертных приговоров и на широкой амнистии, освобождающей от других наказаний политических заключенных. Съезд требует, чтобы русское

правительство ускорило момент восстановления свободы слова и печати, ибо эти свободы являются необходимыми условиями развития республики».

¹¹ - «Насилие имеет оправдание только тогда, когда оно направляется против насилия» – говорил Исполнительный Комитет Народной Воли в своем обращении к американскому народу по поводу убийства президента Гарфильда в 1881 году.... «Я совершил величайший грех, возможный для человека, два убийства, запятнал себя кровью – писал после убийства Плеве из Бутырской тюрьмы в 1906 году Егор Сазонов в своих замечательных письмах к родителям, опубликованных мною в «Голосе Минувшего» (1918 № 10–12)... После страшной борьбы и мучений только под гнетом печальной необходимости мы брались за меч, который не мы первые поднимали... Не мог я отказаться от своего креста... Поймите же и простите... Народ скажет про меня и про моих товарищей, казненных и оставленных в живых, как сказал на суде мой защитник: «Бомба их была начинена не динамитом, а горем и слезами народными... бросая бомбы в правителей, они хотят уничтожить кошмар, который давил народную грудь», скажет и оправдает нас, а наших противников, тех, которые своими насилиями над народом доводили нас до необходимости проливать кровь, осудит и память их предаст вечному проклятию». Моральное оправдание этих «убийц» в том, что они не только убивают, но и умирают за убийство, как сказал Гершуни. Они действительно шли на эшафот и жизнь свою отдавали за жизнь других.

¹² - Перельцевейг с товарищами были расстреляны за несколько недель до убийства Урицкого. М. Алданов, «Совр. Зап.», т. XVI.

¹³ - A Collection of Reports on Bolschewism in Russia. Abridged Edition of Parliamenters Paper. Russia Nr. 1. Книга эта переведена на французский язык под заглавием «Le Bolchevisme en Russie. Livre blanc anglais»; цитирую по ней, стр. 159.

¹⁴ - Livre blanc 59.

¹⁵ - «Утро Москвы», № 21, 4-го ноября 1918 г.

¹⁶ - Еще опубликовано было 15 фамилий в № 3 «Еженедельника».

¹⁷ - Кстати такие осведомительные и руководящие органы появились при целом ряде Чрезвычайных Комиссий: Напр., издавались «Царицынские Изв. Ч.К.»; орган всеукраинской Ч.К. именовался «Красный Меч». Собрание этих журнальчиков и листков могли бы дать богатейший материал для характеристики «красного террора».

¹⁸ - М. П. Арцыбашев в своих показаниях Лозаннскому суду определяет эту цифру в 500.

¹⁹ - «В дни красного террора» – Сборник «Че-Ка».

²⁰ - Здесь прежде, при самодержавии, дезинфицировали новых тюремных сидельцев; зловещая «комната душ» служила в 1918 г. местом, куда сводили людей, которых везли на убой.

²¹ - «Че-Ка», «Сухая гильотина», стр. 49–50.

²² - «Сев. Ком.» 18-го сентября.

²³ - Из В.Ц.И.К. «Сев. Кавк.» № 138.

²⁴ - Сводка материалов по группе Минеральных Вод, стр. 82.

²⁵ - «Киевские Известия». Аналогичное заявление за подписью Дзержинского было опубликовано в «Известиях» еще 1-го марта: «арестованные левые социалисты-революционеры и меньшевики будут служить заложниками, и судьба их будет зависеть от поведения обеих партий».

²⁶ - В изданной в 1922 г. в Берлине брошюре «Гонения на анархистов в советской России» определенно говорится, что покушение в Леонтьевском пер. произведено анархистами. Инициатором его был рабочий Казимир Ковалев.

²⁷ - Саратовск. «Известия», 2-го октября 1919 г.

²⁸ - «Че-Ка», «Год в Бутырской тюрьме», стр. 144.

²⁹ - В сущности поводом к этому правительственному акту послужила лишь статья В. Л. Бурцева в его «Общем Деле». Он писал: «На террор необходимо ответить террором... должны найтись революционеры, готовые на самопожертвование, чтобы призвать к отчету Ленина и Троцкого, Стеклова и Дзержинского,

Лациса и Луначарского, Каменева и Калинина, Красина и Карахана, Крестинского и Зиновьева и т. д.». Может быть, в параллель этой статье следует отметить имеющую психологическую ценность запись дипломата в свой дневник при ведении Брест-Литовских переговоров. Чернин 26-го декабря 1917 г. записал: «Шарлота Кордэ сказала: я убила не человека, а дикого зверя. Эти большевики также исчезнут, и кто знает, не найдется ли Кордэ и для Троцкого».

³⁰ - «На чужой стороне», кн. III.

³¹ - «Харьковск. Изв.» № 126, 13-го мая 1919 г.

³² - «Об. Д.» № 345.

³³ - Livre blanc, стр. 37.

³⁴ - «Русская Жизнь» (Гельсингфорс), 11-го марта.

³⁵ - В результате неуместного, с точки зрения советской власти, выступления Ю. М. Зубелевич была отправлена в ссылку в Оренбург.

³⁶ - 1918 г. № 134.

³⁷ - «Рев. Россия» № 14–15.

³⁸ - 12-го ноября 1919 г.

³⁹ - Кедров находится ныне, по некоторым сведениям, в психиатрической больнице, как неизлечимый.

⁴⁰ - В самое последнее время грузинская Че-Ка объявила заложниками 37 социал-демократов, с предупреждением, что первые 10 по списку будут расстреляны за первую попытку террористического акта в Грузии. По сообщению «Соц. Вест.» 11-го фев. 1924 г. (№ 3) постановление это было отменено по требованию из Москвы (не забудем, что это было время, когда решался вопрос о признании советской власти). При чем мотивом отмены был своеобразный аргумент: так как меньшевики превратились в «ничтожную группу бандитов», а органы власти достаточно сильны для выполнения своих прекарных функций «нет надобности прибегать к таким чрезвычайным мерам репрессий, как объявление заложниками отдельных видных деятелей меньшевицкой партии».

⁴¹ - «Письма и Записки», т. и, стр. 181.

⁴² - «Посл. Нов.», 9-го февраля 1921 г.

⁴³ - Очевидно, первый комиссар юстиции при большевиках левый с.-р. Штейнберг, выпустивший недавно книгу против террора «Нравственный лик революции» и всемерно обеляющий свою партию в участии в кровавом деле террора, неправ, утверждая, что Ч.К. возникли из «хаотического состояния первых горячих дней октябрьской революции».

⁴⁴ - Из книги Троцкого Дзержинский заимствовал и аргументацию о «народном гневе»: «В обстановке классового рабства – писал Троцкий – трудно обучить угнетенные массы хорошим манерам. Выведенные из себя они действуют поленом, камнем, огнем и веревкой».

⁴⁵ - Каутский. «Терроризм и коммунизм», стр. 139.

⁴⁶ - В № 1 «Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства» от 28-го октября было опубликовано: «Всероссийский съезд советов постановил: восстановленная Керенским смертная казнь на фронте отменяется».

⁴⁷ - «Изв.» № 30.

⁴⁸ - «Изв.» № 27.

⁴⁹ - Ср. ниже с речью большевицкого главкома Муравьева в Одессе.

⁵⁰ - 1918 г. № 9–10.

⁵¹ - Штейнберг в своей книге «Нравственный лик революции», замечает: «Мы единогласно с негодованием в своих ответственных кругах заклеили это вновь вытащенное на чистую (!?) арену заржавленное орудие варварства. Мы энергично протестовали в центре власти... мы единодушно отвергали там все проекты жалостливых большевиков, (как Луначарский), пытавшихся установить «надзор» за смертью... Мы не шли ни на какие сделки в этом вопросе». Но «когда большинством голосов наши предложения были отвергнуты, мы больше ничего не делали» – с опозданием кается бывший комиссар юстиции. «Мы не заметили, что этими в начале узкими воротами к нам вернулся с своими чувствами и орудиями тот же самый старый мир». «Волею революционной власти создавался слой революционных убийц, которым суждено было вскоре

стать убийцами революции». Это произошло раньше, когда левые с.-р. принимали участие в организации Ч.К. И запоздалыми были позднейшие смягчения, которые бывший большевицкий комиссар юстиции пытался вводить в практику Ч.К. Представители левых с.-р. не шли ни на какие сделки, а в лице помощника Дзержинского, л. с.-р. Закса, говорили о расстрелах! Не левые ли с.-р. в день обсуждения вопроса о терроре в Петроградском совете 8-го сентября высказались за «необходимость классового, организованного террора»? Не левые ли с.-р. в «Воле Труда» 10-го октября заявляли, что «в отношении контрреволюции Ч.К. вполне оправдала свое назначение, «доказала свою пригодность»? Эта партия «октябрьской революции» стояла тогда «на платформе советской власти». И с полным правом председатель суда во время процесса левых с.-р. в июне 1922 г. заявил: левые с.-р. «берут на себя ответственность за октябрьскую революцию и создание Ч.К.».

⁵² - См. ниже статью «Почему»? Штейнберг вновь вольно или невольно делает хронологическую ошибку, относя предоставление трибуналам официального права вынесения смертных приговоров ко времени «учредивского движения правых с.-р.», восстания, организованного Савинковым в Ярославле. По словам бывшего комиссара юстиции, эти контрреволюционные выступления «утвердили власть в необходимости этих приемов принуждения».

⁵³ - Киевск. «Известия», 17-го мая 1919 г.

⁵⁴ - «Justice», Juin 28, 1923; «La France libre» 13-го июля; «Дни» и др.

⁵⁵ - «Еженедельник», № 6.

⁵⁶ - М. С. Маргулиес «Год интервенции» II, 77.

⁵⁷ - В сущности, конечно, проповедь шла открыто и раньше. Кокошкина и Шингарева 6-го января 1918 г., непосредственно убила не власть, но она объявила партию к.-д. «вне закона». «Стреляли матросы и красноармейцы, но по истине ружья заряжали партийные политики и журналисты», как замечает в своей книге Штейнберг. Он же приводит характерный факт,

свидетельствующий о том, что ростовский исполком в марте 1918 г. обсуждал вопрос о поголовном расстреле лидеров местных меньшевиков и правых с.-р. Для решения не набралось только большинства голосов. («Нравственный лик революции, стр. 42.).

⁵⁸ - «Изв.» 1918 № 192.

⁵⁹ - Рев. Россия, № 16.

⁶⁰ - В Москве, напр., во всех районах устраиваются митинги о красном терроре, на которых выступают Каменев, Бухарин, Свердлов, Луначарский, Крыленко и др.

⁶¹ - Не имея под руками подлинника, беру эту цитату в переводе.

⁶² - Обратим внимание на то, что этот термин впервые употреблен в официальном документе, вышедшем из центра.

⁶³ - То же в «Еженедельнике Чрез. Комисс. Казань» № 1 и в «Правде» 25-го декабря.

⁶⁴ - У меня не было в то время, напр., сведений даже об известном расстреле 12 с.-р. в Астрахани 5-го сент. 1918 г. после августовского местного восстания. «Рев. Россия» № 16 – 18.

⁶⁵ - «Известия» 8-го февраля.

⁶⁶ - Livre blanc; interim Report of the Committee to collect information on Russia 1920; Report of the Committee to collect information on Russia 1921.

⁶⁷ - Livre blanc, ст. 186.

⁶⁸ - Дело, № 56.

⁶⁹ - Архив Революции, VIII, 159.

⁷⁰ - Проверить число жертв нельзя было и при попытке собрать сведения непосредственно за уходом большевиков. Напр., харьковское отделение Деникинской комиссии, производившее свои расследования при участии представителей городской Думы, Совета профес. союзов, о-ва трудящ. женщин обследовало 11 мест заключения, обнаружило 280 трупов, но оно считает, что действительных жертв было по

крайней мере в три раза больше. Оно не могло обнаружить всех зарытых в парке и за парком.

⁷¹ - In the Shadow of Death. Statement of Red Cross sister on the Bolshevist Prisons in Kiew. Архив Революции VI.

⁷² - Оценку этой книги, а равно и других, см. в моем обзоре «Литература о терроре» в сборнике «На чужой стороне» № 8. Книга Нилостонского «Похмелье большевиков» принимает в своих заключительных строках определенный антисемитский характер, что дает возможность говорить об ее тенденциозности. Мы как-то уже привыкли не доверять литературным произведениям, выходящим из под пера лиц, неспособных возвыситься даже при изложении жизненной трагедии над шаблонным зоологическим чувством узкого шовинизма. Но сведения, идущие из источников другого происхождения, подтверждают многое, о чем говорится в этой книге.

⁷³ - См. Ниже.

⁷⁴ - «Из деятельности саратовской чрезвычайки». Сборник «Че-Ка».

⁷⁵ - Че-Ка. «Из деятельности Саратовской чрезвычайки», стр. 197.

⁷⁶ - Эти бессудные казни вызвали протест рабочих. Митинги были разогнаны с помощью «военной части и запрещены» (Маргулиес, 279).

⁷⁷ - «Fünf Monate Obrigkeit von unten. Erinnerungen aus den Odessaer Bolschewistentagen April – August 1919». Изд. «Der Firn».

⁷⁸ - Че-Ка. «Астраханские расстрелы», стр. 251, 253.

⁷⁹ - «Воля России» 7-го декабря 1921 г.; «Рев. Россия» № 3.

⁸⁰ - 7-го ноября 1920 г.

⁸¹ - А. В. Пешехонову в своей брошюре «Почему я не эмигрировал?», мне кажется, следовало бы быть осторожнее в своих оговорках, смягчающих большевицкую действительность. «Как ни жестоки большевики, – пишет он на стр. 8, – но надо отдать им справедливость, осужденные в большинстве случаев не так уж долго томятся в их тюрьмах – во всяком случае

гораздо меньше, чем пишется в их приговорах». Еще бы! Я знаю приговор, присудивший человека к 120 годам заключения! Я знаю приговор Ч.К. (временного учреждения, по заявлению большевиков), присудивший человека к пожизненному заключению. В большевицком «правосудии» много действительно дикого. Но разве Пешехонов не знает, что тысячи годами уже сидят без соответствующих приговоров за ничемные вины или даже без вины – просто, как «контрреволюционеры» *In spe*.

⁸² - «Че-Ка», стр. 227.

⁸³ - *Ib.*, стр. 102.

⁸⁴ - 15-го февраля 1919 г.

⁸⁵ - «Кремль за решеткой», стр. 112.

⁸⁶ - «Че-Ка». «Тюрьма Всероссийской чрезвычайной комиссии», ст. 147.

⁸⁷ - Французский коммунист Кашэн с обычной для коммунистов безответственностью заявлял в *l'Humanité* (30-го авг. 1919 г.): В конце 1918 г. в России был период в шесть месяцев, когда действовали чрезвычайные суды. Но уже давно того, что называется террор, не существует в революционной России. За исключением фронта смертная казнь в России отменена.

⁸⁸ - Чешский социалист Пшеничка, бывший в это время в Москве, в своем докладе, прочитанном в Праге, утверждал, что перед его отъездом из Москвы несколько десятков смертников были высланы в прифронтовую полосу («Посл. Нов.» 30-го июня).

⁸⁹ - Конечно, расстрелы на фронтах в период гражданской войны фактически происходили постоянно и до приказа Троцкого. «Простых красноармейцев» расстреливали, как собак» – констатирует г-жа Лариса Рейснер, передавая мнение самих красноармейцев, в своем повествовании о событиях в Свияжске в августе 1918 г. («Пролет. Рев.» № 18 – 19, 185). В Свияжске расстреляли 27 ответственных коммунистов, бежавших из города при наступлении «белых»; расстреляли в целях воздействия на остальную массу.

⁹⁰ - «Посл. Нов.», 20-го октября.

⁹¹ - Впрочем, и такие публикации появлялись от времени до времени. Напр., в № 206 «Известий» был опубликован список расстрелянных коллегией московской чрезвычайной комиссии по десяти делам о белогвардейском шпионаже, о злоупотреблениях продовольственными карточками и пр. Расстреляно 16 человек, в том числе доктор Мудров, кн. Ширинская-Шахматова, муж и жена Довгии и др.

⁹² - 12-го ноября.

⁹³ - Воля России, 21-го ноября.

⁹⁴ - 18-го февраля 1921 г.

⁹⁵ - 24-го июня 1920 г.

⁹⁶ - О расстреле детей, больных сапом, между прочим сообщалось в английской печати. «Посл. Нов.», 1922 г. № 656.

⁹⁷ - А. П. Аксельрод в своей книге: «Das wirtschaftliche Ergebnis des Bolschewismus in Russland», как очевидец, рассказывает о карательном поезде, курсировавшем в 1919 г. ежедневно по железнодорожной линии Вологда-Череповец. Карательный отряд преимущественно состоял из латышей и матросов. «Поезд» останавливался на какой-нибудь станции по своему усмотрению или доносу начинал производить обыски, реквизиции, аресты и расстрелы (стр. 21).

⁹⁸ - Напр., «Воронежские Известия» № 170, 12-го августа 1919 г.

⁹⁹ - 8-го ноября 1920 г.

¹⁰⁰ - 25-го марта 1922 г.

¹⁰¹ - Чо-Ка. «Штрихи тюремного быта», стр. 119 – 120.

¹⁰² - 1920, № 14.

¹⁰³ - «Раздевши, убивают на баржах и топят в море» – говорит цитированная выше корреспондентка «Голоса России».

¹⁰⁴ - «12 смертников», стр. 25.

¹⁰⁵ - «Рев. Россия», № 6.

¹⁰⁶ - «Посл. Новости», 4-го июня № 38.

¹⁰⁷ - «Общ. Дело», № 223 и др. за 1921 г.

¹⁰⁸ - Жители считают от 10–15 т. жертв – добавляет корреспондент. Конечно, это обывательские слухи, эта стоустая молва ничего не может дать для определения реальной цифры убитых. Другой корреспондент того же «Общего Дела» Р. Словцов (3-го мая 1921 г.) значительно понижает цифру расстрелянных. Ссылаясь на данные доклада председателя губчеки Дейча, сделанного на конференции коммунистической молодежи, автор приводит цифру в 2000. «Вероятно, цифра меньше действительности, – говорит он, – но, насколько можно делать предположение в темной области, число погибших приблизительно таково». Вопрос прежде всего в том, к какой хронологической дате относятся данные губчеки. Дейч, напр., стал действовать с июля 1920 г. В одном отчете Одесской чрезвычайной комиссии с февраля 1920 г. по февраль 1921 г. действительно насчитывается расстрелянных 1418 человек.

¹⁰⁹ - Осипов. На переломе. Очерк 1917 – 1922 г., стр. 67 – 68.

¹¹⁰ - «Посл. Новости», 11-го декабря.

¹¹¹ - Че-Ка. «Кубанская чрезвычайка», стр. 227 – 228.

¹¹² - «Рев. Россия», № 4.

¹¹³ - Воспоминания Арбатова в «Архиве Рус. Рев.», XII, 119.

¹¹⁴ - «Посл. Нов.», дек. 1920 г.

¹¹⁵ - № 9.

¹¹⁶ - «Рев. Россия», № 7.

¹¹⁷ - И. С. Шмелев в своем показании лозаннскому суду говорит, что расстреляно более 120 тысяч мужчин, женщин, старцев и детей. Ссылаясь на свидетельство д-ра Шипина, он утверждает, что официал. большевические сведения в свое время определяли число расстрелянных в 56 тыс. человек...

¹¹⁸ - 3-го августа 1921 г. См. также «Посл. Нов.», № 392.

¹¹⁹ - По всем данным, как сообщал в 1922 г. «Голос России», Самойлова была «похищена» в Гурзуфе зелеными и убита.

¹²⁰ - См. также «Посл. Новости», 10-го августа 1921 г.

¹²¹ - В Симферополе в имении Крымтаева в течение нескольких ночей из пулеметов было расстреляно более 5 ½

тыс. человек, зарегистрированных воинских чинов («Общ. Дело», 10-го июля 1921 г.).

122 - «Посл. Нов.», № 221.

123 - «Общее Дело», 13 янв. 1921 г.

124 - «Общее Дело», 9 ноября 1921 г.

125 - «Общее Дело», № 148; «Послед. Нов.», 16 авг. 1921 г.

126 - Цитирую по «Общему Делу» 11 дек.; сведения эти были и в других органах.

127 - «Послед. Нов.», № 198.

128 - 11 декабря.

129 - 8 декабря.

130 - «Общее Дело», 24 декабря 1920 г.

131 - 21 августа 1921 г.

132 - «Общее Дело», 23-го августа.

133 - «Правда», № 81.

134 - «Посл. Нов.», 14-го октября.

135 - Н. Воронович: «Зеленая книга». История крестьянского движения в Черноморской губ. 1921 г.

136 - Интересную сводку деятельности повстанческих отрядов на Украине в первые три месяца 1921 г. в губерниях Киевской, Черниговской, Волынской, Подольской, Херсонской, Полтавской, Харьковской, Екатеринославской, дает документ, составленный на основании секретных данных «Особого Штаба по борьбе с повстанческим движением в Украинской Советской Соц. Республике» и оперативных сводок «Красной Армии У. С. С. Р.» Он напечатан в № 11 «Революционной России».

137 - «Последние Новости», № 572.

138 - «Посл. Нов.», 18-го сентября.

139 - «Известия», № 217.

140 - «Общее Дело», 22-го сент., 7-го октября.

141 - «Посл. Нов.», 21-го декабря.

142 - «Руль», 30-го сентября.

143 - Это сообщение «Frankfurter Zeitung» перепечатала из харьковских «Известий», «Руль», 7-го декабря 1921 г.

- 144 - 19-го апреля 1921 г.
- 145 - «Посл. Нов.», 30-го августа.
- 146 - «Общее Дело», 16-го февраля 1921 г.
- 147 - «Гонения на Анархизм в Сов. России», стр. 23 – 24.
- 148 - 2-го декабря 1921 г.
- 149 - О Сибири у меня конкретных данных мало. Поэтому оставляю ее пока в стороне.
- 150 - Рамишвили в беседе с редактором «Le peuple» в декабре 1921 г. считал число арестованных превышающим 5000.
- 151 - «Руль», 14-го апреля 1921 г.
- 152 - «Общее Дело», 2-го марта».
- 153 - Вишняк «Черный Год», предисловие.
- 154 - 5-го мая, № 320.
- 155 - Такие же расстрелы были и раньше. Напр., в Москве в 1919 г. расстреляно не мало детей «бойскаутов», и 1920 г. лаунтенистов – за шпионаж и пр.
- 156 - Сообщение «Руля» и «Общего Дела», 22-го сентября. С ссылкой на большевицкую печать.
- 157 - «Рев. Россия», № 12–13.
- 158 - Дополнительно затем были расстреляны еще две менее численные группы.
- 159 - «Посл. Нов.», № 281.
- 160 - «Рев. Россия», № 11.
- 161 - «Посл. Нов.», 13-го мая.
- 162 - «Архив Рус. Рев.», XII, 132. Об этих расстрелах в свое время были сведения во всех эмигрантских газетах.
- 163 - «Сегодня, 28-го апреля 1921 г.
- 164 - «Вестник», № 1. Март 1923 г., стр. 28–29.
- 165 - «Посл. Нов.», № 928.
- 166 - «Известия», 15-го февраля 1924 г.
- 167 - 22-го февраля.
- 168 - Напр., в Но.№ 700 – 800 «Последних Новостей» сведения о расстрелах имеются в № 703, 709, 721, 72 – 732,

740 – 742, 746, 753, 773, 780, 796.

¹⁶⁹ - «Посл. Нов.», № 729.

¹⁷⁰ - «Архив Рус. Рев.», XII, 145.

¹⁷¹ - Об этом факте сообщала варшавская газета «За свободу», где сотрудничал Жилинский.

¹⁷² - 27-го августа 1923 г.

¹⁷³ - «Дни», 13-го мая 1923 г.; «Соц. Вест.», 1923 г., № 5

¹⁷⁴ - Ibidem № 15

¹⁷⁵ - «Изв.», 27-го февраля

¹⁷⁶ - «Изв.», 29-го февраля

¹⁷⁷ - № 395, 24-го янв.

¹⁷⁸ - 4-го марта.

¹⁷⁹ - 21-го сентября 1923 г.

¹⁸⁰ - Воспоминания мичмана Гефтера. Архив Революции. X, 118.

¹⁸¹ - Еще о «Голове Медузы». «Руль», 3-го августа 1923 г.

¹⁸² - Проф. Sarolea, поместивший серию статей о России в эдинбургской газете «The Scotsman» в очерке о терроре также касается статистики смерти (№ 7, ноябрь 1923 г.). Он подводит такие итоги большевизмским убийствам: 28 епископов, 1219 священников, 6000 профессоров и учителей, 9000 докторов, 54.000 офицеров, 260.000 солдат, 70.000 полицейских, 12.950 землевладельцев, 355.250 интеллигентов и профессионалов, 193.290 рабочих, 815.000 крестьян. Автор не указывает источники этих данных. Надо ли говорить, что эти точные подсчеты носят, конечно, совершенно фантастический характер, но характеристика террора в России в целом у автора соответствует действительности.

¹⁸³ - Он не был напечатан и составлен был в частном порядке.

¹⁸⁴ - Т. III, 153.

¹⁸⁵ - Н. Кришевский, «В Крыму» (1916–1918 г.) «Арх. Рус. Рев.» XIII, 108.

¹⁸⁶ - В III т. «Очерков» ген. Деникина приведена жуткая иллюстрация: «Опознание трупов людей, замученных

большевиками в Евпатории». Она не оставляет никаких сомнений в подлинности вышеописанного.

¹⁸⁷ - Архив VIII, 164.

¹⁸⁸ - «12 смертников» 21.

¹⁸⁹ - Livre blanc, 108.

¹⁹⁰ - В Благовещенске в дни погрома «буржуазии» в апреле 1918 г. погибло до 1500 человек. А. Будберг. Дневник. Арх. Рус. Рев.» XIII, 197.

¹⁹¹ - Очень образное описание захвата Киева дал большевицкий главнокомандующий Муравьев. Этот редкостный авантюрист, говоривший «Владимиру Ильичу», что он идет с революционными войсками завоевывать весь мир, в своей одесской речи так описывал свои подвиги в Киеве: «Мы идем с огнем и мечом, устанавливаем советскую власть: ... Я занял город, бил по дворцам и церквям, по попам, по монахам, никому не давал пощады! 28-го января оборонческая дума просила перемирия. В ответ я велел бить химическими удушливыми газами. Сотни генералов, может и тысячи были убиты беспощадно. Так мы мстили. Мы были бы в состоянии удержать взрыв мести, но не надо было этого, так как наш лозунг – быть беспощадным» (Маргулиес: «Огненные годы» 191).

¹⁹² - «Архив Революции», IX, 190.

¹⁹³ - «Кремль за решеткой», 177.

¹⁹⁴ - С. М. Пугачевский. «За власть советов» (из дневника участника гражданской войны) «Материалы по истории Красной Армии», т. I, 406

¹⁹⁵ - Livre blanc, 131

¹⁹⁶ - Чекистам казалось это естественным; по крайней мере в докладе камышинской Ч.К. есть такой абзац: «Нас упрекают в жестокости и беспощадности, но как поступить с теми... которые ознаменовывают молебнами падение рабоче-крестьянской власти» (Еженед. Ч.К. № 4, 25).

¹⁹⁷ - «На чужой стороне», Вып. III.

¹⁹⁸ - «Рев. Россия» № 12.

- 199 - Письмо от июня 1920 г. «Кремль за решеткой».
- 200 - «Зн. Тр.», № 3, сентябрь 1920 г.
- 201 - «Посл. Нов.», 21-го сентября 1921 г.
- 202 - «За народ» № 1.
- 203 - Процесс л. с.-р. 27 – 29 июня 1922 г. «Пути Революции», 296.
- 204 - Местный губисполком не стыдился печатать официальные объявления о том, что за срыв, напр., прокламации сожжены села в 6–10 тысяч жителей.
- 205 - «Знамя Труда» № 3, сент. 1920 г.
- 206 - Знаю это от очевидца.
- 207 - «Россия после четырех лет революции. Париж 1922 г.
- 208 - «Нравственный лик революции». стр. 56 – 61.
- 209 - № 276, 1918 г.
- 210 - «Известия» № 15, 1919 г.
- 211 - По данным, имевшимся у ген. Деникина, во время весеннего (1918 г.) восстания на Боткинском и Ежевском заводах было казнено около 800 рабочих. «Очерки русской смуты», т. III, 12.
- 212 - «Архив Революции» VIII, 163.
- 213 - См. у В. Маргулиеса.
- 214 - «Знамя Труда» № 3. См. выше о расстреле рабочих в Екатеринославе.
- 215 - Бюллетень Ц.К.Л.С.Р. № 4.
- 216 - См. «Голова Медузы».
- 217 - Эту группу – чиновников, офицеров и пр. я выделил нарочно.
- 218 - Из 2755 гильотинированных во Франции, социальное положение коих мог установить Луи Блан, лишь 650 принадлежало к зажиточным классам, т. е. менее 20%. То же позднее утверждал и Тэн: по его исчислению из 12.000 казненных, профессия коих может быть установлена, 7545 принадлежало к недостаточным классам мелкой буржуазии и рабочих. Таким образом историки разных поколений и

различных политических симпатий приходят к одним и тем же выводам.

²¹⁹ - См. еще ниже статистику приговоров в Революц. трибуналах 1922–23 гг.

²²⁰ - «Харьковская Звезда», 7-го июня 1910 г.

²²¹ - «Известия», 1-го октября 1919 г.

²²² - В ней Мясников признавал ошибкой коммунистической власти применение к рабочему классу методов, выработанных в 1918–20 гг. для буржуазии. Мясников в своей психологии таким образом недалеко ушел от тех кронштадтских матросов, которые в 1919 г., признавая правильным расстрел буржуев, протестовали против расстрела 6 женщин и матросов. В своей брошюре попутно Мясников открыл тайну убийства в. кн. Михаила Александровича. «Разве вы не знаете – писал он в своей брошюре – что за такой разговор, какой веду я, не одна сотня и тысяча пролетариев сидит в тюрьме? Если я хожу на воле, то потому, что я коммунист пятнадцать лет... и ко всему этому меня знает рабочая масса, а если бы этого не было, а был бы я просто слесарь-коммунист... то где бы я был? В Чека или больше того: меня бы «бежали», «как некогда я «бежал» Михаила Романова, как «бежали» Розу Люксембург, Либкнехта». Среди большевиков есть, кажется, и другой Мясников. Возможно, что автор статьи в «Известиях» и вождь так называемой «рабочей оппозиции» разные лица.

²²³ - «Дело Народа», 28-го февраля 1919 г.

²²⁴ - Киевские «Известия», 24-го июля 1910 г.

²²⁵ - «Начало», 19-го ноля 1919 г.

²²⁶ - «Народная Власть», 24-го января 1919 г.

²²⁷ - «Начало», № 9, 24-го июля 1919 г.

²²⁸ - Большевицкие деятели кроме того в огромном большинстве случаев вообще анонимы: известный московский следователь Агранов совсем в действительности не Агранов, а нечто в роде Ограновича; прославившийся одесский чекист Калинченко – в действительности грузин Саджая; секретарь одес. Губ. Чеки Сергеев даже официально публикуемые

извещения подписывал «Вениамин», т. е. своей революционной или иной кличкой.

229 - «Посл. нов.», 25-го апреля 1922 г.

230 - Заявление члена с.-д. партии Фрумкиной, поданное в Уральский областной комитет коммунистов. «Всегда вперед»! 22-го января 1919 г.

231 - «Посл. Новости», 24-го ноября 1920 г.

232 - Мат. Ден. Ком.

233 - «Рабочий Край», 19-го октября 1919 г.

234 - «Посл. Нов.», 6-го ноября 1920 г.

235 - На чужой стороне» № 4.

236 - Кстати об этой 17-летней Баевой. ее неискоренимость заключалась в третьей краже. Утверждают свидетели, что Баева в действительности была расстреляна за то, что обозвала Стеклова «жидом».

237 - Вишняк, Совр. Зап. I, 227.

238 - «Общ. Дело» № 126.

239 - Книжка Нилостонского, сообщая ряд интереснейших фактов, подтверждение которых находится в других источниках, явно грешит в сторону преувеличения. И в данном случае он говорит о 10 (!) однофамильцах.

240 - Белая книга. 108.

241 - Рязанские «Известия» 7-го сентября 1919 г.

242 - «Воля России» № 4, 1922 г.

243 - Палачи получают одежду расстреливаемых.

244 - «Полгода в заключении», стр. 65.

245 - Че-Ка, 198. См. подобранные материалы в этой области в гл. IV «Mauvais traitements et tortures des prisonniers» в с.-р. Memorandum'e.

246 - Че-Ка, 230 – 231.

247 - Материалы Деникинской Комиссии.

248 - 1921 г. № 476.

249 - «Общ. Дело», 27-го июня 1921 г.

250 - Материалы Деникинской Комиссии.

251 - Матер. Деник. Ком.; см. тоже воспоминания Куракиной.
«Русская Летопись» № 5, стр. 201.

252 - «Рабочая Жизнь», орган с.-д., май 1918 г.

253 - А. Николин, «Казачьи Думы» № 9.

254 - Рукописная сводка материалов «Большевизм на группах кавказских минеральных вод» 1918 г.

255 - Материалы, вып. II, Ростов на Дону, 1919 г.

256 - «Кремль за решеткой» 181.

257 - Ibid.. стр. 54 – 55.

258 - «Кремль за решеткой», 62 – 63.

259 - Факт этот подтвержден и другими источниками.

260 - Припомните аналогичное показание относительно Одессы!

261 - Это было подтверждено, как мы видели, и другими свидетельствами.

262 - «Brihwa Seme», 31-го марта 1921 г., № 71. Возможно, что в названии газеты делаю ошибку; цитирую по выписке, сделанной еще в Москве.

263 - 13-го мая уже 1923 г.

264 - Сравни вышецитированное обращение Центр. Ком. грузинских с.-д., 5-го июля 1923 г. («Соц. Вест.» № 15).

265 - 26-го января 1919 г., № 18.

266 - № 12, 22-го февраля 1919 г.

267 - Дело идет об английском консуле Локкарте.

268 - 6-го октября 1918 г.

269 - «Изв.», 3-го марта 1919 г. Об особом «секретном циркуляре» комиссара юстиции Курского, предписывавшем следить за деятельностью Ч.К., рассказывает, между прочим, в воспоминаниях о своей службе в комиссариате П. Майер.
«Архив Революции» VIII, 100.

270 - 7-го декабря 1920 г.

271 - 12-го декабря 1923 г.

272 - 21-го сентября 1922 г.

273 - Если не ошибаемся, Дрожжин был награжден даже орденом «Красного Знамени». См. также сводку № 344 ген. Оп. Штаба Деникина.

274 - Между прочим, бунтовавшие матросы.

275 - «Че-Ка», 242 – 243.

276 - «Революц. Дело», № 2, февраль 1922 г., Петроград.

277 - «Голос России» 1922 г., № 961.

278 - Это было в мае 1922 г. По сообщению «Рев. Рос.» (№ 16 – 18) д-ра Щеглова, заключенного в Архангельский к.-р. лагерь, в виде принудительной работы заставляли выгружать ассенизационные нечистоты.

279 - «Рев. Россия», № 14.

280 - «Рев. Россия», «№ 1.

281 - «Соц. Вестн.», 1923 г., № 5.

282 - О пытке в Петрограде путем сжимания сексуальных членов говорит в своих показаниях на лозаннском процессе Синовари.

283 - Письмо И. А. Шебалина в «Пути революции».

284 - Кстати о кандалах, налагаемых на подсудимых в Петрограде, передавал в 1922 г. и нелегальный «Рабочий листок». См. также заявление л. с.-р., сделанное в 1923 г. («Соц. Вест.» 1923, № 5). Они же говорят о пытке «желтым домом», т. е. о заключении среди сумасшедших.

285 - «Россия после четырех лет революции».

286 - «Одесская чрезвычайка». Кишинев, 1920 г., стр. 30.

287 - Эти перчатки ныне выставлены в Кремле, в большом дворце. О них говорит в своих воспоминаниях «La Russie Nouvelle» Edouard Herriot.

288 - «Одесская чрезвычайка», стр. 36.

289 - «Архив Рев.» VI.

290 - Она была выслана английской полицией из Константинополя за коммунистическую пропаганду. Советским властям это показалось подозрительным, и французская писательница в силу этого познакомилась с бытом чрезвычайки.

Odette Keun «Sous Lénine». Notes d'une femme, déportée en Russie par les Anglais, p. 179. См. «На чужой стороне».

291 - «Мои воспоминания», стр. 263.

292 - З. Ю. Арбатов. «Арх. Рус. Рев.». XII, 89.

293 - Ibid 119.

294 - Март 1922 г.

295 - В Москве в подвале на Сретенке д. № 13 – 14, по рассказам одного из свидетелей в ковенском «Эхо», расстрелы производятся так: «в одном конце подвала стоит вправленная в станок, винтовка, направленная дулом на мишень, куда должна приходиться голова убиваемого. Если преступник ниже ростом, ему подставляют ступеньки под ноги». «Посл. Нов.», 17-го июля 1921 г.

296 - «Посл. Нов.», № 731.

297 - 25-го марта 1922 г.

298 - «Голос России», 27-го янв. 1922 г.

299 - «Посл. Нов.», 2-го марта 1921 г.

300 - «В кровавом похмелье большевизма», 19.

301 - «Че-Ка». «Год в Бутырской тюрьме», 146.

302 - 7-го марта 1924 г.

303 - «Новое Русское Слово», 19-го февр. 1924 г., Нью-Йорк.

304 - «Дни», 7-го марта 1924 г.

305 - См. также примеры у Карцевского «Язык, война и революция». Рус. Унив. Изд. Берлин 1923 г.

306 - Воспоминания Вырубовой. В. Краснов в своих воспоминаниях рисует образную картину издевательств, совершавшихся в Ставрополе группой матросов во главе с присяжным поверенным Левицким. Они разъезжали вокруг тюрьмы с песнями и гармониями и кричали заключенным: «Это мы вас, буржуев, отпеваем». («Архив Революции». VIII, 153).

307 - «Общее Дело», 9-го ноября 1921 г.

308 - Деникинские материалы.

309 - 20-го мая 1919 г.

310 - Апрель 1919 г.

311 - «Посл. Нов.», 21-го /сентября 1920 г.

312 - Ib. № 168.

313 - Показания Медведева и др. были опубликованы г. Тельбергом в Америке и воспроизведены в № 5 берлинского журнала «Историк и Современник».

314 - Что такое подчас сама по себе камера «смертников» дает представление описание такой камеры в Киеве у Нилостонского. Здесь приговоренные сидят в подвалах. В темных или специально затемненных погребах, каморках и пр. царит абсолютный мрак. «В одной из таких камер в четыре аршина длины и два ширины было напихано от 15 – 20 человек, среди них женщины и старики. Несчастных совсем не выпускали, и они должны были тут же отправлять все потребности (Ст. 14)... В Петрограде после прочтения приговора смертников держат еще 1 ½ суток. Им не дают уже ни пищи, ни питья; не выпускают и для отправления естественных потребностей. – Ведь смертник человек уже конченный!

315 - «Че-Ка, 232 – 233.

316 - № 168, 1920 г.

317 - «Русская Летопись», № 5, стр. 199 – 200.

318 - «Че-Ка». 45.

319 - Курсив Герцена. «Былое и Думы», ч. IV, 173. (Издание «Слово».).

320 - Записки начальника контрразведки. (1915 – 1920). Берлин, стр. 125.

321 - «Че-Ка», 246 – 247.

322 - Материалы Деникинской комиссии.

323 - № 10.

324 - № 3 – 4.

325 - Стр. 20 – 23.

326 - Нечто аналогичное не раз пытались сделать и в Москве.

327 - «Рев. Россия» № 12 – 13 и 43.

328 - Маргулиес: «Огненные годы», стр. 85.

329 - Рукописная сводка материалов о Крыме

³³⁰ - Memorandum съезда членов Учредительного Собрания в России. Париж, стр. 12. В этой записке собран большой материал о положении политических заключенных.

³³¹ - Это происходило в Москве, то же отмечают киевские сестры милосердия – заставляли чистить погреб, где происходили расстрелы.

³³² - «Соц. Вестн.», № 15.

³³³ - «Соц. Вестн.» 1923 г., № 5.

³³⁴ - «Рев. Россия» 1924 г., № 33–34.

³³⁵ - В последующие годы хлеба в тюрьмах дают от ½ – 1 ф. Насколько этой пищи достаточно, свидетельствует письмо одного тамбовского крестьянина, заключенного в Петрограде: «получаем один фунт на три дня, а щи не щи, а помои; соли совсем не кладут, и помои без соли противны» («Пути Революции» 338). Петроградское «Революционное Дело» (№ 2) в феврале 1922 г. в таких словах охарактеризовало положение 2000 тамбовских крестьян, в том числе женщин и детей, содержащихся в петроградской Выборгской тюрьме: «По тюрьме ходят не люди, а какие-то страшные тени. Целые дни стоит сплошной стон... Идет буквально вымирание людей с голода. Умирают «каждый день по несколько человек».

³³⁶ - Во многих тюрьмах практиковалась еще система обобществления передач. они шли в общий раздел. Легко себе представить, что из этого получалось. В Петрограде, кажется, в одиночках и до настоящего времени существует такой обычай: передача идет в общий раздел или поступает в пользу стражи.

³³⁷ - «Изв.», 26-го декабря 1918 г.

³³⁸ - 4-го декабря 1918 г.

³³⁹ - Эти обструкции социалистов, сопровождающиеся всегда избиениями, высылками и пр., стали систематическим явлением, в Бутырской тюрьме они были в 1918, 19, 20, 21 и 22 гг. Описания их мы не воспроизводим, так как о них писалось много в зарубежной печати.

³⁴⁰ -

³⁴¹ - Документ этот в полном виде напечатан в «Социалистическом Вестнике» 20-го мая 1921 г.

³⁴² - В Бутырской тюрьме, рассчитанной на 1000 заключенных, число последних доходило временами до 3 ½ т.

³⁴³ - Недаром из своих тюремных скитаний Кен вынесла впечатление, что в больших городах из 10 жителей восемь побывали в Че-Ка.

³⁴⁴ - 9-го ноября 1921 г.

³⁴⁵ - 1920 г., № 131.

³⁴⁶ - Ср. выше со статьей коммуниста Дьяконова.

³⁴⁷ - При «ликвидации» меньшевиков в мае 1923 г., было арестовано свыше 3000 человек, при чем в одной Москве более 1000. Такая «ликвидация» была произведена в 30 городах; в июле пронеслась новая «волна репрессий», захватившая сотни, а, может быть, и тысячи жертв... (Воззвание «Общества помощи политическим заключенным и ссыльным в России» в Берлине – сентябрь 1923 г.).

³⁴⁸ - Данные были приведены корреспондентом «Дней».

³⁴⁹ - А тысячи, высылаемых в центральные губернии с Дальнего Востока? Тысячи заложников, томящихся в тюрьмах Тифлиса, Кутаиса? и т. д.

³⁵⁰ - Такой же итог дает и упомянутая статистика деятельности Верховного Революционного Трибунала за 1923 г.: Интел. 34, крестьяне 29, буржуазия 26, рабочие 11. («Звено» 1923 г. 18. VI.).

³⁵¹ - В ссылку отправлены, напр., 12 врачей, позволивших себе критиковать действия власти в связи с голодом.

³⁵² - Описание почти диких зверств, имевших место в портаминском и холмогорском концентрационных лагерях, см. выше в главе: «Истязания и пытки». Мы выделили это описание, так как оно превосходит все возможное в обычном тюремном быту. Это пытка, самая настоящая, только длительная пытка.

³⁵³ - Октябрь-ноябрь 1923 года.

³⁵⁴ - 11-го февраля 1921 г.

³⁵⁵ - В таких условиях, как противно и в то же время горько читать торжественные резолюции и обращения к «борцам

революции, томящимся в буржуазных тюрьмах» от имени русского «Общества бывших политических каторжан», принятые на торжественном заседании общества 12-го марта 1923 г. под председательством «коммунистов» Теодоровича, Виленского-Сибирякова и Краморова. В них выражалась уверенность, что «близко время, когда под напором революционного пролетариата распахнутся двери тюрем и казематов, в которых буржуазия держит своих классовых врагов». Общество создает международную организацию революционного «Красного Креста для помощи узникам капитала», которая будет продолжаться до тех пор, пока «двери тюрем не откроются во всем мире», как это было 6 лет назад в России. Противно – потому что невыносимо это лицемерие. Больно – так как к этому лицемерию оказываются причастными люди, к которым испытывал всегда глубочайшее уважение и подчас сердечную любовь...

³⁵⁶ - «На Советской каторге». Письмо с Соловков. «Соц. Вест.», 8-го марта 1924 г.

³⁵⁷ - «Руль», 13-го февраля 1924 г.

³⁵⁸ - Самойловой, идейной большевичке, Конкордии Громовой («товарищ Наташа»), подписывавшей сотнями смертные приговоры в Екатеринославе и организовавшей карательные экспедиции, и Соловьевой, одной из вдохновительниц севастопольских офицерских расстрелов в 1918 г., посвящен очерк в книге Т. С. Варшер: «Виденное и пережитое». О Самойловой см., между прочим, статью Е. Д. Кусковой: «Женщины-палачи» («Посл. Нов.», № 731).

³⁵⁹ - Что говорить о Ч.К., раз, по свидетельству самого Ленина, в самой коммунистической партии «на 100 человек порядочных, 90 негодяев». Впрочем, сам Ленин к этому факту относился скорее даже сочувственно. Еще в 1905 г. он говорил: «Партия не пансион для благородных девиц... Иной мерзавец может быть для нас именно тем и полезен, что он мерзавец». (В. Войтинский «Годы побед и поражений», II, 102.)

³⁶⁰ - См. также Вл. Маргулиес «Огненные годы», стр. 178.

³⁶¹ - «Общее Дело», 11-го марта 1921 г.

- 362 - «Последние Новости», 2-го марта 1921 г.
- 363 - «Еженедельник Ч.К.», № 5.
- 364 - 18-го августа 1919 г.
- 365 - Материалы о «Консуле Пирро» – наиболее, пожалуй, яркой странице из истории большевицкой провокации, будут напечатаны в № 5 «На чужой стороне». См. «Соц. Вестн.» 1921 г., № 5 и «Архив Рус. Революции» III, стр. 210.
- 366 - «Посл. Нов.», 24-го ноября 1920 г.; также «Общее Дело».
- 367 - «Последние Новости», 14-го октября 1921 г.
- 368 - 7-го февраля 1922 г.
- 369 - «Общее Дело», 3-го ноября 1920 г.
- 370 - «Общее Дело», 18-го октября 1921 г.
- 371 - «Общее Дело», 18-го октября 1921 г.
- 372 - Подробности о ней см. в «Воле России» № 299, 1921 г.
- 373 - «Гонения на анархистов», стр. 26.
- 374 - «Räte-Russlands Not». Erlebnisse und Erkenntnisse während meiner achtmonatigen Forschungsreise in Sowjet-russland (September 1920 bis April 1921). Стр. 45.
- 375 - 16-го июня 1921 г.
- 376 - «Memorandum» заграничной делегации партии с.-р., представленный Конгрессу Трех Интернационалов в апреле 1922 г., стр. 15.
- 377 - Очерки относятся к 1923 г. Русское издание: «Россия сего дня», стр. 67.
- 378 - О провокации при расследовании так называемого дела «Тактического Центра», рассматривавшегося в Москве в Верх. Рев. Трибунале в августе 1920 г. см. мои воспоминания: «Суд истории над интеллигенцией» № 3, «На чужой стороне». Напомним о Семенове и Коноплевой в с.-р. процессе. О провокаторах в тюрьмах см. указанный «Memorandum» с.-р., гл. 5 «L'oeuvre de la Tcheka».
- 379 - 3-го февраля 1919 г.
- 380 - «Последние Новости», 7-го февраля 1922 г.

381 - Большевики так склонны подражать монтаньярской терминологии. Здесь Ленин отнюдь не был оригинален – он вновь повторял буквально лишь слова Колло д'Эрбуа.

382 - «Вечерние Известия», 3-го февраля 1919 г.

383 - «Еженедельник», № 6. Чтобы не было в будущем сентиментальных людей, об этом заботятся заранее большевицкие педагоги. «Социалистический Вестник» (1921 г., № 19) цитировал из книги Невского и Херсонской «Сборник задач по внешкольной работе библиотек (издан в 1920 г.) следующего рода задачу: «Девочка 12 лет боится крови... Составить список книг, чтение которых заставило бы девочку отказаться от инстинктивного отвращения к красному террору».

384 - Известный историк.

385 - «Известия», 6-го ноября 1919 г.

386 - См. Г. И. Шрейдер «Новая большевицкая наука». «Воля России», 20-го сент. 1920 г. Здесь приводился цикл лекций, читаемых в «Центральной школе советской и партийной работы». По истине создан целый «шпионский факультет» на почве изучения организации, задач и деятельности Ч.К.

387 - 8-го декабря 1921 г.

388 - «Голос России», 16-го апреля 1922 г.

389 - Я слышал, что популярны слова: «Господи помилуй усопших».

390 - 13-го июля 1921 г.

391 - Че-Ка», 20.

392 - Оберу было послано за несколько дней до суда exposé этой работы. Как видно из выпущенной отдельным изданием речи Обера, последний в некоторых случаях воспользовался моими данными.

393 - Именно в этом обвиняло меня «Накануне».

394 - И сам Воровский пал жертвой этой действительности, неся за нее ответственность, поскольку он являлся членом российской коммунистической партии и занимал правительственные должности.

³⁹⁵ - «Под маской судебной защиты». «Социал. Вестник» № 20. Я перепечатаваю ниже с маленькими изменениями статью из «Дней» по поводу выпущенной редакцией «Социалистического Вестника» брошюры Мартова против смертной казни. Статья эта может служить как бы ответом писателям меньшевицкого органа.

³⁹⁶ - «Воля России», 21-го октября 1920 г.

³⁹⁷ - «Социалистический Вестник» 1924 г., № 5.